

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

WID-LC

DK

25

G47

X

HD WIDENER

HW CK6M K

WID-LC

DK

25

.G47

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ПО МНОГИМЪ

РОССИЙСКИМЪ ГУБЕРНІЯМЪ

1820.

ПЕТРОГРАДЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОСПИ-
ТАТЕЛЬНАГО ДОМА. 1828 ГОДА.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ПО

МНОГИМЪ РОССІЙСКИМЪ ГУБЕРНІЯМЪ.

1820.

СТАТСКАГО СОВѢТНИКА

ГАВРИЛА ГЕРАКОВА.

Хоть добрымъ словомъ подареше,
Я славы громкой не ищу.

ПЕТРОГРАДЪ,

въ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОСПИТАТ. ДОМА.

1828.

W1D-2C

DK

25

.G47

Позволено печатать,

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. — С. Петербургъ, 20 Іюня 1827 года.

*Цензоръ Надв. Сов. и Кавалеръ
П. Гаевскій.*

NDEA

ПОСВЯЩАЕТСЯ
СЕЙ ТРУДЪ
ПОЧТЕННѢЙШЕМУ,
НѢЖНѢЙШЕМУ ПОЛУ.

Милостивыя Государыни!

Вамъ посвящаю пупевыя мои записки, пошому единспвенно, что съ юныхъ лѣтъ и донынѣ всегда удаллся сколько возможно общеспва муцинѣ, и ежели имѣю какія-нибудѣ добрыя качеспва, маленькія свѣденія, шо бесѣда ваша шому причиною, и — на вопросѣ, почему я предпочишаю собранія благородно - мыслящаго нѣжнаго пола? — ошвѣчаю:

При нихъ нельзя въ словахъ забыться,
При нихъ не смѣю глупымъ быть;
Имъ долженъ сердцемъ покориться,
Чшобъ шѣмъ ушѣхи находишь.

Нашедъ и радость и ушѣхи
Въ невинныхъ, Ангельскихъ душахъ,
Вкушашъ я буду безъ помѣхи
Покой и въ бѣдныхъ шалашахъ.

И такъ удостойше, прекрасныя
сердцами, благосклоннаго вашего
чпенія, неприготовленные пруды
мои; пускай кришика вооружится,
я равнодушенъ къ оной; ваша, еди-
ная улыбка, ваше одобреніе, и — я
доволенъ и счастливъ!

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ молодыхъ лѣтъ, веду ежедневныя записки: гдѣ былъ, что дѣлалъ, чему выучился, доволенъ ли ближними, доволенъ ли собою, въ мирѣ ли съ совѣщію своею и проч.; — въ шакомъ почпи видѣ представляю пушевыя свои записки благосклоннымъ чипашелямъ, съ присовокупленіемъ къ предисловію краткой жизни Зоила.

„ Зоиль родился въ Амфиполь, Ора-
„ кійскомъ городѣ; краснорѣчіемъ за-
„ нимаясь, *сытъ былъ*; но — желая себя
„ прославишь и обогатишь, написалъ
„ кришику на Исократовы (*) сочи-

(*) Кто не знаетъ сего славнаго вишію, добродѣтельнаго Аенянина, друга Сократова, истиннаго сына отечества? Кончина его доказываетъ чувствительнаго челоуѣка; имѣя уже 98 лѣтъ, узнавъ, что Филиппъ, Царь Македонскій, разбилъ Аеняня при Херонеѣ, съ печали на четвертый день скончался, за 338 лѣтъ до Р. Х.

„ненія и на безсмершныя шворенія
„Омировы, называя себя бичем ихъ.
„За 270 лѣтъ до Р. Х. изъ Македо-
„ніи прибывъ въ Александрію, по-
„казывалъ свою кришику на Иліаду
„всѣмъ, наконецъ поднесъ оную Пшо-
„ломейю, прося за оную награды; ибо
„умиралъ съ голоду. Пшоломей, при-
„нявъ съ неудовольствіемъ, велѣлъ
„сказать ему: Омиръ, умершій за
„1,000 лѣтъ, кормилъ и кормилъ
„многія штысячи людей; Зоиль же,
„хвалясь, что болѣе имѣешь досто-
„инствъ Омира, пусть прокормилъ
„хотя самаго себя. — Исторія го-
„воритъ, что сей салирикъ - кри-
„шикъ имѣлъ бѣдственную кончину:
„одни пишутъ, что Пшоломей ве-
„лѣлъ его распялъ; другіе увѣряють,
„что онъ побилъ камнями; шре-
„шныи утверждають, что въ Смирнѣ
„сожженъ живой.“ — Зоилы нашихъ
временъ! бойшесь участи собрата
своего.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

П О Р О С С И И.

1 8 2 0.

Юня 2-го числа.

Пелопонисъ родина ошца моего, Коншанпинополъ колыбель машери моей, а я родясь 1775 года въ Москвѣ, въ пеленахъ привезень въ С. Пешербургъ, до семи лѣтъ находился въ родипельскомъ домѣ, въ сѣ юнѣя лѣша лишась ошца, по Высочайшему указу съ старшимъ брапомъ опредѣлень въ бывшій Греческій корпусъ, кадетомъ, гдѣ и воспитанъ щедрошами Великой Екатерины II, подъ надзоромъ единственнo *Рускаго Дворянства*; по волю Ея, служиль нѣсколько мѣсяцовъ въ Балшійскомъ флотѣ, на корабль Максимъ Исповѣдникъ, и съ 1790 года до 45 лѣтъ возраста ни шагу изъ Пешрова Града, занимаясь образованіемъ себя и другихъ, попеченіемъ о кровныхъ, службою военною, ученою и гражданскою. 1820 года прозъбы и прозъ-

бы молодаго Рускаго Дворянина Г. В. Д.,
 убѣжденія многихъ, рѣшили меня согла-
 ситься, оставивъ спокойствіе единообраз-
 ной жизни, забыть привычки свои и пу-
 ститься въ дальное путешествіе по Рос-
 сіи; тѣмъ болѣе я долженъ былъ согла-
 ситься, что хорошо воспитанный моло-
 дой человѣкъ, въ обязанность поставилъ
 себя, покоить, лелеять меня во всю доро-
 гу. И такъ съ упованіемъ на Бога, сопро-
 вождаемый благословеніями родившей ме-
 ня восьмидесятилѣтней, почтеннѣйшей изъ
 женщинъ и всѣхъ честныхъ людей обоего
 пола, оставя друзей и пріятелей, выѣхалъ
 2-го Іюня 1820 въ шесть часовъ утра изъ
 прекраснѣйшаго города, столицы благо-
 словеннаго Государя великаго народа.
 Какой-то тяжелый камень лежалъ на гру-
 ди моей, и какое-то мрачное молчаніе не
 прерывалось до второй станціи *Мурзинки*
 по Шлиссельбургской дорогѣ; лошади мча-
 ли, коляска капилась быспро, пыль носи-
 лась за нами, ямщикъ, хопя и молодець,
 оплошалъ, наѣхалъ на перилы, коляска на
 боку, пащипся . . . мигъ, всѣ полетѣли,
 охающъ, — вскочили; я будто пробудил-
 ся опъ объявшей меня думы; поварищъ
 мой ушибся до крови выше виска. Богъ
 сохранилъ его, какъ и всѣхъ насъ; егеръ

съ козелъ съ кучеромъ больнѣе спирадали
вашъ покорный слуга, подобно душинкѣ,
грудью упалъ на большой клокъ сѣна, од-
нако лѣвая рука, съ мѣсяцъ была синева-
ша; хлопотня поднявъ коляску, копорая
опъ славнаго удару нѣсколько подалась
въ лѣво; крестьяне сбѣжались; я стоя на
новомъ роковомъ мосту, облокотясь объ-
ими руками о перилы, думалъ про себя: что
тебѣ сдѣлалось, для чего ты поѣхалъ,
что за прихоши, видѣшь другихъ и себя
показать? и когда? въ сорокъ пять лѣтъ
безъ выѣзду, имѣя шолько книжное поняшье
о почтовой ѣздѣ, о дорогахъ; не ворошишь-
ся ли! вѣдь до Тифлиса далеко! Такъ думая
покраснѣлъ. Какъ! кто-то шепнулъ мнѣ
на ухо, ты написавшій *твердость духа*
Рускихъ, не имѣешь самъ, шолько швер-
доспи, чтобъ объѣхалъ часть Россіи!
Имѣю, опшвѣчалъ самъ себѣ. Между шѣмъ,
добрыми крестьянами коляска поднята,
сѣли и поѣхали; въ часъ по полуночи бы-
ли уже въ Шлиссельбургѣ. Продолжая ѣзду
по берегу Ладожскаго канала, благоговѣя
вспоминалъ Петра Великаго, копорый
симъ каналомъ много душъ сохранилъ и
сохраняешь; прежде Ладожское Озеро мно-
го поглощало, людей и грузу. Правдою
руководясь, долженъ сказать: что дороги

*

одна другой хуже, мосты еще дурнѣе, ямщики молодцы, лошади хороши. Утверждаютъ что весь каналъ наполненъ барками съ грузомъ, и вообще одна ошъ другой въ пяши или шести саженьяхъ, а не прогаюся: что сему причиною? вода ли? люди ли? или что другое? не мое дѣло допытываться.

3-го Іюня въ семь часовъ по полудни, по ужасно дурной дорогѣ, съ дождемъ, доѣхали до Тифина, и по словамъ предъидущаго смоприселя почпъ, приспали въ монашырѣ. Не должно внимать, большею частію расказамъ смоприселей: часпо пупешественникъ не по находишь, о чемъ ему говорили. Приказавъ своему повару приготоуишь обѣдъ, пошли въ церковь, ошпѣли съ должною чиностію благодарственнѣй молебень о сохраненіи родившихъ насъ, друзей и пріиселей.

Что сказашъ о Монашырѣ? богатъ и хорошъ, особенно церковь. Архимандрита не заспали, — изъ Монаховъ одинъ благообразный Марширій, которѣй спавидъ свѣчи, и продалъ по прошенію нашему, описаніе Тихвинской Богоматери, обрашилъ мое вниманіе: и глаголь и пошупъ и скромношъ, все показываешъ ошпельника, принявшаго душею въ живѣ Ан-

гельскій образъ; по распросамъ моимъ, отвѣчали всѣ Монахи: Марширій примѣръ благоправія, шолько и знаешь келью свою и церковь; въ десять лѣтъ до ворошь монашырскихъ не доходиль; пожелавъ благочестивому иноку здравія и швердошти, вошли въ церковь женскаго Монашыря, и видѣли испинное благочиніе; — показывали ризницу, хороша, и все въ опличномъ порядкѣ. Монахини одна другой скромнѣе, разговоръ крошкой, умный и душъ пріятный; съ благодарноспію вышли прося изъявишь наше почтеніе больной Игуменѣ, которую передъ пріѣздомъ нашимъ соборовали; она ждесть смерши, какъ послѣдней ошрады опличной жизни своей: шакъ ѿ ней всѣ ошносились.

Въ Тихвинскомъ женскомъ Монашырѣ, въ особомъ ошдѣленіи, споишь богатая гробица, съ пѣломъ Царицы Даріи Алексѣевны, Супруги Царя Іоанна Васильевича Грознаго и племянницы ея Леониды Александровны Княжны Долгорукой.

Въ 8-мъ часовъ, обѣдали и ужинали все почши свое; но за сѣно, ночлеги, хлѣбъ и сливки, заплашили очень дорого.

4-го Іюня рано выѣхали изъ Тихвина; три спанціи, ужаснѣйшая дорога и преплохіе мосты; да не приведетъ Богъ вхашь

ни одному доброму человеку, развѣ замѣть за наказаніе. Но матеріалы уже заготовлены.

Слобода Соминская прекрасна; на рѣкѣ Соминѣ видно, что жили торговцы, чисны вообще; а женщины живы, не дурны и привѣтливы, ни одной шляпки, ни чепчика.

5-го Іюня, въ ѣздѣ, только останавливались въ *Устюгѣ*, въ дурномъ пракирѣ обѣдали, за шо дорого заплашили; — опрятнство и здѣсь замѣшилъ особенно въ женскомъ полѣ.

6-го Іюня, Воскресенье, въ десять часовъ въ *Мологѣ*. Все дышеть Рускимъ: идушь къ обѣдинѣ въ нарядахъ, нарядахъ Рускихъ: ояшь какъ, не скажешь, нѣжный полъ былъ румянь, прекрасень. Перемѣня лошадей, пушились, и въ *Рыбинскѣ*. Любезносцію передоваго, останавлились не въ часномъ домѣ, а въ Рускомъ пракирѣ, гдѣ при всемъ нашемъ, исключая сперлядки крошечной и дурной болшвины, ужаснѣйшій счень поданъ и заплаченъ; шочно по Парижски; не беруть а деруть. *Рыбинскѣ* городъ живой: все кипишь, говоришь, разсуждаешь, иначе бышь нельзя, судовъ множеснво, и вошь кормилица *С. Петербурга*. Въ даль не вхожу, а чинов-

ники живутъ и хорошо и гостепріимны; шупъ ужъ видны и шляпки и шурецкія шали, и прочіе наряды. По улицамъ, инья ходящъ, другія гуляющъ, въ кружку споящъ, прохожихъ оглядывающъ, замѣняя новое лицо, поклонящя: *еще грубость иноземная не достигла сего города, слава Богу.*

Голова Рыбинска, купецъ Поповъ, богаче всѣхъ, умнѣе и скромнѣе, по сердцу пришелъ мнѣ, весело учисья не у надушаго, каковы большею часпію иноземные просвѣпишели, шолько пыль въ глаза бросающъ. Поповъ на мои слова, что при богашествѣ города спыдно видѣщъ деревянную набережную, опвѣчалъ: есшлы бы Государь Императоръ приказалъ брать по денежкѣ съ куля привознаго, шо въ самой скороспи, вся набережная была бы каменная; однако городъ имѣетъ прекрасныя церкви, биржу, и болѣе спа пшшдесяти каменныхъ домовъ; усшавъ, сѣли и поѣхали. Дорогою пили кофій въ чешверпомъ часу ушра, у смотришелей почшъ. Иные живутъ чшшо, и можно кое-чшо досшашъ, а иные, — войши нельзя.

7-го Іюня, чрезъ Ярославль и Росшовъ пріѣхали въ при часа по полудни въ деревню шоварища моего, Богородиц-

кое. — Нѣшь словъ описашь радости крестьянъ, увидя своего барина въ первой разъ, и нѣшь словъ пересказать, видя чиншону мужиковъ, бабъ, дѣвокъ и дѣшей, счастье и довольство на лицѣ у всѣхъ; какъ весело встрѣчатъ въ низкой долѣ прямое веселіе и должную признашельность къ своему доброму помѣщику. Вошедъ въ барской домъ, въ копоромъ Золѣшь никто не жилъ, а все въ порядкѣ, можно замѣшшшь что шущъ живали Бояре: какія ален, пруды, сады, багашство крестьянъ! Все возвѣщаешъ хорошее управление. Послѣ многихъ посѣщеній, хлѣба и соли и душевныхъ разговоровъ, въ девяшомъ часу обѣдали, и вскорѣ упомянутые предались сладкому сну, въ замкѣ огромномъ, гдѣ шридцашъ лѣшь ни кто не ночевалъ; *сидшно*, однако я пересмопрѣлъ двери, замки, хорошенъко пришворилъ; осшорожность вездѣ нужна, хошя среди добрыхъ поселанъ.

8-го Іюня. Шешисушочная ѣзда, молніи, громъ, проливные дожди, холодъ, не причинили новичку, миѣ, ни какого вреда; маленькой флюсь, насморкъ, при выѣздѣ изъ С. Пешербурга; шеперь здоровъ. Были у обѣдни, послѣ кеторой молебень, Священникъ молодой человекъ,

чишаль проповѣдь о повиновеніи Начальству и урокъ Господину; дай Богъ, чѣпобъ и въ столицахъ шакъ говорили. Обѣзжали другія деревни, принадлежащія моему поварищу, и слезы радости встрѣчали и провожали. Баня Руская горячая и купанье, обѣдь и ночлегъ въ селѣ же Богородицкомъ.

9-го Іюня. Деревни собрались; пѣсни, пляски выпроводили насъ двѣнадцашъ вершъ, какъ будшо въ шоржешствѣ; въ 8-мъ часовъ по полудни ошпановились въ Ярославль у купца Феодора Аѣанасьевича Москопильникова; человекъ умный, лѣшь 75-ши, былъ нѣсколько разъ Городскимъ головою. Въ 10-шъ часовъ прислалъ прошишь къ себѣ Губернашоръ Александръ Михайловичъ Безобразовъ; онъ шакъ же гостепрїимный, какъ и въ столицѣ; имъ и супругою его Анною Феодоровною, прелесшною по душѣ и наружности, не могу нахвалишься; часъ времени побесѣдовавъ, возвратился къ своему поварищу, и воздавъ благодареніе Богу, бросился на свѣжее сѣно, заснулъ.

10-го Іюня. Въ седьмомъ часу, пошли ходишь по городу: очень чисшь и хорошь съ мосшвою; сорокъ чешыре цер-

кви каменныя, одна другой лучше, (*) въ спаринномъ вкусѣ, что и придаетъ величіе, особенно, что снутри и снаружи съ верху до низу разрисованы. Я заходилъ къ споящему здѣсь Дивизионному Генералу Н. М. Сипягину, копорой годъ тому назадъ сдѣлалъ мнѣ услугу, да и кому онъ не радъ дѣлать пріятности? Въ 12 часовъ, по приглашенію Москопильникова, въ его древней покойной коляскѣ, вмѣстѣ съ нимъ были въ сумасшедшемъ домѣ. Какъ больно, видѣшь себѣ подобныхъ, въ такомъ жалкомъ положеніи, но должно посѣщать сіи дома, дабы смиряться. Кто изъ смертныхъ можетъ сказать, что чрезъ часъ, и менѣе, не постигнешь его сіе горестное несчастіе? Тупъ одна дѣвица оспавила во мнѣ сильное впечатлѣніе. Болѣе четверти часа, я смотрѣлъ на нее: шло и глаза какъ бы оцѣпенѣли, горестъ и равнодушіе видны на блѣдномъ правильномъ лицѣ ея; другіе и другія смѣялись, будто счастливые: какое ужасное счастье! Отворотился, чтобъ упереть слезы; въ цѣпяхъ, не хотѣлъ видѣшь. Боже сохрани и помилуй! лучше дай смерть, нежели лишись ума, се

(*) А по словамъ жителей Ярославля болѣе шестидесяти церквей, большихъ и малыхъ.

единный неодоленный даръ Творца, чѣмъ человекъ различаетъ зло отъ добра. Были въ больницахъ, въ рабочемъ домѣ; вездѣ чисто и хорошо, но въ домѣ незаконорожденныхъ чрезвычайно чисто и опрятно, и дѣши здоровы, сколькихъ видѣлъ. Въ часъ дома, писали письма. Обѣдали у Губернашора и вмѣстѣ съ нимъ въ Сиротскомъ домѣ, учрежденномъ покойнымъ Мельгуновымъ, возобновленномъ и въ возможный порядокъ приведенномъ бывшимъ Губернашоромъ Полишковскимъ, такъ говорилъ Ал. Мих. Безобразовъ; шупъ воспитанники читали свои сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Прилагаю одну басню, сочиненную тринадцатилѣтнимъ воспитанникомъ Павломъ Аншищевымъ.

У Ч Е Н Ы Й В О Л К Ъ .

Когда развратъ звѣрей противень Зевсу спалъ,
 То онъ за то на нихъ смерть съ голодомъ послалъ.
 Тогда и Левъ и Барсъ съ поникшею главою
 Внѣшались съ ужасомъ болѣзненному вою,
 На силу ноги волкъ ошъ голоду шаскалъ
 И пищею себя онъ больше не ласкалъ.
 Чѣмъ буду, думалъ онъ питаться
 За что могу теперъ приняться?
 Нѣтъ силъ ловить овецъ,
 Пришолъ знать мой конецъ!
 Въ бѣдѣ шакой весь умъ волкъ собралъ свой,

Придумалъ и — прибрелъ кой-какъ къ жрецу сми-
ренно

И съ постной рожею просить спалъ умиленно.
Возмись, свяшой отецъ, добру меня учить,
Злымъ хищникомъ ужъ мнѣ противно спало жить.
Да сердца и ума благое просвѣщенье
Опклоняшъ опъ меня небесъ правдивыхъ мщенье,
Хочу я истину какъ добрымъ бытъ узнатьъ
И болѣе впередъ грѣшить не начинатьъ.

Жрецъ добрый удивился

Что волкъ перемѣнился,

И пакъ не мѣшавши его до сыта накормилъ
И съ радостью пошомъ за книгу посадилъ;
Разинувъ волчью пасть завылъ а, а! нашъ волкъ.

Жрецъ радъ былъ, вида шолкъ;

Другую букву задаетъ.

Трудишся волкъ; кривляешъ рошъ,
Поипъ градомъ съ волка льешся
Но бе, подъ ладъ ему ни мало не дзешся,

Однакожь бился, бился

И бе, произноситъ онъ твердо научился,
И повторять ее безъ затрудненья могъ,
Жрецъ дальше, а злодѣй со встѣхъ скорѣ ногъ
Въ лѣсъ лыжи наострилъ и въ ремесло пустился
Въ кусахъ близъ ручейка покойно поселился,

И тамъ богато жилъ

И безъ труда овецъ душилъ.

Лишь только свой урокъ бе бе, онъ протвердишъ

Тотъ часъ барашекъ и бѣжишъ,

Хотя учение и шрудно волку было
За то ужъ жирненькой кусочикъ приносило.
Но чтожь, такая жизнь не долго продолжилась
И хитрость на бѣду ученаго опкрылась;

Губителя овецъ поймали
И шопъ часъ колу сняли.

Изъ басни сей намъ видѣть должно
Что зло подъ именемъ добра, хоть скрывать можно,
Однакоже оно не долго продолжится
И истина должна открыться.

Изъ Сиротскаго дому повезъ благо-
склонный Губернапоръ въ Губернское
Правленіе: внушрренность очень хорошо
расположена, прудами бывшаго Губерна-
пора. Были въ Приказъ Общеслвеннаго
Призрѣнія, прекрасно; въ Демидовскомъ
училищѣ вышшихъ наукъ, Профессора ка-
жется хорбши. Начальникъ Виленскій,
Профессоръ древности Ханенко, болѣе про-
чихъ мнѣ понравились. Въ женскомъ Мо-
нашпырѣ, гдѣ Игуменья спроишь пре-
красную ограду. Въ Спасскомъ Монашпырѣ,
гдѣ Архимандритъ Неофитъ съ просвѣще-
ніемъ, живаго характера; библіотека по-
рядочная, рукописи довольно хороши, И-
ліада и Виргилій, старинной печати. Въ
Соборахъ, Успенскомъ, Констаншинов-
скомъ и другихъ; вездѣ древность живо-
писи, богатство оспанавливаетъ, каж-
дый скажетъ: прекрасно, прекрасно. При-
неся благодарность опличному Губерна-
пору за все, пуспились въ одиннадцать
часовъ вечера въ Косптому.

11-го Юня, при станціи, очень хороши дороги; не довзжая Костромы, по моему настоянію заѣхали въ Ипатьской Монастырь, видѣли Храмъ Божій, хорошъ и все древнее прекрасно, но въ какомъ я былъ изумленіи, когда пожелавъ видѣшь перемъ Царя Михаила Ѳеодоровича Романова и мащери его Марѣм Ѳеодоровны, куда по назначенію великаго челоувѣка Сусанина, скрылись родоначальники Романовыхъ, нашель, что спѣны покоевъ, и писанныхъ историческими карпинами: избраніе на Всероссійскій пресполь Романова, забвлены. Въѣхали въ Кострому въ 7 часовъ ушра. Почшмейстеръ Де — въ, знакомый мнѣ по Пешербургу и по женѣ своей, пригласилъ къ себѣ; дождь лиль проливной, однако въ его каретѣ съ нимъ объѣхали и осмошрѣли Соборы и Монашпыри. Успенскій Соборъ очень хорошъ въ древнемъ вкусѣ. Воскресенскій Монашпырь на Дебрѣ, Богоявленскій — прекрасный и оппечашокъ Рускаго народа къ Богопочитанію и щедрошѣ; почпенная древностъ и богашшво. Убѣжденные остались обѣдашъ у гощепримныхъ хозяевъ, очень доволенъ, — шущъ увидѣлся съ давнишнимъ пріятелемъ Г. В. Нелидовымъ, Предсѣдашелемъ Уголовной Палашы;

его хвалить за благородство чувствъ и дѣяній. Городъ Коспрома далеко отсталъ отъ Ярославля по всемъ отношеніямъ: и весьма грязно, и спроенія не Ярославскія. Въ три часа пополудни, по благодаря Де — хъ, пустились въ дорогу. Хотя и люблю величественную природу, но отъ Коспромы до города Кинишмы 84 версты, безъ отдыха, молніи, громъ ужасный, дождь и градъ, сопровождаая насъ, родили во мнѣ неудовольствіе; къ симъ непріятностямъ, дороги недодѣланныя, и большею частію дурныя, горы, рышвины, спремнины, паромы дурнѣйшіе, и мы по грязи глинистой должны много верстъ прогуливаясь — едва, едва достигли Кинешмы. Бѣднось вездѣ выказываетъ свое чело; вошедъ въ чернѣйшую избу изъ лучшихъ, мылись и пили кофій, со множествомъ разнородныхъ гадинъ и насѣкомыхъ, шупъ я самъ собиралъ градъ, болѣе голубиного яйца; два пасуха были ранены и нѣсколько овецъ побишо.

До Юрьевца-Повольскаго дорога прекрасная, время очень хорошо, солнце возсіяло.

12-го. Пріѣхавъ въ Юрьевецъ-Повольской, остановились подлѣ почты, у Мѣщанина Шапошникова, чисто живущаго,

передь обѣдомъ, были въ Соборъ Входить въ Иерусалимъ, или Спасовходскій и Успенскій. Говорять, что Великій Князь Юрій Всеволодовичъ выстроилъ сей Соборъ. Городъ плохъ, и что спранные, по словамъ Шапошникова, жилищей 551, а домовъ 509. Въ девять часовъ вечера, по изрядной дорогѣ, исключая размышія ошъ дождей и горь, прѣехали въ село Лукинское; при разѣ должны были по грязи ишши пѣшкомъ. Въ сіе время рѣчка Ячмень ошъ дождей не шокмо разлилась, но шакъ вздурилась, что прорвала плошину, сдѣлавъ мужикамъ убышку пысячи на двѣ; паромъ унесенъ былъ въ Волгу; сія послѣдняя прекрасна во всемъ печеніи своемъ. Много споровъ: поварищъ мой, по пылкости своей, хошѣлъ переѣхашъ бурливую Ячмень; я не соглашался, предспавляя смерть Князя Аркадія Александровича Суворова, копорый не хошѣлъ нѣсколько часовъ подождать, лишился въ Римникѣ жизни, и шѣмъ лишиль опечеспво опличнаго Генерала. При томъ мужики, собравшіесе около насъ, будшо про себя говорили: ушро вечера мудренѣе. — Эши слова подѣиспововали; мы ошались; въ чисшой избѣ у ямщика Василія Смирнова, ужинади и со множесш-

вомъ мухъ спали, — ну ужъ сонъ! мужики смышлены.

13-го Іюня. — Напившись кофею, перѣѣхали на лодкѣ чрезъ Ячмень, коляска и бричка, рѣчкою не глубоко. Двѣ спанціи дорога хороша, нѣсколько горъ, особенно первая круша — пѣшкомъ перешли, погода прекрасна; въ одиннадцатъ часовъ укрѣпились яичницею и повѣхали въ Нижній-Новгородъ, изъ деревни Гунмища К. Урусова; она хороша, креспьяне и креспьянки чисты. Это доказываетъ, что помѣщикъ честной человекъ; я его не знаю, но довольство вѣренныхъ ему заславляетъ любить его. Въ половинѣ осьмага по полудни, прѣѣхали въ Нижній - Новгородъ чрезъ паромъ. Видъ опъ рѣки Оки — предель; по горѣ, — уступами дома, домики, лачужки; для новой ярмонки, спроеіе по виду хорошо, еще спроеіся. Тушь на ярмонку спекаюшя до двухъ-сошъ пысячъ человекъ, съ 20 Іюля до 20 Августа. Кто Россіянинъ и не знаетъ, что 32 губерніи соединяюшя Волгою? При семъ могъ бы я написашъ двадцашъ страницъ Исторію ярмонки; но выписки изъ книгъ не дѣлаю, какъ многіе путешеспвуюшъ по книгамъ, и слѣпо вѣряшъ онымъ. Оснаовились на Покровской улицѣ, недалеко

ошь Губернашора, въ домѣ купца Булошникава. Передь окнами, какъ меня увѣряли, ша площадь, гдѣ 1612 года, Козма Мининь Сухорукой уговориль согражданъ ополчилься прошивъ Поляковъ, спашь въ ряды, — подь знамена К. Пожарскаго. Смопря изь окна на площадь, вдоль улицы, гдѣ довольно людей гуляло, предався думь о минувшихъ временахъ, воспоминаль свою юность, когда и ночи просиживаль надь книгами, чшобь опыскашь, вырышь пакъ сказашь полезное, и передашь современникамъ; слабымъ перомъ начерпаль дѣла К. Пожарскаго и Минина, доспигъ своей цѣли, возбужвъ нашего Русскаго Фидіаса, Маршоса, приняшь за рѣзецъ, — и мы увидѣли, по волѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, по желанію Русскихъ, памятникъ воздвигнушый въ Москвѣ, симъ великимъ Мужамъ. Душа моя шоржесшвуешь! Разговоры съ Полицмейсперомъ Смирновымъ, пылкимъ и гошовымъ услужиль, ужинь и сонь разсѣяли мою думу.

14-го. Упромь увидѣлся я со спарымъ знакомымъ, нынѣшнимъ Губернашоромъ, Александромъ Семеновичемъ Крюковымъ, вѣжливымъ челоувкомъ. До обѣда, вмѣстѣ съ Смирновымъ были въ Соборѣ: — хорошь;

поклонились гробницѣ безсмертнаго Минина; не бывъ сеншменшальнымъ, подвиги Минина приказали слезамъ выкапиться изъ глазъ моихъ — и се жершва великому челоуѣку. Были въ другихъ церквахъ, всѣ хороши; но Ярославскія богаче, а Коспромскія лучше. Обѣхали почти весь городъ: видно, что шорговый; но не шолько красавицы не встрѣшили, даже мидой; можешъ бышь на нашу бѣду, или на наше счастье, хорошенькія попряшались. Въ два часа съ половиною, прошенные обѣдали у Губернашора; супруга его, изъ Англичанокъ, шѣмъ больше почшениѣ для меня, что говоришь по - Русски, какъ Руская; обѣдъ славный по всѣмъ опношеніямъ, и бесѣда порядочная; съ балкона, глазъ видишь лучшее мѣшоположеніе. Присупшвенныя мѣшпа давно сгорѣли; обывашелей счишаюшь до 15 шысячъ челоуѣкъ. Семинарія, говоряшь, хороша; времени не было самимъ посудить. Гуляли, были въ церкви Рождешва Богомашери; поспроена Демидовымъ, при Пешрѣ Великомъ; служенія не было, по словамъ Священника, съ 1722 до 1725; что за причина? не даромъ; ибо Пешрь I все дѣлалъ съ умомъ. Тушь видѣлъ, писанныя Евангелія, образа письма опличнаго, и все прекрасно. Ве-

черъ, и я дома, въ пріятныхъ разговорахъ, съ добрымъ и любезнымъ поварихцемъ.

15-го Іюня. — Насъ посѣщили многіе, и Прокуроръ, котораго хваляшь, Николаевъ, принесъ мнѣ рукопись о Нижнемъ-Новгородѣ; въ оной ничего новаго не нашель; однако очень благодаренъ за учтивость. До двухъ часовъ дома; званые Смирновымъ, коего зналъ Офицеромъ въ Преображенскомъ полку, обѣдали хорошо, и чувствительны за ласки. Ходили по городу и первой разъ видѣли нѣсколько дамъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, въ два дни я узналъ и то, и другое; кто говоришь тошъ и правъ, Богъ да помиришь всѣхъ. Лелевыхъ (Амурныхъ) дѣлъ мало извѣстныхъ, за то у насъ хошь не слушай. Помолясь, заснулъ крѣпко.

16-го. Утромъ слушали обѣдню въ дѣвичьемъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, гдѣ болѣе восьмидесяти монахинь и бѣлицъ; службу совершалъ Священникъ очень хорошо; на крылосахъ монахини и бѣлицы пѣли изрядно; все вмѣстѣ благоговѣніе внушаетъ; приглашены къ Игуменѣ, (Дорожее Михайловна Маршенинова замужемъ была за Новиковымъ). Въ монастырѣ нельзя не замѣшшь чистоту, чинность, красоту, умъ Игуменьи, простоту

пу глагола. Обѣдали у Губернашора, были въ Ланкасперской школѣ: порядочно. Вице-Губернашоръ Д. С. С. Моллеръ, показывалъ намъ вино въ подвалахъ; оплично хорошо поспавлено; желашельно бѣ было, чтобъ вездѣ былъ шакой порядокъ. Въ Театрѣ играли Богашонова, дворовые люди Князя Николая Григорьевича Шаховскаго, очень изрядно, особенно акшприсы. Проспясь со всѣми, пригошовились къ опѣзду.

17-го Юня. — Дорога не совсѣмъ дурна; до Василя двѣ версты; розы дикія, благовоніемъ своимъ пріятны обонянію и зрѣнію, — жаль, что церковь давно спроишся и къ концу не доходитъ.

18-го. Въ дорогѣ. Опъ Чебоксара до самой Казани, дороги большею часцію дурны; но я замѣпиль, что деревья садяшь передъ рвами, а не за рвами; это спасаетъ опъ несчастія, при шемномѣ ночей, при дождяхъ и разливахъ. Только одинъ паромъ проѣхали въ Казанской Губерніи, и шопъ дурнѣйшій. Ямщики опъ С. Пешербурга всѣ хороши. Опъ Эмангаша везли насъ *Черемисы*: хошя бѣдные, но управляють хорошо; жены ихъ очень дурны; пошомъ *Чуваши*, не хуже, и жены ихъ не красивѣе; опъ Чебоксара Русаки

везли, отличные молодцы, а дорога самая несносная. — Шестнадцать верстъ до Казани, дорога гладкая, хорошая, но ямщики *Татары*; чуть - чуть не были опрокинушы; я выходилъ, и по глинистой, грязной землѣ подъ дождемъ верстъ восемь шель прычкомъ, чшобъ сберечь себя, въѣзжая на гору, а лошади назадъ во всю лошадиную прышь; Богъ помогъ, мы выскочили и — живы! У поварица моего хопя нога болѣла, но у страха глаза велики, забудешь и боль. Вообще дороги до Казани ошь Василя - Сурска гористы, мосты довольно хороши; сунки не обѣдали, а ѣли много. Въ 12 часу по полудни въехали въ Казань, оспановились въ Проломной улицѣ, въ домѣ купца Дьяконова: не чисто; помоясь, бросился на сѣно и проспнулся въ девяшомъ часу ушра.

19-го Юня, умылись, нарядились и пошли къ знакомому мнѣ Губернатору П. А. Н. Привѣтствовалъ, какъ человекъ съ хорошимъ воспитаніемъ, просилъ ужинашъ. Казань, хорошей городъ, послѣ пожаровъ выспраивается лучше прежняго, множешво каменныхъ домовъ; Соборы и церкви далеко ошспали, ошь Ярославскихъ, Ростовскихъ, Костромскихъ и Нижняго - Новгорода; улицы немощены, и

весь городъ то на горѣ, то подъ горою. Каменный Госпинный дворъ даже нахожу лучше С. Пешербургскаго, и множесиво деревянныхъ лавокъ, лавочекъ и шалашей; вездѣ народу много: счисляющъ около сорока тысячъ Русскихъ и Ташаръ. До ужина Губернашорскаго, послѣ нашего хорошаго обѣда, пошелъ я къ Прокурору Ильѣ Михайловичу Авдулину, моему пріятелю, и не доходя до дома, спросилъ проѣзжаго объ немъ. Прокуроръ умеръ отъ удара, часа при шому назадъ; меня сія вѣсть поразила, шѣмъ болѣе, что отъ Губернашора начиная, всѣ его хвалили и хваляшъ; душевно жалѣя объ умершемъ, пошелъ къ Коменданшу Албершу Карловичу Пирху 2-му; онъ, завидя меня, вспрѣпиль, какъ опца, какъ спараго насшавника; обнималъ со слезами и шѣмъ доказалъ благородсиво чувсшвъ своихъ; говорили о многомъ, и онъ здраво мыслишъ и опшлично выполняешъ наложенную должносшь. Тушъ быдъ Полк. Блумъ съ женою, умною и почпленною; бесѣда ея пріятна. За ужиномъ у Губернашора, познакомился съ Княземъ Давыдовымъ Почшъ - Дирекшоромъ и Масловымъ: оба своимъ обращеніемъ оставили во мнѣ прізнательносшь. Чшо сказать о хозяйнѣ? Онъ всегда одинаковъ, слѣдсшвенно заслу-

живаешь благодарность. До двух часов писалъ у себя. Спаль хорошо.

20-го Юня. Въ десятомъ часу ушра вмѣстѣ съ Губернаторомъ были въ Соборѣ, гдѣ покоялся мощи С. Гурія; и праздникъ онаго; народу очень много, Архіепископъ Амвросій чинно, хорошо служилъ; Протоіерей читалъ своего сочиненія предлинную проповѣдь. — Городъ Казань горислѣ, шесть лѣтъ тому назадъ горѣлъ, и — по словамъ жителей, выспроены гораздо лучше, и болѣе каменныхъ домовъ. Послѣ обѣдни были въ Казанскомъ Богородицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ Игуменья Назарета Васильевна, урожденная Гладкая, умная женщина, все сама намъ показывала, и все очень хорошо: болѣе семидесяти монахинь, бѣлицъ и одна схимница; много привлекашелейныхъ лицъ, что веселишь сердце чедовѣческое! Игуменья одарила насъ копіями образа Казанской Богоматери, персиками, сливами и желаніемъ счастливаго пуши; крайне довольны, а я болѣе что она меня узнала, попомъ и я; хоши не видѣлись болѣе пятнадцати лѣтъ, улыбаясь, почши вдругъ сказали: посшарѣли! Обѣдали со многими у Губернатора; писали; были у Пирха: радъ душою госшямъ и угощаль сердцемъ;

молодецъ и собою и дѣлами! Были въ славнѣйшей банѣ у Маслова; насъ посѣщили многіе, проспились со всѣми съ благодарноснію, ужинали, и предались сладкому, безмяшежному сну.

21-го Іюня. Въ шесть часовъ выѣхали изъ Казани, и на седьмой верстѣ, на прехудой лодкѣ, съ коляской и бричкой переѣхали Волгу, шире Невы рѣки; слава Богу, что тихо было, а по бѣда неминуемая; спускаешься по крутѣйшему берегу спрашно; счастливы мы, что ночь не насигла насъ. Горько, что люди мало заботятся о безопасности ближняго, и ждуть, чтобъ грянулъ громъ; а безъ того хоть справа не роспи, для нихъ все равно! Переѣхавъ Волгу въ Верхній Усланъ, шли подъ гору и на гору версты три, устали; девять часовъ ушра, и мы ждемъ, сидя на горѣ, экипажей. Двѣ станціи *Сейтово* и *Бурундукъ* — Ташары; *Чибергинъ* — Русскіе; хотя горисшо, но виды прелесныя; лѣса, — дубъ и липа, цвѣтовъ множество, и благовоиѣ отъ оныхъ; мощны очень дурны; въ Бурундукъ остановились у Ташарина креспьянина; на дворѣ обѣдали, окруженные нечислыми Ташарами; рамазанъ, — постъ ихъ; они ѣдятъ по закапъ солнца, и попому будшо тощи, блѣдны; дѣши

презамаранныя и женщины поже, и дурны же къ шому. Чешыре спанціи, ослѣпляющія частыя молніи, громы, дождь проливной, вѣсперъ сильный, грязь и ошъ шого можешъ бышь дурныя дороги, приводили въ ужась; мы закрыли коляску, я предаль душу свою Богу и заснулъ; пробудился у послѣдней спанціи, подѣзжая къ Симбирску, ошъ крику женскаго и дѣвичьяго; проширая глаза, слышу: „Баре! не ѣдите по мосту, пусть грѣшники ѣздятъ, и шо передъ вами ось передомилась у какого-то проѣзжаго.“ Спасибо, сказала я, и выпрыгнули изъ коляски, копорую вмѣстѣ съ бричкою ошправили въ объѣздъ, а сами перешли по новымъ периламъ; мостъ съ верху новъ, а съ низу гниль: вошъ причина, что провалились чешыре доски; бѣда да и шолько!

22-го Іюня. Въѣхали въ Симбирскъ; городъ прегрязный, а осенью, говорили миѣ, Боже упаси. Всѣ почти спроенія деревянныя, вешки; дѣвичій монастырь, гдѣ Богоматерь Свирская, четырнадцать монахинь, бѣдненькихъ спарушекъ; Троицкій Соборъ ошвѣчаетъ всему городу, бѣдень. Черезъ часъ выѣхали; въ спанціи Ключищѣ обѣдали въ избѣ, и проѣхавъ Ташлу Ясашную, Тиренгуль, Горюшки, Ива-

новку, въ чешыре часа упра 23-го Юня въѣхали въ чиспенькой городъ Сызрань.

23. — Весело видѣшь людей хорошихъ, спариннаго покроя; здѣсь Экспедишоръ почшы, шридцашъ лѣшъ на одномъ мѣспѣ, и все - шаки бѣдень, а очень доволенъ своею судьбой и шридцати - лѣшнимъ рыжимъ парикомъ своимъ. Выпивши кофеею, поѣхали; дорога ошъ Сызрани — степи гладкія, рѣдко увидишь деревцо и земля не вспахана; грушно видѣшь верспъ спю и болѣ нагую природу, и шрава сквозъ известль мало выказываешся; верспъ шакже болѣ спа, гора за горою известковья; пѣшкомъ должны были идши почши до города Хвалынска; по охощъ разъ можно видѣшь, а на каршинѣ красивѣе; лѣшъ Хвалынскъ проѣхали, почва земли лучше, и рука челоѣческая видна, вездѣ хлѣбъ; солнечные лучи, ударяясь о горы известковья, прекрасными ихъ кажушь; шущъ начинающя горы, зеленью покрывья, и до самой Алекѣевки: Сарашовской Губерніи, деревня моего шоварища съ 1500 душъ. Сколько мы были восхищены въ Богородицкомъ селѣ или Капцовѣ, шолько здѣсь не шо по всѣмъ ошношеніямъ; ошъ чего же шакая разноспъ? Ошъ шого, чшо бурмиспръ не по выбору креспьянъ. Въ шри часа лѣшъ

пріѣхали, принесли и сперлядей и осепра аршина полпора длиною, въ челнокъ, да все шакъ сухо; — поѣли, и въ девять часовъ, поговоря и о шомъ и о другомъ, заснули. И шакъ въ двадцать одинъ день ѣзды, мы оспанавливались ночевашъ въ Тихвинѣ, Капцовѣ, Ярославлѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и здѣсь, въ Алексѣевкѣ.

24-го. Праздникъ у моего поварища, были у обѣдни, церковь въ самомъ горешномъ положеніи; душа моя пронупа была во время службы; мало крестьянъ у обѣдни, хощя великій праздникъ, церковью ушановленный, Иоанна Предсечи. Товарищъ мой недовольный поѣхалъ по другимъ своимъ деревнямъ, а я обходилъ избы, и по распросамъ моимъ, много крестьянъ имѣюшъ по десяти лошадей, сполько же коровъ и по пяпидесяти овецъ, а бурмиспръ въ пяшеро болѣе, не говоря о деньгахъ; отъ чего же церковь Божія въ бѣдноти, и мало было и бываешъ у обѣдни? Не смопря, что деревня богатая, домъ или лучше сказашъ изба для пріѣзда барина, не отвѣчаешъ избышку крестьянъ. Въ шесть часовъ обѣдали, погуляли безъ удовольствія; никогда не видалъ споль безчисленнаго множества мухъ; однако въ поспавленныхъ спаканашъ съ виномъ,

поминушно исчезало тысячь по нѣсколь-
ку. Чшо ежели бы люди злые и дѣлающіе
пагубу ближнему, шакъ скоро умирали,
когда не хопяшъ покаяшся и веспи
жизнь добродѣпельную?

25-го Іюня, въ десять часовъ упра
выѣхали изъ села Алексѣвки, не слиш-
комъ довольны, по многимъ отношеніямъ.
На второй станціи; проѣхавъ 36 верстъ,
широкой буеракъ въ деревнѣ Графа Кочу-
бея; лопнулъ ремень задней рессоры: бла-
годареніе Богу, съ нами ничего не случи-
лось! запасными веревками завязали. Въ
имѣніи Графини Ливенъ, Терса, шли двѣ
версты пѣшкомъ, переѣзжали на *дурень-*
колѣ паромъ; лошадь у брички попала въ
воду, опъ *дурнаго спуску*; выпацили.
Опъ Алексѣвки до широкаго буерака до-
рога хороша, не смошря, чшо съ горы на
гору, но можно безъ шрудности ѣхашъ;
до Вольска дорога гориста, известкова,
виды очень часшо хороши, особенно подѣ-
ѣжая къ Вольску, спускаясь къ городу
вершины полшоры, хошя и кажешся кру-
шо, но съ ошторожностію можно, не
шормозя, ѣхашъ, а поднимаешся рысью;
чесшъ Губернашору Алексію Давыдовичу
Панчулидзеву, чшо шакъ усшроидъ гору!
Въ Вольскѣ ошановидисъ въ домъ вдовы

Плехановой; чисто живешь, не дурна собою, учлива, хорошо говоришь; жаль только, что шарообрядица! Здесь много каменных спроений, но пусты; две церкви и одна шарообрядческая, нынѣ запечатана; жишелей мужескаго пола чешыре пысячи, всего около десяти пысячь. Вольскъ — родина Злобина, бывшаго купца богача, и называлась, шридцать пять лѣтъ тому назадъ, Маловка, нынѣ лучше Коспромы и грязнаго Симбирска. Городничій, Коллежскій Совѣтникъ Спруковъ, порядочнаго обращенія, шеснадцать лѣтъ въ одной должности и доволенъ. Въ городѣ ярмонка до 1-го Юля. Изъ Вольска на вшорой спанціи, ямщикъ, ошъ неоспорожности сломалъ два валька: эпо ничего; пошомъ шучи, какихъ не видывалъ, дождь проливной, грязь, шемнопа, вѣшеръ, холодъ, я въ *безпокойствіи*, поварищъ мой спишь, а я самъ не свой; наконецъ, въ закрышій коляскѣ, задернувъ и занавѣску, помолясь и безъ спыда со слезами, предалъ себя Богу, заснулъ, и бѣды не было.

26-го Юня. Доѣхавъ до Жуковки, въ семь часовъ ушра, у шаросшы на дворѣ, кончили ушренное убранштво и пили кофей; но какъ доѣхали не на почшовыхъ

лошадяхъ? увы! часа при въ темнотѣ плушали; изъ Жуковки поѣхали на лошадахъ моего поварища, и въ Алексѣевкѣ (экономическое дѣло Сарашовской губерніи:) чрезъ гнилѣйшій деревянный и безъ периль моспикъ, искусствомъ кучера, мы переѣхали благополучно; бѣда же обрушилась на бричку, кошорая съ двумя кучерами, камердинеромъ и поваромъ опрокинулась въ ровъ и повисла на деревьяхъ; двѣ лошади оспались на моспикъ, никто изъ людей не ушибся, одна бричка сильно поспрадала; общій испугъ на долго оспанешся у всѣхъ. Нельзя не повпоришь: моспы и моспики, дороги и дорожки проселочныя, большею частію, *новыя* не додѣланы, а старыя запущены. Кое-какъ доѣхали до деревни Машюшкиной, принадлежащей моему шоварищу, въ прекраснѣйшую погоду. Здѣсь крещьяне добрые люди, со слезами радости встрѣтили своего молодаго барина; хошя не богаты, прешерпѣвъ два раза пожаръ, но большую каменную церковь спрояшъ при нѣкошорой помощи молодаго барина. Проѣхавъ семь верспъ, въѣхали въ село Никольское, шакже моего шоварища; видимо, что нго бурмистра не шягопишъ крещьянъ: ошъ спараго до малаго и

жеңскій полъ въ нарядахъ, окружили своего помѣщика, и обвились около него, какъ дѣти около своего опца; говорили, разсуждали, имъ хорошо, дѣльно ошвѣспивовали, и душа моя была въ воспоргѣ; шупь любяшъ и бурмиспра и спароспу, опъ шого, что изъ среды своихъ выбираюшъ лучшаго. Мы ночевали покойно, будучи счастливы, — счастиемъ поселянъ; я вчужь радовался!

27 - го Іюня. — Побѣда подь Полшавою 1709 года; мы были у обѣдни, хорошо служили, были у бурмиспра, чисно, и шри сына женашыхъ, молодцы; заѣхали и въ другую деревню моего шоварица; поѣли и прямо въ Сарашовъ; дорога хороша. Въ семь часовъ вечера были уже въ домъ, принадлежащемъ Губернашору на берегу Волги. Здѣсь заочно угостилъ насъ гостепріимный Алексій Давыдовичъ Панчулидзевъ, котораго по С. Пешербургу знаю. Довольные, предались власпи сна. Тупь получилъ опъ кровныхъ письмо: здоровы, и другое — опъ молодой особы; вшорое роковое огорчило меня до слезъ; да будущъ счастливы всѣ досшойныя дѣвицы; мнѣ ошалося ожидать очереди, Богъ и меня не ошавишъ. Сарашовъ

чистой городъ и много церквей; мы про-
ѣхали почти весь, въѣжая въ оный.

28 - го Юня. Погода прекрасная; въ
девять часовъ были у Губернатора, ко-
торый принялъ чрезвычайно хорошо, при-
гласилъ обѣдать, и шакъ какъ почта ош-
ходишь разъ въ недѣлю, то мы пошоро-
пидись домой, написали нисьма, опсправили;
прѣѣзжалъ къ намъ благосклонный Губер-
наторъ въ два часа; вмѣстѣ поѣхали къ
нему обѣдать; спголь опличный по всему.
Тутъ познакомился съ супругою его Ека-
шериною Пешровою, привѣпливою да-
мою; увидѣлся съ давно - знакомыми, Ека-
шериною Ивановною Ръзановой, почпен-
ною дѣвицею; съ дочерью покойнаго по-
чпениѣйшаго Сенатора Сушкова, Софьей
Николаевной, которой красота наружная
согласна съ красотами душевными: она
за мужемъ за сыномъ Губернаторскимъ
Александромъ Алексѣевичемъ, чувспвую-
щимъ цѣну своей супруги, опличной мо-
лодой матери; всѣ ее почишають, и въ
одинъ голосъ превозносятъ ея сердце, умъ,
душу. Тутъ же свидѣлся съ Совѣспнымъ
судьею Ив. Мих. Веденяпинымъ, почно
чеспнымъ челдѣвкомъ; онъ мнѣ обрадо-
вался; мы давно прѣшели; онъ для своего
мѣсша созданъ. Всѣ опменно учшвиу,

зяшь хозлина живой; прїѣзжій Н. А. Норовъ, похожій на почтеннаго моего наставника Евграфа Пепровича Батурина, (*) съ прїишнымъ просвѣщеніемъ челоувѣкъ; Предсѣдатель Уголовной Палаты Н. Л. Б. пихой. Послѣ обѣда сидѣлъ у нездороваго сына Губернашорскаго, съ которымъ по Пешербургу знакомъ: съ дошпоинспвами молодой челоувѣкъ; дома писаль, въ девять часовъ ужинали — и день миноваль. До полуночи, собрались градами шучи, блеснули молніи, грянуль громъ, при сильномъ вѣшрѣ и поидлся ливнемъ дождь.

29 Іюня, Пешра и Павла Апостоловъ; одѣлись, хошѣли насъ видѣшь нѣкопорые чиновники, Голова градской и нѣсколко купцовъ, по виду и разговорамъ люди порядочные; жаль, что изъ купечества много старообрядцевъ, однако Губернашоръ и ими нахвалишься не можешь, за шо и его всѣ любяшь; вся полиція посѣшила насъ; слушали обѣдню въ Соборѣ: церковь хошя не изъ Ярославскихъ, но порядочна, особенно иконоспасъ; — по окончаніи службы, поѣхали въ новоспроющуюся церковь Пророка Ілии: прекрасная, живо-

(*) О подвигахъ его, можно читашъ въ Твердо-сти Духа Русскихъ.

пись хороша, примѣшно и богашество; стѣны и плафонъ будущъ расписаны алфреско; съ часъ гуляли по городу чистому; жаръ несносный. Въ сіе время, по приходѣ домой, вручилъ мнѣ провинтскій чиновникъ, въ Грузіи служащій, описаніе дороги ошъ Моздока до Тифлиса; изрядно написано. Въ два часа поѣхали обѣдашь къ Губернашору. Бесѣда съ хозяйкой была пріятна, шущъ были миловидныя особы, обратившія мое вниманіе; о Софіи Николаевнѣ нечего и говорилъ, все въ ней досстойно вниманія. Въ семь часовъ были уже мы въ театрѣ, и сіе невинное занятіе для города, не менѣе приписываютъ спараніямъ Губернашора. Театрѣ не великъ, но очень миленькой, если можно шакъ сказашь; освѣщенъ хорошо; оркестрѣ весьма хорошъ; играли Комедію, сочиненіе Князя А. А. Шаховскаго, *Своя семья*, не хуже Петербургскихъ Акшеровъ; особенно Госпожа Грузинова вдова, украшеніемъ была бы и Петербургскому театру, если не лучше, то, ни чѣмъ не хуже славной нашей Акшрисы Рахмановой спарухи; и молодой Грузинова не дурно играла; мушны ошспали ошъ Акшрисъ. За Комедіей слѣдовала Опера *Пльвецъ и Портной*, музыка Г. Гаво, шоже не дурно

лучшенькія — Давыдова, игравшая ролю спарухи, и опять вдова Грузинова; будучи доволенъ почти всѣми, долженъ сказать; что декламація у всѣхъ слаба, кромѣ вдовы Грузиновой. — Сухки прошекли въ пріятныхъ занятіяхъ.

30 Іюня. — Очень жарко, вѣдрили осматривать примѣчательное въ городѣ; больница въ самомъ лучшемъ порядкѣ, дай Богъ видѣшь вездѣ поже: Докпоръ Ренгольмъ, заботливый и всѣми хвалимый человекъ; богадѣльня для обоого пола прекрасна; спаросшь имѣешь особое прибище, и все эшо труды Панчулидзева, шакъ какъ Соборъ и монастырь недоконченный, вскорѣ будешь гошовъ. Жаръ заставилъ бросишь въ Волгу, воды копорой своими лобзаніями осшавляли здравіе на шѣлахъ нашихъ; обѣдали въ три часа у Губернашора, гулялъ въ саду его: хороше, но много еще денегъ нужно, чшобъ привеести оный въ совершенство; ванны прекрасны. Концершь, соешавленный изъ людей его, при иносшранцѣ Казели виолончелистѣ, восхищаль; особенно сей послѣдній, подражая Ромбергу въ Русскихъ пѣсняхъ; всѣми весьма довольный, и знакомствомъ съ молодою, умною и любезною дамою Н. Н. Р — ю.

1-го Юля. Цѣлое утро занимался писаніемъ; посѣтили насъ многіе, большею частію люди мыслящіе; обѣдали у Губернашора, познакомился съ Французенкой Шшонъ, женою учителя музыки; собою не дурна, но образованіемъ подобна всѣмъ Французенкамъ: эшо первая по выѣздѣ изъ Гепрова - града встрѣча; какъ весело душѣ моей видѣшь однѣ Русскія лица, и славный, полный гармоническій, Русскій языкъ всюду слышенъ, не такъ какъ въ столицѣ: рѣдко даже въ среднихъ домахъ вѣворяшь на ещечеспивенномъ нарѣчїи; по сіе время не выходяшь изъ жалкаго заблужденія, полагая воспитаніе въ знаніи многихъ языковъ! Забыли бѣдененькіе, что древніе Греки изучались одному своему языку во всю жизнь, и однимъ роднымъ нарѣчіемъ достигли во всѣхъ почти частяхъ совершенства, безсмертія; — Римляне, сверхъ своего языка, знали и Греческой; — а нынѣ, говоря на многихъ языкахъ, понушь въ невѣжествѣ, и полько изъ маленькихъ книжонокъ выпвердя кое - что, мечнають обняшь всѣ познанія; горе! — Послѣ обѣда гуляли въ саду и поѣхали въ Театръ; играли *Одну Шалость*, нельзя сказать, чтобы хорошо; но и сего довольно; во время предшавле-

нiя мучилъ меня одинъ сосѣдъ *Французскимъ языкомъ*; я ему опвѣчалъ все по Русски; видя однако, что онъ не перестаетъ, принужденнымъ нашелся увѣрить его, что я сытъ и въ С. Пешербургѣ ошъ сего лепепанiя, и радѣхонекъ, что изрѣдка слышу говорящихъ на семь языкъ въ путешествiи; сосѣдъ удивился, особенно, что я всю жизнь провелъ въ столицѣ, въ кругу большомъ, а все оспался любилелемъ Россiйскаго языка. По закатѣ солнца, благодатная Волга манила къ себѣ; повинуюсь ея волѣ, бросился въ спруи ея и вышелъ здорове.

2-го Юля. Спранно, однако случается въ свѣтѣ, что правда хопя и глаза колетъ, но бываетъ иногда причиною пѣсной дружбы, соединяетъ два сердца навсегда; первой разъ бывъ въ Сарановскомъ шеапрѣ, замѣтя въ ложѣ сидящую молодую даму; съ огромнымъ вѣромъ, примѣшно улыбнулся, потомъ усмѣшка обратилась въ шихой смѣхъ, потомъ пересказалъ мое замѣчанiе нѣкопрымъ дамамъ; онѣ передали прiятной дамѣ съ опахаломъ мои слова: что не должно обращать на себя вниманiе бабушкиными нарядами, особенно пригожей особѣ и проч. Она передъ ужиномъ подошла ко мнѣ, благодарила шакъ умно, шакъ

кропко и чистосердечно, что приведши меня въ краску, заплонила сердце, и до-спавила случай — бесѣдуя съ нею, познашь прямое не иноземное воспитаніе; я уви-дѣлъ въ ней то, что должно ожидать во всемъ нѣжномъ полѣ: знаніе хорошо свое-го роднаго языка, начипанность полез-наго съ пріятнымъ, обращеніе благород-ное безъ кокетства; всѣ сіи качества, при добромъ сердцѣ, при пылкомъ съ кро-постью умѣ, при наружныхъ прелестяхъ, соединенныя съ возвышенными чувствва-ми, нехотя заспаваютъ навсегда вспоми-нашь сію особу, которая должна бы сча-спіемъ пользоваться, счаспіемъ испин-нымъ; но увы! всегда ли бывають досто-инства награждаемы? И такъ мудрено ли, что вашъ покорный слуга, сидя за ужиномъ подлѣ сей любезной особы, сожалѣлъ, что завтра должно разспаться и съ Сарапо-вымъ и можешь бышь долго не бесѣдовашь споль пріятно, невинно и поучительно.

3-го Іюля. Рано вспаль, уложился, одѣлся по дорожному, сѣлъ къ окну, смо-прѣлъ съ полными слезъ глазами на Вол-гу, думаль много — особенно о счаспіи земномъ; повшориль сказанное къмъ - то: далеко ошь глазъ, далеко ошь сердца, и что печаль, шоска и грусть ложатся

очень близко къ сердцу; слезы тихо капались по полнымъ ланншамъ момь, я самъ не зналъ причины; письма ли, полученные мною издалека заславили горевашь, или что другое; но все равно, по крайней мѣрѣ я еще не разрывалъ кольца, связывающаго меня съ кругомъ счастья міра сего; чипашель смѣлся, что *сорокапяти лѣтній* молодой человекъ разнѣжился и *селадонитъ!* Въ девятомъ часу, поварищъ мой проснулся, экипажи гошovy, мы ихъ опсправили вцередь, а сами пошли къ почтенному госпепрїемному Губернашору, вмѣстѣ съ нимъ, его семейшвомъ, Норовымъ и иншересною Н. Ив. Род., поѣхали званые къ его родшвеннику обѣдашь, чешырнадацѣ вершѣ опъ Сарашова. Богашый помѣщикъ М. А. Успиновь, чѣмъ могъ, шѣмъ угоспидь; въ дорогу снабдили насъ, Губернашоръ и Успиновь, хлѣбомъ, виномъ и плодами; между шѣмъ дождь лидь, громъ гремяль, молніи блисшали, дорога поршшилась; распроспнясь со всѣми какъ съ родными, особенно съ прелюбезнѣйшею Н. И. Р...; и у неѣ, изъ *знагительныхъ* глазъ капшлись горячія слезы; что же я дѣлалъ? просшо плакаль; и принеся чшсную благодарношть за все, всѣмъ и каждому, пуспились въ цушь, до

полудни въ восемь часовъ съ провожающимъ, даннымъ Успиновымъ. Здѣсь долгомъ пославляю упомянуть о сценѣ Француза съ женою своею: пусть изъ сего увидяшь чипашели, что пакъ называемая нація полированная имѣеть пакже недоспашки, даже въ общежитіи. Когда гошовились ѣхашъ изъ Сарашова, шо молодая, недурненькая Французенка надѣла своей рабошы чепчикекъ, копорый былъ ей къ лицу; учшивой мужъ и гувернёръ, забывъ веякую благоприсшойность, шолько по своенравію своему, велѣлъ ей снятъ оный; она, прося оспашься въ ономъ, не снимала; любезный муженекъ сорвалъ съ нее, вмѣстѣ со многими волосами; она, расплаканная, рассказала не мнѣ одному, но и всѣмъ; я его журиль, говоря, что у насъ сего не дѣлаюшь, даже въ деревняхъ; уговаривалъ бышь примѣромъ кропоспи для дѣшей, кои ему поручены; въ прошивномъ случаѣ, онъ, лишасъ почтеннаго дома, никогда не сыщеть другаго. Ей далъ наставленіе, повиновашься супругу и наряжашься по вкусу его, чтобъ шѣмъ прекрашишь распри, кои могушь имѣшь послѣдствія для нея же неприяшныя; оба остались кажешся мною довольны. Прощаніе съ обѣихъ споронъ было

слезное; я во всю жизнь мою не забуду Сарашова: начиная съ Губернашора, его семейства, всѣми обласканъ, скажу ушвердительно безъ лицемѣрія: нѣжной поль надолго оставилъ впечатлѣніе въ сердцѣ моемъ. Первая спанція хороша, но вѣпорая Толовка, при шемношѣ ночной, дурныхъ моснахъ, (новые дѣлаются) и Нѣмцы колонисшы ямщики, приводила меня въ опшчаяніе; всю ночь не смыкалаъ глазъ; пштался страхомъ, надеждою и упованіемъ на Бога. — Въ Сарашовѣ изъ дѣловыхъ людей не видѣлъ Вице-Губернашора, Бибикова, и очень жалю, ибо всѣ, начиная опш Губернашора, не находяшъ досшойныхъ словъ восхвалишь его.

4 - го Іюля. — Воскресенье, въ семь часовъ упра, остановились въ Каменкѣ, у колонисшнихи, спарухи Марьи Степановны съ дурненькими внучками; напоила своимъ преждикимъ кофеемъ; сверхъ денегъ, я далъ внучашамъ шесть персиковъ, а у насъ разбились семь бушылокъ съ бѣлымъ виномъ: это великая потеря въ дорогѣ! До Камышина все степь; шупшь упросиль насъ Городничій Будищевъ 2, бывшій мой кадешъ въ Греческомъ Корпусѣ, угоспиль обѣдомъ и пріятнымъ разговоромъ молодой своей супруги. Весело встрѣчашъ

благодарныхъ людей. Отъ Камышева до посада Дубовки спеть; грустно! шрава желшая! дорога — охъ! особливо ночью.

5 - го Юля. — въ Дубовкахъ, Полицмейстеръ Александръ Осиповичъ Ребиндеръ, своимъ обращеніемъ, гостепріимствомъ, приобрѣль нашу благодарность; дочь его видѣль въ Сарашовѣ, хорошо воспитанную дѣвицу; машь сама образуешь дѣшей; — поѣхали довольные; дождь, молніи, громъ и ещё проливной дождь очень испортиль дороги. Послали повара впередъ, въ Сарептѣ приготоновишь обѣдь; наше желаніе не выполнилось; шо-шо! человекъ предполагаешь, а Богъ располагаетъ; въ пять часовъ пріѣхавъ въ Царицынъ, должны были остановишься у Городничаго Пепра Ивановича Быкова, бывшаго моего кадеша въ первомъ Кадешскомъ Корпусѣ; душею радъ, увидя спараго своего нащавника; и мнѣ много пріятности для сердца; хорошо начальнику вести себя хорошо; даже взысканіе спроеое, но справедливое, со временемъ приобретаешь благодарныхъ. — Рѣчка Царицына, отъ дождей, отъ прорванія плотины при мельницѣ, такъ разлилась, что пощопила берега, спшала быстра, и воспрепила ѣхать; и шупъ молодой мой шоварищъ хопѣль не-

реѣхашь; я настоятельно говорилъ, что не поѣду, безъ нужды не хочу лишиться жизни; и Городничій, исполняя свою должность, не допуская ѣхашь, угостилъ насъ славнымъ обѣдомъ и покойнымъ ночлегомъ. Былъ въ раскольничьемъ молитвенномъ домѣ; число, образовъ много, женской поль; завѣсой опдѣленъ; Евангеліе писанное. Въ присущственномъ мѣстѣ видѣлъ каршузъ ПЕТРА Великаго, кошорый, опдавая дворянству Царицынскому, сказалъ: „какъ нишо не смѣешь сняшь съ меня каршузъ, такъ и вы оспанешесь на своемъ мѣстѣ.“ Видѣлъ дубинку сего же Императора, выше моего росла. По-знакомился съ нѣкошорыми чиновниками и съ умнымъ Прошопопомъ. Послѣ прекрасной Русской бани, обѣдали въ девять часовъ вечера; въ одиннадцашь были на свѣжемъ снѣгѣ.

6-го Іюля. Переѣхавъ бурливую вчера рѣчку Царицыну, ниже спужицы, сего ушра, въѣхали въ 10 часовъ въ Сарепту. Говоряшъ, что рѣчка Царицына получила названіе опъ Княжны Ташарской, кошорая, принявъ Христіанскую вѣру, была, по приказанію опца своего, Хана, ушоплена въ сей рѣчкѣ. Вчера опъ разлитія, берега сей рѣчки сдѣлались крушы; сего дня, по

приказанію опличнаго Городничаго Быкова, исправлены. Дорога до Сареппы изрядна; городъ сей получилъ имя свое отъ рѣки Сарпы; дай Богъ видѣшь иные и губерскіе города въ такой числотѣ: почто *миленькой*, числѣ какъ на ладони; дома снаружи и снутри гордящіяся окрестивомъ, передъ домами возвышающіяся красивыя поноли. Мы ошановились въ общественномъ шпакширѣ; шупъ привѣтствовалъ насъ общества Полицмейстеръ, молодой человекъ, говорящій хорошо по Русски, съ краснѣйшими щечками, дышашій здоровьемъ, и предложилъ показашъ намъ заведенія. Пошли въ домъ Сесиръ, гдѣ болѣе шарухъ; однако естѣ и молодыя, хорошемяія; онѣ всѣ съ семи часовъ ушра до двѣнадцати шрудящяся, какъ дѣши; разные классы; надзирательница лѣшъ пшпидеешши и болѣе, хорошая, привѣтливая женщина; послѣ обѣда опяшъ, по колокольчику въ шрудяхъ; два раза въ сушки бывають на мошинѣ; спальни ихъ очень чисны. Видѣли домъ Брашневъ: шариковъ болѣе молодыхъ естѣ лѣшъ 80 - ши, всѣ работаютъ по колокольчику какъ дѣши; спокойствіе ночни на всѣхъ лицахъ, и улыбка полувеселая встрѣчаешъ посетителѣ. Всѣ заведенія очень хороши, особенно гдѣ готовятъ гор-

чицу; хозяйни съ разумомъ чловѣкъ. Всѣхъ въ Сарептѣ съ женскимъ доломъ, счищаеися не болѣе 400 душъ. Я радъ, что *система* ихъ правленія перемѣнилась, и что нынѣ каждый, естли захочетъ, можешь выбрашь ирудъ себѣ, жишь особля: во и не ходишь за общественный споль. Грустно для чловѣчѣства не выходишь изъ положенія дѣшества и не имѣшь собственности. Гореспно видѣшь прекраснѣйшихъ, навсегда осужденныхъ носить воду, занимаешь черною работою, и ходишь босоногими, а другихъ въ лучшемъ положеніи; конечно нельзя обижать, ибо жребій {опредѣляешь наждаго. Среди городка большой колодезь, откуда проведена вода во всѣ дома; у колодца видишь Калмыковъ, Ташаръ, Русскихъ, напоющихъ своихъ лошадей; мы познакомились съ первыми гражданами, одинъ былъ съ Георгіевскимъ крестомъ. Въ общественномъ магазинѣ, какъ сказывали, гораздо менѣе поваровъ прежняго; я купилъ сапоги задесять рублей, за которые въ столицахъ заплацишь вдвое. Въ чаеръ обѣдали; въ сіе время посѣшилъ насъ Александръ Михайловичъ Мамышевъ, начальникъ каранцина; просилъ османо-выпсья въ Астрахани въ занимаемой имъ

кварширь; приняли предложеніе его съ благодарностію, шѣмъ болѣе, что онъ увѣрилъ насъ, что Аспраханъ не пошѣ уже городъ, что бываль. Выѣхали изъ Сарепшы въ три часа съ половиною; дорога шридцашъ вершъ прегрязная; дѣшъ шесшъ и болѣе не было споль благословеннаго, дождливаго года. Всѣ приносяшъ мольбы ко Всевышнему. Далѣе дорога — степь, кое-гдѣ завидишь деревцо, какъ сирота расшущее; солнце ярко, печѣшъ неумолимо; орлы вспрѣчаютъ и провожатую, плаваютъ по воздуху десяшками; яснрѣбы поже опдѣльно лешаютъ опъ царей - шпиць.

7-го Іюля. Проѣхали много спандій; при перемѣнѣ лошадей, шолько и видишь людей, а по все степь и шоска; какое-то новое чувство горести родилось въ душѣ моей; Волга иногда выказывающа съ своими прелесшями; казацкія спаницы чисты, и казаки молодцы, даже спарики.

8-го Іюля. Казанской Божіей Матери. Опъ Сарепшы до Аспрахани почпи чешыресна вершъ; вообще можно сказашъ, степи, Творцемъ созданныя, лучшая дорога, а прочія песчанья; съ покоренія Аспрахани, съ 1554 года, мало или совсѣмъ человѣческая рука ничего не

улучшила, и это горе для путешествія. Съ Лебяжинской станціи, въ хорошую погоду, поѣхали, и сколько я ни уговаривалъ шоварища моего, ѣхать по большой дорогѣ, онъ, находя удовольствіе смотрѣть на Волгу, воспоминалъ Прусской Куришгафъ, дорогоу Шпрандъ, былъ веселъ, шутили надъ моею прусосыю; я не ошвѣчая, ворчалъ, предвидя опасность, ѣхавши по рухлому песку, берегомъ Волги, съ правой же стороны крутые гористые пески. Разъ я сошелъ съ коляски, и еще удосповѣрился о предстоящей опасности; надо мною продолжалъ шумить неустрашимый шоварищъ; между шѣмъ, ошъ неосторожности ямщика, два валька переломались; приѣхали другіе; ремень рессорный лопнулъ, перемѣнили; у кибитокъ два раза вальки ломались; этого мало; наконецъ, видя пропасть подъ собою, или бытъ въ Волгѣ утѣпленнымъ, или вѣзжая на крутизну песчаныхъ горъ, лишиться руки, ноги и жизни; и это и другое находилъ бесполезнымъ; почему съ неудовольствіемъ выскочилъ изъ коляски; было уже семь часовъ по полудни, и до Дурновской казачей станціи оставалось пять верстъ; шоварищъ мой послѣдовалъ мнѣ, вырыгнувъ, а за нимъ и егеръ съ козель; кибитки поѣхали впередъ и на

крупизнѣ оспановились, переломавъ кое-что, а коляска помчалась, и всѣ чепыре лошади увязли до головы въ рухломъ пескѣ; коляска выше спуницъ; въ это время, ошъ разныхъ чувствъ, подились слезы у меня; поварищъ былъ въ ужасномъ положеніи; лице его измѣнилось, только и слышно — *ахъ, Боже мой! ахъ, Боже мой!* на Французскомъ языкѣ; поварь и камердинерь поже восклицали по - Русски, а егеръ по - Нѣмецки; бѣда великая! вынули всё изъ коляски на песокъ. Волга волновалась, и какъ бы гошовилась поглѣшилъ коляску и лошадей; я, возлегши на песокъ, облокотясь на сафьянную подушку, спалъ чипашъ *Памятникъ событій*, бывшій со мною; но что происходило въ душѣ моей, того мудрено описать; мольбы несдѣлалъ къ Богу; милосердый, не разъ видимо спасавшій насъ во всю дорогу, при дурныхъ моспахъ, горахъ, паденіяхъ и рвахъ, вырышыхъ по дорогамъ; въ другихъ губерніяхъ, спасъ и шеперь. Камердинерь Федоръ поѣхалъ верхомъ въ Дурновскую спаницу, и — благодаря празднику Казанской Богомашери, казаки были дома, прискакали или лучше сказашъ ихъ нахлынуло болѣе нятидесяти съ Калмыками въ казацкомъ одѣянніи; выпашили прежде трехъ лошадей

лищики; четвертую съ помощью казаковъ и коляску на себѣ. Мы прошли версту пѣшкомъ, съѣли и достигли парома или лодокъ проплавъ Аспрахани; Волга въ семь мѣстѣ не шире версты; шихо мѣсяць освѣщаль насъ опѣ Дурновской спаницы, гдѣ дали намъ казака провожаемымъ, а Апаманъ Скворцовъ, на встрѣчу намъ въвѣнчій, приказаль проводить до мѣста; пробило одиннадцать часовъ; небо звѣздами смотрѣло на насъ и луна свѣтила еще, хопя дымчатыя облака изрѣдка носились надъ небоскломомъ. Калмыки хорошо перевезли насъ; и мы на берегу Аспрахани; перекрестился; пробило полночь, пемненько, привели лошадей, поѣхали, и безъ всякаго приключенія ослановились въ квартирѣ Мамышева, освѣщенной восковыми свѣчами; и часцо; шудъ поварь приготовилъ намъ супъ и личицу; поѣли и легли спать на хорошихъ диванахъ, прежде принеся Богу благодареніе за спасеніе. Хозяйка дома, Аксинья Христофорова Горбунова — Армянка.

9-го Юля. Мы еще спали, пріѣзжали Предсѣдатель Палаты, въ должності Губернаторъ, Подцмейстеръ, и Виць-Губернаторъ; едва опили кофе, опять явились, поговорили, уѣхали. Сынъ хо-

зяйки привѣшествовалъ насъ именемъ ма-
пушки своей и просилъ на завтракъ. Въ
полдень, я одинъ вошелъ къ хозяйкѣ, и
нашелъ пріятную, умную, и по-Русски хо-
рошо говорящую женщину, и еспѣли бы
она сама не сказала что ей 53 года, что
имѣла 18 дѣтей, то можно не болѣе ей
дашь какъ придцашъ пять лѣтъ: хороша,
мила и безъ всякихъ припираній. Вскорѣ
и поварицъ мой молодецъ явился; Лукул-
ловъ завтракъ приглашалъ къ себѣ: по-
ѣли, благодарили, разсуждали, спорили;
хозяйка любезна, мужа не видѣли. Дрож-
ки гошovy Мамышева; однако мы пошли
пѣшкомъ и осмопрѣли гостинныя двory:
старый, новый Персидскіе, хороши; но
не такъ-то чисты; въ каждой лавкѣ
кухня; Индѣйской, гдѣ познакомились съ
Индѣйскимъ богачемъ, слишкомъ двадцать
лѣтъ шупъ живущимъ: Собра Бондз-
совъ, почтенный человекъ и лице предо-
брое: сидѣли у него, конфекшы ѣли, но
нельзя похвалишь нечистоу кухни и за-
маранаго повара; спальня, гостинная, спо-
ловая и передняя одинъ и шопъ же по-
кой, а подлѣ кухня. Были у Хивинцовъ,
гдѣ ужасно нечисто и по десяти вмѣстѣ
спящъ; отъ дурнаго запаха мы скоро вы-
шли; шупъ видѣли лежебоковъ, ихъ му-

чениковъ безобразныхъ, прошивныхъ взо-
ру, ничего не дѣлающъ, курящъ кальянъ,
вдѣящъ что бросящъ имъ, часно улы-
бающся, и кажешся за грѣхъ поста-
вляющъ умывашся: гадко смонрѣшь! До-
мой пришли по другой улицѣ и по каналу,
устроенному болѣе нежели на двѣ версты,
соединяющимъ Волгу съ Кушомою, Гре-
комъ Варваціемъ; сей каналъ естъ первое
и послѣднее украшеніе и гулянье Аспра-
хани, и Высочайшимъ Указомъ Импера-
тора Александра Павловича на всѣ
времена названъ Варваціевымъ. Сей же по-
чтенный Грекъ выпроилъ прекрасную
колокольную. Астрахань не мощена; въ су-
хую погоду пыль поднимается, какой я
никогда не видывалъ, а въ дожди непро-
ходимая грязь. Армянки ходящъ по ули-
цамъ въ бѣлыхъ покрывалахъ съ головы
до ногъ, похожи на привидѣнія или на
Веспалокъ шеаспальныхъ, спрашны и
смѣшны. Я еще не видѣлъ хорошенькихъ.
Полицмейстеръ ушверждалъ, что разныхъ
народовъ считаешся въ Астрахани болѣе
сорока тысячъ обоого пола и семнадцать
націй. (*) Обѣдали дома; въ семь часовъ,

(*) При семь прилагаю принесенную мнѣ за-
писку Полицмейстеромъ: 1820-го года — въ гу-
бернскомъ городѣ Астрахани:

по приглашенію видѣли службу Индѣйцевъ и долопоклонниковъ; насъ ввели въ крошечный садикъ, посадили на лавки, покрытыя коврами; старикъ Собра-Бондасовъ и лѣпообразный племянникъ его подали намъ цвѣповъ; чрезъ полчаса, по

2.825,000 Квадрашныхъ сажень земли подь городомъ.

110 Улицъ.

3 Части.

9 Кваршаловъ.

21 Каменная церковь.

7 Деревянныхъ церквей.

5 Монастырей.

1 Пустыня.

2 Спарообрядскихъ часовень.

14 Татарскихъ мечешей.

152 Каменныхъ домовъ.

3818 Деревянныхъ домовъ.

352 Духовныхъ Россіянь.

2 Духовныхъ Люшеранина.

6 Духовныхъ Каполиковъ.

72 Духовныхъ Армянъ.

77 Духовныхъ Татаръ.

120 Военно-служащихъ Штабъ - и Оберъ-офицеровъ.

443 Спашскихъ Штабъ - и Оберъ-офицеровъ.

51 Дворянъ.

1469 Нижнихъ чиновъ.

401 Приказныхъ и опсставныхъ нижнихъ служителей.

14 Присяжныхъ.

678 Астраханскихъ купцовъ.

звонку, насъ просили выдти, повели въ прешій этажъ огромнаго каменнаго дома; вошедъ въ маленькой покой, половина коего на поларшина возвышена и покрыта коврами; намъ двумъ подали спуля; мы чинно сѣли, не говоря ни слова и не улыбаясь;

-
- 59 Иностранныхъ бунцовъ.
 4748 Аспраханскихъ мѣщанъ.
 119 Иностранныхъ мѣщанъ.
 406 Дворовыхъ помѣщичьихъ крестьянъ.
 336 Аспраханскаго уѣзда крестьянъ.
 451 Иногородныхъ крестьянъ.
 2587 Армянъ.
 33 Люшеранъ.
 173 Грузинъ.
 12 Грековъ.
 123 Кашоликовъ.
 1522 Ташаръ.
 378 Персиянъ.
 58 Индѣйцовъ.
 154 Хивинцовъ.
 60 Трухменцовъ.
 32 Бухарцовъ.
 7 Ташаръ, новокрещенныхъ казеннаго вѣдомства.
 1 Калмыкъ новокрещенный казеннаго вѣдомства.
 172 Ремесленника и ювелира.
 6896 Сходцовъ изъ верховыхъ городовъ.
 23067 Жителей мужеска пола.
 15214 Женска пола.
 14 Трубъ пожарныхъ.

иушъ же сшояли у возвышенія Конно-Егерскаго полка Маіоръ Ишалаіенець Графъ.... и какаѣ-шо несносная Француженка, содержапельница пансіона, вышедшая здѣсь замужъ и какія-шо другія дамы; всѣ оиѣ безпрешанно говорили, смѣялись и мечшая, что мы не понимаемъ по-Французски, гуляли на нашъ счетъ, взирая на наши смиренныя лица, и чтобъ болѣе досадишь, сшали передъ нами; мы будшо не замѣчая, ошодвинулись: шогда одна молоденькая шепнула несносной Француженкѣ, и мы спокойно шопрѣли и слушали службу. Явился жрецъ въ красной шапкѣ или колпакѣ, въ замаранной полшлой рубашкѣ, и въ шакомъ же нижнемъ шлашѣ, босоногъ, шпалъ къ присшавленному

12 Лошадей полицейскихъ.

12 Чиновинокъ полицейскихъ.

72 Нижнихъ служшелей.

106,000 р. городского дохода.

43 Арешанша мужеска пола.

7 Женщинъ арешаншобъ.

26 Казармъ каменныхъ и деревянныхъ для военныхъ конюшенъ, для кавалеріи иъщъ.

1 Смиршительный домъ.

7 Богоугодныхъ заведеній.

131 Фабрикъ и заводовъ.

17 Мостовъ деревянныхъ.

3 Трактира въ городъ.

31 Пишейныхъ домовъ.

къ свѣтлѣ, родъ ковчегу спереди открито-
му, наполненному уродливыми мешалличес-
кими идолами, изображающими людей, рыбъ,
змѣй и разныхъ гадовъ, засвѣшилъ при ма-
ленькія восковыя свѣчи, прилѣпилъ одну къ
вершинѣ ковчегу и двѣ по бокамъ; взявъ при-
готовленную курильницу съ благовоиѣмъ,
при раза обводилъ ковчегъ, родъ шкапа:
глубиною, шириною и высокою не болѣе
аршина, при же раза щепель изъ куриль-
ницы высыпалъ въ поставленную на полу
шарелку; попомъ взялъ двѣ губки, напо-
енныя одна масломъ, другая водою, каж-
дую губку обводилъ при раза около ковчегу,
и каждую при раза же выжималъ въ шу
же шарелку; съ лѣвой спороны ковчегу
свѣщилась лампадка и нѣскольکو свѣчь
желшаго воска пещились внушри ковчегу
передъ уродливыми идолами; на правой
споронѣ ковчегу, къ пополоку прикрѣп-
лены при небольшихъ колокола. Неболѣе
десяти Индѣйцевъ были при служеніи,
всѣ въ шапкахъ и босоноги. Во все вре-
мя служенія, продолжавшагося съ часъ,
священникъ звонилъ лѣвою рукою въ ко-
локольчикъ, а правою обводилъ около ков-
чегу и пѣлъ со всѣми двѣ ношы, слово
Рамъ, Рамъ, Рамъ (Богъ), шолько мы
удержали въ памяти, а прочія слова не

могу вспомнить; другіе звонили въ родъ каспаньешъ, одинъ не игралъ, а скрипѣлъ на скрипкѣ или гудкѣ шѣ же двѣ ношы, и безъ-успали звонили въ при вышесказанные колокола. Подобной скуки въ жизнь свою не ощущалъ; глаза, уши и обоняніе ужасно спрадали; однако знаки всѣхъ руками крестообразны, и что Жрецъ всегда при раза обводилъ и поклоны земные, дѣлаемые ими при раза какъ будто увѣряюшь меня, что и Индѣйцы по своему чшущъ шройшвенное число; но всего прошивнѣе показалось мнѣ, что по окончаніи службы, неопряшный жрецъ давалъ каждому по маленькому кусочку дыни, изрѣзанной на блюдѣ, поспавленномъ съ правой стороны у ковчега на полу, и пошомъ давалъ запивашъ золу и изъ двухъ губокъ выжашую жидкосшь. Мы принесли имъ свою благодарносшь; они были очень довольны и насказали намъ много пріяшностей на Русскомъ языкѣ. На дворѣ уже было шемненько; но мы поѣхали по улицамъ, гдѣ нѣшъ ни одного фонаря и ни одной будки, исключая по каналу пяшь, шесшь, построенныхъ Варваціемъ. Меня увѣряли, что въ шемныя ночи много бываетъ шалостей и безпорядковъ, и пошому собакъ вездѣ множешво, и я въ

жизнь свою не слыхаль сполько собачьяго лаю и вою, сколько здѣсь при въѣздѣ нашемъ и во всѣ дни пребыванія въ Аспрахани. Въ девять часовъ были дома, и передъ ужиномъ въ неопрятной банѣ мылись; помолясь, легли спать. Цѣлыя сушки были неспершимый жарь.

10-Юля. Въ восемь часовъ вспали, и хопя очень жарко, но должны были писать; были у насъ кое-кто. Съ пяти до семи гуляли; какъ будто въ Африкѣ, зной; въ восемь обѣдали; замѣчательно въ Аспрахани, что льшомъ, почти во всѣхъ домахъ окна цѣлыя сушки запершы спавнями, ошъ жару, мошекъ, мухъ и комаровъ, и у большей часши домовъ, у оконъ снаружи придѣланы желѣзныя рѣшешки; хопя будокъ нѣтъ, но у множества домовъ, коихъ считаешся съ лачужками около чешырехъ шысячъ, споятъ ночные спражи разныхъ націй и перекликающся; папрули видны по улицамъ. Всѣ почти дома имѣюшъ лавки, даже въ Губернапорскомъ весь нижній этажъ въ лавкахъ; мы всходили на Варваціеву колокольню Собора: виды прекрасные! Легли ушомленные рано, но ошъ жару долго спать не могли.

11-го Юля. Воскресенье, съ шрехъ часовъ по полуночи, лиль дождь и при-

билъ пылъ; за шо спало грязно; въ щесць часовъ вѣщали, и пошоропились въ крепную церковь къ обѣдни, гдѣ службу совершаль Архіепископъ Гаій, болѣе восмидесяти лѣтъ, но еще бодръ и благообразень. Послѣ обѣдни почтенный спарець пригласилъ насъ къ себѣ, подчиваль, но мы благодарили: еще восемь часовъ ушра было; глаголь умнаго свяшаго мужа крошкъ, убѣдшелень, просшь, ошкровенень; дай-шо Богъ, чшобъ всѣ Архіереи пеклись сполько о вѣрѣ, благолѣпіи Церкви и о ввѣренномъ спадѣ. Мы у него видѣли поршрешы всѣхъ Епископовъ и Архіепископовъ, бывшихъ въ Аспрахани: писаны даже хорошо, во весь роспъ безъ уменьшенія природы; по его приказанію, показывали намъ ризницу; досповѣрно могу сказашъ, чшо подобной нигдѣ не видѣль, по богашспву и множеспву. Въ Успенскомъ Соборѣ, Царскія двери ковананаго серебра много - споящія, пожершвованы первосташейнымъ купцомъ Сапожниковымъ, единспвенно изъ преданности къ Архіепископу Гаію — прекрасны, и вся церковь красива и необыкновенной Архитектуры; спо двадцашъ лѣтъ какъ вновь выспроена. Были у Коменданша, Генераль - Маіора, 62 - хлѣшняго Дельпоцо, кошораго я не видѣль

около придцати лѣтъ: живой спарець, память какъ у молодого, разговоръ быспрый и умный! Были въ Каполической церкви, гдѣ много Армянъ и Армянокъ; чинно происходила служба и чинно всѣ внемлюшь, не шакъ какъ въ сполицѣ. Одиннадцатъ часовъ ушра и небо прояснилось, показалось солнце, не шакъ жарко, и улицы со скоростію высыхаюшь. Мы дома: я въ задумчивоспи пишу; шоварищъ мой поже заняшь; въ эшо время, доложась, вошелъ имянишый богащѣйшій купецъ Сапожниковъ, въ гарнишуровомъ голубомъ Русскомъ безъ кушака кафшанѣ, съ двумя золопыми медалями на груди, обложенными крупными бриліаншами, ростомъ великъ, сѣдовлась, съ большою сѣдою жъ бородою, вся наружностъ привлекательна и значительна, масперище говоришь, и шонко судиль, довольно начишанъ; но шакъ какъ я обратилъ разговоръ на расколы, онъ съ кротостію защищаль Спарообрядцевъ, никогда не упоминая слово раскольникъ; я ему совѣшоваль прочесть *Камень соблазна*, *Минятія*; онъ съ благодарностію взялъ записку; очень доволенъ былъ мною, когда я опщиваль справедливосшь, хвалиль жену меньшого его сына, кошорой онъ еще не видалъ, а я по Пешербургу знаю,

Просиль къ себѣ, и мы разспались. Аспраханская рыбная шорговля въ рукахъ нѣсколькихъ богачей; рыба здѣсь, какъ говорящъ, въ рошъ сама идешъ. Гуляли по грязнѣйшимъ улицамъ; жалко смопрѣшь на лачужки, въ шакомъ городѣ, гдѣ бы должно всѣму процвѣшашъ. Ермоловъ еще не былъ здѣсь: Грузія его занимаешъ. Обѣдали въ прешъемъ часу, много говорили; шоварищъ мой не хвалишь меня, чшо я всѣмъ правду говорю; чшо дѣлашь? но мнѣ поздно перешашъ испинюю руководишься. Въ пяшь часовъ прибылъ Дельпоцо; разумный спарикъ: чего онъ намъ не рассказывалъ! Въ шѣшь часовъ пришелъ ко мнѣ С. С. Лашкаревъ, хорошей человекъ, чшо женашъ на Лазаревой племянницѣ, и я оставивъ шоварища, пошелъ къ нему, возобновилъ знакомство съ женою его; познакомился съ дѣвицами Ивановыми, богатыми, умными, любезными, оспрыми; другой разъ по выѣздѣ изъ Петербурга пилъ чай, шо ешь чрезъ 40 дней! Въ девяшь дома съ перомъ въ рукахъ — и день кончился.

12-го Юля. Ушро проведено въ писани и гуляни; съ Лашкаревымъ ѣздили къ Сапожникову; проливной дождъ; и мы въ каретѣ его поѣхали званые обѣдашь къ Комендашпу Дельпоцо. Спарикъ радъ былъ,

предспавиль насъ своей родшвенницѣ, шупъ много обѣдало чиновниковъ Аспраханскихъ: разговоръ продолжался, до обѣда начашый о злоупотребленіяхъ по губерніямъ, о чиновникахъ скоро богашыми дѣлающихся, хопя Философскаго камня не нашли; горбашыхъ единая могила исправишь! Діогенъ давно сказалъ, что воршшковъ ворами называюшь, а воры первошпашейные разумниками именуошся; и что большіе воры осуждаюшь и ведушь на казнь воршшковъ. Вздохнешъ и вспомиши Анахарсиса, кошорой уподоблялъ Солоновы заканы паушинѣ: большая муха прорвешъ сѣшь и пролешишь, а маленькая запушашся и ошашся на сѣденіе пауку. — Поблагодаря хозяина за угощеніе, пошелъ къ Лашкареву, гдѣ нѣжный поль очень любезень: крошокъ и съ хорошимъ воспитаніемъ, особенно двѣ сесприцы, хозяйки. Дома въ заняшяхъ: гошовимся въ Тифлисъ.

13-го Іюля, въ пяшь часовъ проснулся; хопѣлъ кончишь письма, не удалось; я за перо, а Сапожниковъ съ сыномъ и зяпемъ въ дверь; Дельпоцо шакъ же пріѣхаль, шоварищъ мой пробудился, и мы поѣхали на Учугъ Чаганскій, К. А. Б. Кур. на рѣкъ Чаганъ, впадающей въ Волгу; дороги, осо-

бенно въ карешахъ, нѣсколько верстѣ нельзя похвалишь; пересѣли въ кашерь большой, рѣка волновалась, *не люблю*; подняли паруса, кашерь быстро разсѣкалъ волны; гребцы хопя Калмыки, но одинъ другаго молодцовашѣ; прѣехали на Учуги, позавтракали на берегу, сѣли опять въ кашерь, чѣшобъ ближе осмопрѣшь ловлю осепровъ и севрюги. Заколы, подобно какъ на Невѣ для ряпушекъ, но крѣпче; болѣе 200 поймали, менѣе часу; лодочекъ было съ пѣздешащъ, въ каждой по два человѣка, во многихъ женщины, дѣвушки, даже дѣши, и всѣ въ родѣ вуалей, опъ солища и насѣкомыхъ, въ перчашкахъ; искусно и проворно, ударяющъ рыбу вынырнувшюю, деревяннымъ молоткомъ въ голову, она скроется и опять вынырнѣшь, ее багрящъ и шашашъ въ лодку. Признаюсь, предъ прочими охошами, эша мнѣ болѣе понравилась. Весело и прѣяшно смопрѣшь. Иныя лодочки поймали по семи и болѣе, получаютъ плашы за каждую бѣлугу 2 руб. 55 копѣекъ, за осепра рубль пѣздешащъ копѣекъ, за севрюгу полшину; при насъ не было лову бѣлугъ: не шо время; въ удовольствіе наше ошановили охошу, и всѣ лодочки причалили къ берегу къ выспроеннымъ анбарамъ; со скоросшію вшацили

ихъ, съ искусствомъ и проворствомъ распластали, ощѣляя икру, клей, вязигу, солили; при насъ паисную икру въ десять минушь приготоновили, и два мѣшка подарили. Справедливо скажу: порядокъ, почносшь, пишина — соблюдены, что доказываешь знаніе своего дѣла, сына спаршаго Сапожникова, копорый сохраняешь бороду; но жаль, что въ *сюртукъ*, а не въ Русскомъ кафшанѣ; въ немъ виденъ челоувѣкъ начипанный, имѣешь даръ глагола и мапемапическую ясносшь въ мысляхъ. Обѣдъ, данный Гг. Сапожниковыми, хошь бы въ С. Пешербургѣ въ первѣйшемъ домѣ, по всѣмъ отношеніямъ; и услуга, и чишоша опличны. Принеся нашу благодарносшь, поѣхали въ Аспраханъ, куда въ семь часовъ прибыли, кончили свои письма; одѣлись по бальному и въ девять часовъ были уже у Лашкаревыхъ и Ивановыхъ. Тушь было болѣе сорока Армянокъ; почти всѣ хорошенѣкія, много въ національныхъ плашьяхъ, и безъ перчашокъ, и пальцы унизаны бриліаншовыми перспшнями, что очень не нрависья; головы хорошо убраны; а что всего лучше — у всѣхъ почти глаза огнемъ наполненные, черные, и всѣ малорѣчивы, спыдливы, что болѣе привлекаешь сердца; шанцююшь

болышею частію предестпно, исключая Армянской пляски, копорой молоденькія не любяшь, монопонна или единообразна и скучна; то ли дѣло наша Русская пляска единая въ мірѣ, и всѣ Французскія, Нѣмецкія, Испаліанскія, Англійскія и проч. должны преклонись колѣна предъ Русскою, говорящею пляскою! Товарищъ мой панцоваль безъ успали, и всѣ полюбили его, и вашъ покорный слуга съ первою красавицею, вдовушкой двадцати - лѣтней М. М. урожд. Г., съ премилыми дѣвцами С. М. И., С. Я. Б. и съ другими Русскія, бывшія шупъ, должны были уступишь преимущество въ красотѣ Армянкамъ. Музыканшы играли безъ нощъ до чепырехъ часовъ, и очень не дурно. Ужинъ прекрасный, во время копораго, я упротилъ многихъ сняшь перепни и оставилъ старый обычай, носилъ перчашки; кажется, съ благодарностию приняли мой совѣшь, и шѣмъ доказали свою кропосшь.

14-го Іюля. — Въ пятомъ часу упротилъ, распроспясь со всѣми бывшими на балѣ, поѣхали домой; переодѣвшись, сѣли въ шлюбку, и въ шесть часовъ переѣхавъ Волгу, оставили Аспрахань. Экипажи перезезены были на паромъ, насъ провожали: Лашкаревъ Сергѣй Сергѣевичъ, Князь Да-

видъ Меликшановъ, сынъ гостепріимной хозяйки — Горбуновъ, и другіе, снабдили винами и разными съѣшными припасами.

15-го. Въ Кумской станціи, почтовой домъ дурень, конюшень нѣшь, жалко смотрѣшь на лошадей, однако почти всѣ хороши; ѣхали шочно Ливійскими полями или степями: зной солнечный, раскаленный песокъ, и вокругъ, кромѣ обгорѣлой травы, ни чего не видно; въ одиннадцать часовъ на станціи Бѣлое озеро; полкъ и видишь людей при перемѣнѣ лошадей, и какую нибудь встрѣпишь спарую женщину; тамъ и сямъ пасутся верблюды. Калмыки и ужасно нечистыя ихъ кибитки обратили со вздохомъ мое вниманіе. Въ каждой кибиткѣ посреди уголья, и мешищической воздухъ, съ дымомъ, не пріятенъ и глазамъ и обонянію, дѣши закопѣлыя отъ дыму и солнца, не похожи на людей, шочно головешки, — дѣвушки и немаленькія, безъ покрова, какъ мать природа произвела на свѣшь; грустно и душѣ больно; я съ ними говорилъ, подходилъ близко, и уговаривалъ жить въ избахъ; на меня смотрѣли, ни чего не отвѣчая. Ямщики, не смотря что Калмыки, молодцы. Степь разнообразна и воды — солончаки; мы по гошовой соли ѣхали, ходили, и я

лилъ слезы отъ благодарныхъ чувствъ къ Богу; какъ все это приближаетъ къ истинному почитанію Промысла; пусть же какъ бы нарочно, для утѣшенія человеческого, лепшаютъ или по солончакамъ *елупо, еордо* гуляютъ бабы пшцы, лебеди осанисто, фламань красиво, гуси и ушки просто; если бы время, сколько сравненій можно написать. Всѣ сѣи пшцы не приступны по дикости своей; лишь взвидишь человѣка, ужь подь облаками, а люди спесивые видяшь, да не хощашь видѣшь себѣ подобнаго. Въ шестомъ часу по полудни, оставили за собою Аспраханскую губернію въ Худоцкой станціи и въѣхали въ Кавказскую. Отъ С. Петербурга, родныхъ и любезныхъ далеко, далеко! До сихъ поръ проѣхавъ болѣе тысячи верстъ степями, долженъ признахся, что или за наказаніе, или изъ нужды, или по службѣ, или изъ прямой любви къ опечесству, можно предпринять столь трудное путешествіе; однако если кто готовишь себя бытъ полезнымъ опечесству, особенно родясь на высокой степени, тошъ неоспоримо долженъ знать свою родину не по Географіямъ, а самому видѣшь, судишь и достигнувъ званія дѣловца Государственнаго, извлекашь пользу изъ каждой губер-

ни; таковой чиновникъ заботился о наданіи истиннаго счастья соотчичей, о благе великаго Россійскаго народа.

16-го Іюля. — Всю ночь въ дорогѣ, въ шесть часовъ утра на развалившейся станціи Горшкинской, въ девять въ Адхиханской, гдѣ смогришель почты напугалъ насъ о опасности дороги, что вчера къ нему вошли четверо вооруженныхъ Персіанъ, что хотѣли заколоть, и что онъ съ Тапарами, своими ямщиками, попалъ на злодѣевъ, опинялъ у одного ружье, которое и показывалъ намъ, а прочіе де разбѣжались; правду сказать, въ степяхъ, горахъ и въ глуши, слыша подобные разговоры, родяся незабавныя мысли; впрочемъ на меня, не шакъ-то храбраго, никакого вліянія не сдѣлало, а на товарища моего и мене того. Богъ даетъ крѣпость душевную и слабымъ духомъ, когда предстоитъ опасность; мы доѣхали счастливо до станціи Бороздинской. Съ сей станціи въ первой разъ, шестью козаками были сопровождаемы; съ конвоемъ безопасности и даже *веселье*; однако у меня, какое-то новое чувство родилось, въ опечесивъ своемъ — и не бышь безъ страха! Что дѣлать, сосѣди дикари неугомонные: Чеченцы, Персіане, Кабардинцы, Лезгинцы и

другіе. Переѣхали на паромахъ двѣ рѣки Прорву и Борозду, впадающихъ въ Терекъ. Въ четвертомъ часу по полудни, при множествѣ провожаемыхъ, въѣхали въ Кизляръ; остановились въ домѣ богатаго Армянина Ломизова, по письму С. С. Лашкарева, которому онъ родственникъ; жарко и въпрено, дорога не слишкомъ хороша, особенно одна яма, лошади по морду въ грязи; по моей просьбѣ, въ два часа зарыли яму, и благословенія неслись на главу мою, особенно бѣдниками. Кизляръ городъ деревянный, садовъ виноградныхъ много; завтра напишу болѣе; только что ошибдали въ семь часовъ и кинулись на солдому, крайне упомянутые ошъ дороги и жару.

17-го Іюля. Вчера осмошрѣли все; жителей мужескаго пола около 4000; Армянъ 2500, Грузиновъ болѣе 400, Русскихъ 41 человекъ, ешъ ещс разные пришельцы. Церкви изрядныя, а Соборная Армянская—недоконченная, дорогá и будешъ хороша; смѣша положена болѣе шрехъ-сотъ тысячь рублей, и большая часть денегъ нашего гостепрімнаго-хозяина Ломизова, который, по наружному одѣянію своему, не общаешъ своего богатства, чуждъ свѣшскихъ учшивостей. Осмашривая крѣпосшь,

взглянулъ на арестаншовъ закованныхъ, присланныхъ Ермоловымъ; двое изъ оныхъ шакъ ужасно посмошрѣли на меня, казалось, что кинжалъ убійственнѣйшій въ груди моей. Комендантъ имѣеть обширныя виноградныя сады; Городничій Швецовъ очень хорошій молодой человекъ, былъ и таможенный начальникъ. Въ семь часовъ утра сопровождаемые шестью козаками выѣхали изъ Кизляра. Богъ вселилъ покой въ душу мою; шесть станцій до Наура, болѣе 150 верстъ, по палящимъ степямъ; шакого жару не ощущалъ никогда; ѣли два раза подь огненнѣйшимъ солнцемъ на знойномъ пескѣ. Вода вездѣ дурная; въ послѣдней станціи домики, а въ пяти предъидущихъ небо и песокъ. На послѣднюю прѣехали въ десять часовъ вечера, очень было темно; шупъ совѣшовали не ѣхать и что ни кшд не ѣздитъ хошя и съ конвоемъ; и мнѣ не хошѣлось, но шоварищъ мой убѣдиль меня, и шѣмъ болѣе я рѣшился, что ямщики Ташары пугали, а Русскіе, смѣясь намъ ними, опасности не предвидѣли; перекресчясь усердно, поѣхали, однако конвой былъ увеличенъ. Опасностей конечно много, но — должно Рускому дворяншву имѣть понятіе обо всемъ, чтошбъ въ послѣдствіи умѣть разсуждать.

18-го Юля. Въ часъ по полуночи прѣхали въ Науръ, оспановились въ казенномъ домѣ, поѣли супу и легли спать на матрасахъ, принадлежащихъ кварширующему шутъ Подполковнику Петрову, Командиру Моздокскаго козачьяго полка; въ сіе время онъ былъ съ женою на Кислыхъ водахъ. Въ восемь часовъ были уже одѣшы, и насъ посѣнилъ Подполковникъ Поповъ, Командиръ 19-го Егерскаго полка и Комендантъ Наурскій. Когда, по его желанію, вручилъ я ему записку о себѣ, онъ съ радостнымъ лицомъ привѣтствовалъ меня и между прочимъ говорилъ: „я васъ знаю, вы истинный патриотъ, я ваши пруды съудольствіемъ чинилъ, чиняю и буду чинить; вы вашимъ перомъ воспламеняете любовь, опечесство и Государя своего.“ Я краснѣлъ; но пріятнѣе было слышаніе похвалы на *линіи*, нежели въ С. Пешербургѣ. Тамъ у насъ *мода* дѣйствуешь на все и на умы, знанія и даже на поведеніе; здѣсь большею частію правдою руководствуются — и дожъ мало извѣстна. Церковь одна, жителей 1500. Въ одиннадцатомъ часу, поблагодаря за ночлегъ, пустились далѣе и проѣхавъ быстро съ молодцами, Моздокскими козаками 57 верстъ, при благопріятной погодѣ достигли давно желаемаго Моздока, и чпо жѣ

увидѣли? Деревянные домики, мазанки, почти всѣ соломою крыши, семь церквей очень небогатыхъ. Комендантъ Кошыревъ больной пославилъ намъ карауль, что было и въ Наурѣ. Мы пошли по городу, доходили до Терека, быспрѣйшей и прешумной рѣки; въ семь часовъ обѣдали хорошо, въ домъ Ерловой. Купивъ соломы дорогою цѣною, ходили еще по городу; мало встрѣчали, а женщины ни одной; многія изъ нихъ выглядывали изъ домиковъ своихъ; но лишь взглянушь, шопчасъ скроются. Большая часть мужчинъ поѣхали на Макарьевскую ярманку, а попому женныхъ, матери и дочери сидяшь или дома или въ своихъ садикахъ, и единообразно проводяшь время. Въ десятипомъ часу мы легли спать.

19-го Юля. Понедѣльникъ. Комендантъ Кошыревъ говорилъ, что, безъ военныхъ, 7000 жипелей въ Моздокъ, Армянъ боѣе всего, а Россіянъ менѣе; шущъ живущъ Осепинцы, Грузинцы, Кабардинцы, Чеченцы и Каптолики - Армяне. Чеченцы нынѣ шакъ усмирены почпеннымъ Ермоловымъ, что нанимаются возить хлѣбъ Рускимъ опсюда въ Тифлисъ и на линію, но всегда спрашно вооружены, и всегда провожаешь ихъ какъ дѣшей, чтобъ не нашаки-

ли дорогою, команда, хорошо вооруженная, съ пушками и съ зажженнымъ фишидемъ. Прибавишь должно, что мы ѣхали ошь злодѣевъ Чеченцовъ, ошь бо до 20 верстъ близости, но ничего не случилось. Дорога ошь Наура до Моздока хошь шаромъ покапи; слѣва видны въ дали горы, и извивистый Терекъ, ешь деревья и множество дикихъ розъ, съ правой спель, обработанная же спель къ Тереку.

Сего дня вспаль въ пять часовъ, написалъ свой журналъ, въ восемь пили кофе, попомъ съль подгорюнившись у окна: много идей пробѣжало въ головѣ моей, слезы нечувствительнo выкашались, а все ошь много, что нѣшь въспей изъ столицы, что не вѣдаю о здоровѣ ротившей меня, и о близкихъ сердцу моему. Желая разсѣять себя, взялъ чипашъ, какое-то вздорное путешеспіе по Крыму, безъмяннаго Француза. Въ часъ съли обѣдаль; Моздокское вино даже хорошо; жары и успалось ошняли позывъ къ ѣдѣ, при дни вль — чтообъ въспь, безъ всякаго желанія, сего дня какъ здоровый. Моздокскій нѣжный полъ, подобно Астраханскимъ дамамъ, завернушы съ головы до ногъ въ бѣлыя просыни. Нашу хозяйку Ерлову наконецъ увидѣль въ саду запущенномъ; на мой по-

клонъ отвѣчала поклономъ, краснѣя; на мой привѣшливыя слова отвѣща не было, повторился только поклонъ, и дѣвушка ея шже, но съ грубостію и ни какой услуги не хотѣла оказать; хорошо, что у насъ все нужное съ собою, а по бѣда; по-ли дѣло въ другихъ городахъ, шакъ и уха-живаюшъ, Нездоровый Коменданшъ Кошы-ревъ увѣдомилъ лично насъ, что завтра мы можемъ пуститься къ Тифлису, что онъ уже свои распоряженія сдѣлалъ, насъ будущъ провожашъ около ста человекъ пѣ-шихъ солдатъ, съ одною пушкою, и шесть козаковъ, самое сеншменпальное, прога-пельное пушешеспіе! Уложились, въ де-вяномъ часу предались покою.

20-го Іюля. Дождь, сыро, въ пять ча-совъ встали, въ семь выѣхали; до Терека пять верстъ, — предурная дорога, новая дѣ-лаешся, въ два года будепъ гошова и пря-мѣе; въ девять съ половиною, въ чепыре приема, на дурномъ паромѣ переѣхали; ка-ждаго ужась обнимешъ, видя нѣсколько сошенъ вооруженныхъ полунагихъ, съ звѣр-скими лицами, загорѣлыхъ, брадашыхъ Лез-гинцевъ, Осепинцевъ, Кабардинцевъ, Кир-гизъ-Кайсаковъ, Нагайцевъ, Ташаръ и дру-гихъ; но мой ужась еще болѣе увеличился, ко-гда меня окружили нѣсколько десятокъ шзъ

оныхъ, и чрезъ переводчика, просили приказашъ заплашишь имъ недоплаченное за перевозку хлѣба; справедливая, или нѣшъ, была ихъ просьба, не знаю; но я, чшобъ опвязаишь отъ спрашиищъ, общалъ всѣ желанія ихъ исполнишь, и чшобъ да-лѣ отъ себя опвдечъ, указалъ на молодого по опдалъ споящаго, лѣпообразнаго моего шоварища; они, увидя на немъ звѣзду и кресты, оставили меня и обратились къ нему съ шюю же просьбою; и онъ имъ все посуилъ; они опшались довольны; между шѣмъ, мы стояли на берегу и съ изумленіемъ смотрѣли, какъ сѣп дикари гоняли быковъ изъ Моздока чрезъ Терекъ. Одна часшь гоняишь быковъ по Моздокскому берегу, противъ шеченія; и вдругъ съ быками бросаюишь въ Терекъ, кошорая быспрошою своею спремийшь ихъ по шеченію; тогда, видишь безспрашье сѣхъ нагихъ спрашиищъ, шо на быкахъ, шо схвашясь за рога, круциясь вмѣстѣ въ водѣ; другіе въ это время нагіе же кидаюишь съ берега прошиво-лежащаго, гдѣ мы стояли, и помогаюишь шѣмъ извлечь быковъ изъ рѣки; мудроно описашъ эпу каршину, шакъ она необыкновенна; кажешся, видишь Американцовъ въ самой дикоспи своей. Жаль, чшо единшвенный

Державинъ скончался: шолько ему, его великому дару можно бы, въ спихахъ высокихъ, начершашъ Терекъ, и дашь выпреннему своему разуму пишпическую пищу. Нынѣ шолько и пишушъ нищенскія Баллады, посланія, пѣсенки и подобныя бездѣлки. Одинъ Мерзляковъ Поэзією занимаешся, а Каченовскій учипъ какъ пишашъ прозу, и судипъ какъ Болпинъ.

Коль скоро наши экипажи, были перевезены, мы съли у редуша Александровскаго, недалеко опъ берега построенаго; шупъ Коменданшъ Гильденгофъ. Опъ сего укрѣпленія до редуша Констаншиновскаго 33 версты. Половина дороги гориста и не слишкомъ лѣсиста; малая Кабарда; провожавшій насъ живой офицеръ Никановичъ; говорилъ, что въ лѣсахъ водятся кабаны вѣсомъ въ двѣнадцать пудъ, козы, олени, зайцы, много разнородныхъ пшпцъ; но мы видѣли шолько дикихъ козъ, красиво прыгавшихъ и красивыхъ фазановъ. Ешъ также и другіе звѣри; но злѣе всѣхъ Лезгинцы. Проѣхавъ двѣнадцать верстъ, между горъ, въ ущельѣ, на сырой правѣ, у колодца, выкопаннаго Генераломъ Дельпоцомъ, обѣдали холодное, вмѣшъ съ офицеромъ, и солдаты поже дѣлали; а козаки на горахъ фланкерами. Въ началѣ сегого-

да, въ этомъ ущельи, на возвращающуюся изъ Тифлиса почпу, въ числѣ двѣнадцати человекъ козаковъ съ унперомъ, напали было нѣсколько десятокъ Лезгинцевъ. Горы зеленыя зрѣнію пріятны, черноземъ вездѣ, и ежели бы Лезгинцы воздѣлывали землю, не имѣли бы времени убійствомъ и грабежемъ заниматься, нынѣ смирились: имя Ермолова спрашивъ ихъ, онъ не шутитъ, а смерти предаеть злодѣевъ. Въ семь часовъ по полудни вѣхали въ Констаншиновской редушъ, гдѣ Комендантъ Капитанъ Тимошевскій, молодець и очень мнѣ понравился своимъ образомъ мыслей. Поваръ приготовилъ намъ ужинъ, и мы послѣ онаго въ казармѣ пѣсенной легли на сѣно, и крѣпко заснули; давно я такъ не уславалъ; 33 версты мы ѣхали въ коляскѣ, верхомъ и шли, всего времени десяти часовъ.

21-го Іюля. Вспавъ въ шесть часовъ, хотя дождливо было и грязно, но я осмолрѣлъ редушъ; нельзя сказаць, чшобъ укрѣпленіе было слишкомъ хорошо, и казармы вешховашы; шуть спояшь двѣ роты и въ амбразурахъ, на платформахъ, чешыре пушки; здѣсь живущъ по необходимости какъ пусшынники и вѣчно въ шрудахъ; вошь шаковая служба — шочно

служба и заслуживаетъ уваженіе и награды: всякой день держи ухо ошро, и всякой день думай драхься.

Въ 8-мь часовъ ушра выѣхали, при пош же необходимой церемоніи: спо человекъ пѣхоты съ заряженными ружьями, двѣнадцать козаконъ и пушка. Вчера едва доѣхали на дурнѣйшихъ, некормленныхъ лошадахъ, данныхъ намъ за денги въ Моздокъ. Сего дня на славнѣйшихъ, едва въ часъ и 25 минутъ переѣхали семивершцовую крупую гору, (цѣпъ сихъ горъ, большая Кабарда): шрудность переѣзда умножилася опъ шрехъ-дневныхъ дождей, ужасно спало грязно; почшленные солдаты почши на плечахъ вывезли коляску; въ бояхъ, шрудахъ — всегда молодцы. Порупчикъ провожавшій насъ, Серро, родомъ Грекъ, очень порядоченъ; жаль что не говоритъ по Гречески. Оставя гору за собою, шѣлохранишели наши ондыхали и ѣли, и мы шоже дѣлали. Гора, которую мы проѣхали, черноземъ, съ обѣихъ споронъ покрыша лѣсомъ; дорога сажени полшоры шириною, и уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; солнечные лучи мало доходятъ, -а пошому не скоро высыхаетъ гора; однако еспъ красивые виды, орѣшникъ, дякія розы, липа, дубъ. На восьмой верстѣ соединяющя

горы; шущь-то было, по словамъ Серро, нѣсколько нападеній на козаковъ. Съ сего мѣста дорога до Елисаветинскаго редуша почти хороша, но все-таки горы, между ними есть и долины; по горахъ съ обѣихъ сторонъ ѣхали фланкеры, по при козака. Вспрѣтили почту изъ Елисаветинскаго редуша 15 козаковъ и 15 пѣшихъ: шакое распоряженіе сдѣлано послѣ выше-сказаннаго нападенія. У самаго редуша пробѣжали мостъ чрезъ рѣчку Камбелейку; шущь на поляхъ, косящъ солдашы и козаки вооруженные, не смотря что живутъ мирные Осепинцы — но все злодѣи. Съ правой стороны не оставляющъ путешественника горы большой Кабарды; слѣва оплого. Въ три часа по полудни прѣехали въ Елисаветинскій редушъ, гдѣ Комендантъ Маіоръ Усминовъ. 28 вершъ ѣхали въ коляскѣ, верхомъ и шли, всего времени семь часовъ: есть время наговоринься, надумашься и наглядѣшься. Въ низенькой казармѣ съ малѣйшими окнами, только что расположились обѣдать; прѣехалъ изъ Индіи и Персін, чрезъ Тифлисъ, Англійской Гусарской двадцати-двухъ лѣтній Капитанъ Иванъ Ло; послѣ пяти словъ опъ шоварища моего на Англійскомъ языкѣ, съ видимою радостію съѣлъ за нашъ столъ, все хваля, въ

въ обѣ щеки, увѣряя, что при себѣ, кромѣ чаю, ни чего не имѣешь, и что давно шакъ хорошо не обѣдалъ; выпилъ къ горести нашей цѣлую бутылку мадеры: это не шушка въ дорогѣ и на Кавказской линіи; при немъ какой-то смысленный переводчикъ, Жидъ или Нѣмецъ, не знаю; молодой Иванъ Ло говорилъ о себѣ, что хотѣлъ; будно рисуешь, будно пишешь свой журналъ; я послѣ обѣда по Французски увѣрялъ его, что онъ ни чего не пишешь: ибо не спросилъ даже — у кого онъ имѣлъ честь обѣдать, и насильно далъ ему записку о товарищѣ моемъ и о себѣ. Вотъ шакъ-то ѣздящъ иноспранцы по Россіи, и потомъ выдающъ огромные свои журналы. Горе намъ! — Въ десяти верстахъ отъ сего редуша живущъ крещенные Осепинцы въ аулахъ своихъ, хуже нашихъ презамаранныхъ избъ. Въ 8 часовъ мы легли спать, дождь лилъ, грязно, и что за приипность гуляшь въ редушѣ спѣсненномъ; я однако успѣлъ бытъ у Коменданта Устинова: пилъ чай, и познакомился съ его сестрою; ее одна дама, которую видѣлъ, осцава Моздокъ.

22-го Іюля. Въ шесть часовъ утра, уже были мы готовы, оппили и кофе, Иванъ Ло, Англичанинъ, шущъ какъ шущъ;

проспились, семь часовъ пробило, съ пою же церемонією опсправились; дорога хороша; проѣхавъ верхомъ и прошедь 16 верспь, оспальныя восемь, въ ошкрышой коляскѣ, съ козаками шолько рысью поѣхали въ Владикавказъ; куда прибыли въ часъ по полудни. Провожавшій насъ Шшабсъ-Капитанъ Токаревъ, препорядочный молодой человекъ. Дорогою справа Кавказскія горы, снѣжныя, при шучныхъ облакахъ; мало были видны. Вышедь изъ коляски, прямо пошли къ Владикавказскому Коменданту, Полковнику Николаю Пешровичу Скворцову, человекъ хорошему, опличному, кропкому и дѣло свое исправно выполняющему: шакъ о немъ всѣ говоряшь, и всѣ хвадаяшь. Послеъ привѣшшвій, просилъ обѣдашь; мы съ удовольшвіемъ оспадись. Явилась супруга гостепрімнаго Скворцова, Марья Ивановна, дочь покойнаго Генераль-Майора Ушакова, двадцати одного года, съ чешырьма дѣшми: прекрасна собою и самаго любезнаго, умнаго обращенія; машь ея, лѣшь сорока, привѣшлива и пріятна; обѣдь хорошь, и вино шоже; въ пяшь часовъ мы были въ чисшомъ домѣ; распорядились, оспавивъ коляску и кибишку большую здѣсь; а самимъ съ егеремъ и поваромъ, при одной кибишкѣ, ѣхашъ въ Тифлисъ верхомъ; горько мнѣ

было шакое учрежденіе, но нечего было дѣлать; должно повинувашься обшояшельспвамь. Въ седьмомь часу, мы ояшь пошли къ Коменданшу, поговорили и о помь и о другомь, пили чай; шовариць вскорѣ ошправился спать, а я упрошеный оспался ужинашь, и чрезвычайно былъ доводень бесѣдою нѣжнаго пола; въ одиннадцать часовъ былъ у себя, написалъ журналъ, почишалъ и предалъ себя, послѣ молишвы, сладкому успокоенію.

23-го Іюля. Ночь ливнемъ лилъ дождь и упро шже; въ шесть часовъ мы были гошовы, а выѣхали въ десяшь; дождь переспаль; грязь ужасная; безъ пушки, шолько шридцать пѣшихъ солдашь и шесть козаковъ провожали до редуша *Новинки*, который занимаешь офицеръ съ сорока рядовыми для охраненія дороги; шесть верспѣ показались мнѣ шесшидесяшью; дорога гладка, съ лѣва шумишь Терекъ, вдали со всѣхъ споронь горы, и видѣнь снѣжный и ледяный Казбекъ. Еще шесть верспѣ и мы въ слободѣ и крѣпосщѣ *Балтъ*; несносная дорога! коша и красива природа, ни въ чемь недѣзя пріятно проѣхашь; я, шо пѣшкомь, шо верхомь, шо въ кибишкѣ, — ужась худо, безъ вины страждешь, а въ хорошемъ экипажѣ жаль. Передь *Балтою* горы лѣси-

сты, Терекъ шумѣ и долина прошивула-
жащая прелестна. Редущь *Гайдукино* или
Максимовка, восемь версшъ; нестерпимая
дорога, каменистая и *прерябая*; еще шестъ
версшъ до крѣпостицы *Ларси*; вообще двад-
цать чешыре версшы, горы обнаженные,
каменные, висою ошъ шрехъ-сошъ са-
женъ до версшы и болѣ, по крайней мѣрѣ
мнѣ шакъ казались; вхали по подошвѣ оныхъ
я пѣшкомъ, и нѣсколько разъ верхомъ;
спрашно и шрудно; съ права ужась наво-
дяшъ горы, съ навислыми висшупами и съ
шорчащими по бокамъ большими деревьями,
кажешся опшоргнушся и разможашъ пу-
шешешвенника; съ лѣва не перешаешъ
шумѣшъ Терекъ, кашаешъ большіе каменья;
какъ камешки; дорога шириною ошъ двухъ
саженъ и въ половину менѣ; съ права какъ
сказаль раздавшъ шебя горы, съ лѣва
ошупясь полѣпишъ въ Терекъ. Въ ше-
стомъ часу по полудни добрались съ боль-
шимъ шрудомъ до *Ларси*; я ужасно упо-
мился, ошъ пѣшеходшва и верховой вѣды;
въ сорокъ пяшъ лѣшъ, и не мудрено; дай
Богъ каждому выдержашъ несносный жаръ,
и вдругъ, взойдя на горы, пронцашельный
холодъ; въ грязи, въ водѣ; и весь промо-
ченъ насквозь ошъ дождя и высушенъ ошъ
прямыхъ лучей солнечныхъ; благодарноешъ

*

Богу! я здоровъ, какъ молодой. На пуши къ Ларси, спрашно и пріятно проходишь или проѣзжаешь, по крупому берегу сердитаго Терека; въ двухъ мѣстахъ, на нѣсколько сажень, сдѣлана дорога въ горѣ, взрывомъ пороха: высока, широка и ужасна; надъ побою висятъ двѣ громады ужасающей скалы, высунувшейся отъ родившей ее горы, если *критика* позволишь такъ сказать. — Въ крѣпостцѣ *Ларси* Капитанъ и Комендантъ съ женою и прѣмь дѣтьми, успуцалъ намъ въ сажень квадратную комнату: благодарили, не желая спѣснить семейство его, и безъ того спѣсненнаго; мы избрали для своего ночлега казарму; въ дорогѣ все перенесешь, и Богъ даетъ здравіе. Душею жаль офицеровъ, кошорые прямо служатъ, ежечасно въ опасностяхъ, не вкушая ни какихъ пріятностей жизни; однако веселы и съ мужествомъ довольны. Смѣйшесь, крипки, а я опять повшорю, что дорога по подошвѣ цѣпи Кавказскихъ горъ, узка, гориста, и большею частію дурна. Конечно горы плѣнительны дикостію и разнообразіемъ; но ешьли бы всё сіе не сопряжено было съ такою опасностію и безпокойствомъ; Казбекъ видѣнь, но мы не доѣзжали до него. Въ жизни разъ можно жер-

пву сію сдѣлашь по охощѣ, и по мущинамъ, *служба другое дѣло, куда пошлютъ, вездѣ хорошо.* Присяга съ благородною душою все переносишь, съ швердосцію и безъ ропоша; шакими мужами гордишься древность; шаковы почши всѣ Русскіе, особенно гошоваціеся въ военное поприще; шаковыхъ я знаю нынѣ живущихъ, кои гошовы, по велѣнію Государя своего, лешѣшь на край Свѣта, для блага своего опечества. Кто осмѣлился не почиашъ *истинныхъ военныхъ людей?*

Въ Ларси съѣхалось много чиновниковъ изъ Тифлиса и Владикавказа съ разными порученіями; познакомился съ двумя Греками, одинъ Сулшанинъ, другой Геракопуло, молодцы. Крѣпосща выспроена въ Тагаурскомъ ущельѣ, красиво и дико; — въ сорока саженьхъ глубины, ауль крещенныхъ Осешинцевъ; я было пошелъ къ нимъ, но солдаты одсовѣповали, прибавя, чшо они не любяшь новыхъ лицъ, можешъ случишься и бѣда. Осешинки всѣ почши прекрасны, не смошря, чшо обгорѣли, и въ изорванномъ одѣяніи; лица ихъ правильны и глаза выразительны.

Въ избранную нами казарму съ крошечными безъ стеколь окнами, съ землянымъ поломъ, купили сѣна и соломы; по-

оплали себѣ постели и кончили обѣдъ и ужинъ въ семь часовъ, въ восемь легли почивать; дождь идетъ.

24-го Юля. Ночь, на сіе число, провели въ мученіяхъ; милліоны насѣкомыхъ перзали насъ, особенно черные прыгуны; однако мы крѣпко ошь уснули заснули, предавъ себя на съденіе; безъ всякаго прибавленія, проснувшись въ шесть часовъ, спалъ одѣвашся, увидѣлъ себя безъ сапоговъ, въ сапогахъ: шолкое-шо множество черныхъ прыгуновъ! Нечего дѣлать, одѣлись, и вышли на чистый воздухъ; солнце освѣщало окружности велѣдно. Вечера ошь того не добхали до Дарьяла, что громошумящій, быспрошечный Терекъ, силою своею опорвалъ часть дороги сажени на три; ошались на ошшоргнушомъ мѣстѣ гора и Терекъ.

Въ семь часовъ ушра, шоварищъ мой, желая удостовѣришся, повхаль къ Дарьялу; при насъ Терекъ, съ ужаснымъ шумомъ, опорвалъ еще дороги на двадцать и болѣе сажень. Первую, какъ ушверждадъ офицеръ, бывшій у меня кадешомъ, можно дни въ чешыре поправить, при двухъ ешахъ рабочихъ, вшорую и въ мѣсяць мудрено. И шакъ наше желаніе бышь въ Тифлисѣ не выполнилось; признаюш, для ме-

ня и вышеписанныхъ шрудноостей довольно; въ Тифлисъ я шолько и хощѣлъ видѣть Ермолова и Миспрополиша Теофилакта; перваго зналъ кадепомъ, вшорато и свѣщскимъ и Архіепископомъ; а впрочемъ, по словамъ многихъ, Тифлисъ мало имѣетъ достопамятноостей. Когда шоварищъ мой опѣхалъ осмопрѣшь дорогу, я ошавался въ крѣпости, окруженный горами, врагами и смершельною скукою; два часа показались мнѣ недѣлею. Явился шоварищъ мой, мы поѣхали, и въ чешыре часа по полудни возвратились въ Владикавказъ, цо прежней дорогѣ; въ пяшь часовъ, по милости Коменданша Скворцова, были въ банѣ, опдохнули, и съ аппешишомъ обѣдали и ужинали въ одно время, у него же; всѣ рады были намъ, какъ роднымъ; нѣшь словъ благодарить за все попеченія!

25-го Юля. Воскресенье; день для души моей пріятный: рожденіе одной особы, кошорая соединяетъ въ себѣ качествва, достойныя подражанія (*). Угодно было насъ посѣпить нѣкошорымъ начальникамъ Осешинцевъ и Кабардинцевъ, по словамъ ихъ совершенно преданнымъ Россіи. Были у обѣдни, гдѣ Священникъ, уроженецъ Перм-

(*). Нынѣ она, за свои добродѣтели, лнукуетъ съ Несозданнымъ.

скій, хорошо служилъ. Завтракъ у Коменданша; при благопріятной погодѣ гуляли въ саду его: не дурень и огромень. Обѣдали у него же; подѣ меня сидѣла Капишана Шабишева жена: очень мила и молода; онъ скромной офицеръ. Съ шести часовъ до восьми, въ саду, пили чай, ѣли фрукцы, роговая музыка для слуха была пріятна; рога сдѣланы изъ карпузной бумаги, выкрашеной подѣ цвѣтъ мѣди. Если бы не сказали и я не оцупаль, никогда бы не повѣрилъ сей выдумкѣ; — нужда научить калачи ѣсть. Я зашѣль, рады были всѣ, пустились въ танцы, только при дамы и сполько же кавалеровъ; нѣжный полъ въ сихъ краяхъ рѣдокъ; что всего пріятнѣе и необыкновенно, подѣ большими, многлишпвенными персиковыми деревьями происходили наши вальсы, экосесы и кадрили. Дамы, Скворцова, Шабишева и дѣвица Каспыгова, дочъ Подполковника, здѣсь служащаго, всѣ при молоды, хороши и танцовашъ маспериды. Довольныя разошлись. — Послѣ одного супу у себя, предались власпи Морфея.

26-го Юля. Мы были у многихъ, проспились; ранѣе обыкновеннаго угостили насъ послѣднимъ обѣдомъ Коменданшъ; всѣ пожелади намъ счастливаго пуши. Въ два

часа по полудни были уже мы въ Елисаветинскомъ редушѣ; ошъ нечего дѣлать, писалъ много писемъ. Погода хороша, наши супки кончились въ 8 часовъ.

27-го Іюля. До Констаншиновскаго редуша, по пѣшкомъ, по верхомъ, по въ коляскѣ, — жарко, и я упустился; въ восемь часовъ день насъ оставилъ.

28-го Іюля. Худо спалъ, насѣкомые превозили; въ чепыре часа вспали, въ шестомъ выѣхали, съ двумя спами быковъ, и сто фуръ, при большомъ конвоѣ; офицеръ второй Сорре; въ пятнадцати верстахъ, въ девятомъ часу у Колдца зашпракали; погода прекрасная. Два Англичанина изъ Индіи, Персіи, чрезъ Тифлисъ, присоединились къ намъ. Одинъ лѣтъ шестидесяти Ламздель — Професоръ Воспочныхъ языковъ, какъ онъ увѣрять, шакъ худъ, шакъ худъ, что худоцавѣ *извѣстнаго С. Петербургскаго жителя*; другой и великъ собою и въ шесть разъ полще своего поварища, Капишанъ Арпмольдъ; мы пригласили сихъ богачей покушать; они съ удовольствіемъ согласились. Надобно справедливоспъ опдашь обоимъ: масшера поѣсть, особенно худой; цыплята жареные мигомъ исчезали, а каршофель и Англійскій сыръ, при хорошей мадерѣ, при-

водилъ ихъ въ воепоггъ. Миѣ жаль было карпофелю, во-первыхъ: что Комендантъша Скворцова подарила миѣ, а во вторыхъ: что нигдѣ доспашъ нельзя; офицеры, и то мало, сѣюшъ для своего обиходу.

Во второмъ часу перѣехали Терекъ; сего дня не былъ онъ сердиль, шумъ мелодическій, и картина вообще была мягче; дикарей не видѣли. Осшановясь на Моздокскомъ берегу, послали караншинному смошришелю Кашипану Виникову сказать о нашемъ прїѣздѣ, и не льзя ли миновашъ караншина; прїѣхалъ чиновникъ и повезъ насъ въ караншинъ, пять версшъ ошъ Терекъ; на дворѣ при часа, солнце ладиль. Наѣъ приняли учшиво, но говорили въ сажень разешоянїя и далѣе, какъ съ чумными; особенно Шшабъ-Лекаръ, кошорому я представлялъ, что мы въ Тифлисъ не были, и слѣдсшвенно чумою не заражены, да и шамъ оной нѣль; онъ отвѣчалъ, что насъ не льзя прежде чешырехъ суюокъ выпустишъ: вы были за Терекомъ, сего и довольно, чшобъ посидѣшъ въ караншинѣ. Цицеромъ, Демосеень и Ломоносевъ напрасно бы упошребили свое краснорѣчїе. Здѣсь въ караншинѣ все берущъ онъ насъ щинцами; порядокъ, чшешоша, учшивостъ похвальная; однако всѣ вещи взяшы, сундуки

открыли и при насъ заперли въ особую избу, безъ оконъ, оставили намъ плащье и на чемъ спать; и съѣстное. Шпабъ-Лекаръ среди сей темной избу, поставилъ три горшка глиняные съ *Acide muriatique oxigéne*, подъ горшки уголье; коль скоро кислый газъ началъ раздаваться, заперли двери, приложены двѣ печати, наша и Капишанская, и поставленъ часовой. Мы пошли въ назначенные намъ покои, ошъ Терека во сна саженьяхъ. Покои похуже Владикавказскихъ, однако изрядны и чистеньки. Кухня весьма дурна, ибо надо споя на колѣняхъ гошовишь; видно, что мало съ поваромъ ѣздяшь. Въ семь часовъ обѣдали и ужинали, въ девять уже покоились. Англичанамъ, богачамъ скупымъ, шолспому и худощавому, доходилъ запахъ ошъ четырехъ блюдь нашихъ; мы боялись смопрѣшь на нихъ: шого и гляди, что пожалуюшь; они подъ крышею, на чистомъ воздухѣ, занимались молокомъ и хлѣбомъ, изрѣдка поглядывали на насъ, мы — будшо не видимъ. Скупосшь непомѣрная и непрошительная; за шо съ нихъ и за молоко взяли въ при - дорога. Слуга, наняшый ими, Армянинъ, какъ угорѣлая кошка, въ посыкахъ, шо шуда, шо сюда, и бричка не важная: горько видѣшь скупыхъ;

это недосшапокъ, заслуживающій презрѣнія.

29-го Юля. Погода чрезвычайно хороша; вспали въ семь часовъ, оставались въ необходимомъ одѣяніи, прочее взяли окуришь; чрезъ три часа принесли намъ окуренное плашье, которое надѣли, хотя оно было непріятнаго запаха; снятое съ насъ понесли напоишь газомъ; служащимъ намъ, надѣли балахоны и колпаки окуренные: смѣшной нарядъ! Очень скучно сидѣшь въ карантинѣ; па только выгода, что будешь имѣшь маленькое понятіе о шюрмѣ; изъ порядка не должно ни кому выходить. Супки показались недѣлю, хотя мы читали, писали, говорили, обѣдали, купались въ Терекѣ. Купцы съ шоварами сорокъ дней выдерживають карантинъ: сія ошпорожность необходима, хотя очень тягоспна. Къ намъ приславили прехъ часовыхъ съ заряженными ружьями, чтобъ мы за карантинную черту не вышли; въ восемь часовъ, дабы избавишься ошъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, закрывши окна, легли, а заснули въ часъ; каково лежать въ шемнопѣ пять часовъ и сномъ не наслаждашься! Теперь ясно понимаю, ошъ чего дѣши плачущъ, когда ихъ спашъ укладывають, а имъ не хочешся.

30-го Юля. Въ несносномъ карантинѣ.

31-го Юля, четвертый день насталь; слава Богу, намъ щипцами подали ошвѣшь на наше письмо, ошъ управляющаго Кавказскою Губернією, Анастопуло: вельно болѣе насъ не держашь, — *спасибо*, какъ мы уже высидѣли шрое сушокъ. Въ одиннадцашь часовъ, поблагодаря Капишана Виникова, поѣхали; черезъ часъ ошпавили Лукувскую спаницу, въ Павлодольской перемѣнили лошадей — 13 верспъ; до Екаперинограда 28; до Прохладной 17; до Солдашской 18: здѣсь бродяги и ошпавные солдаты; до Павловской спаницы 20 верспъ, до Георгіевска 25, и шого ошъ караншина болѣе ста, а ошъ С. Пешербурга гораздо болѣе чешырехъ тысячь верспъ, какъ мы ѣхали.

1-го Августа. Дорога ошъ Моздокскаго караншина до Георгіевска, превосходная, гладкая, ровная, исключая двухъ горъ, на двухъ послѣднихъ спанціяхъ, у Маріинской хуже, и дурненькихъ двухъ мосшиковъ; ѣхали съ шесшью козаками, довольно было шемно, засвѣшили фонари, и въѣхали въ два часа по полуночи въ Георгіевскъ; ошпавились въ домѣ Полицейшера Павла Семеновича Березина;

очень хорошій молодой чѣловѣкъ; жаль, что грудью спраждешь, недѣлю назадъ лишился мапери, и сеспра его одержима чахошкой; горе написано на благородномъ лицѣ Березина. Первой разъ, ни сѣна, ни боломы, все выгорѣло. Изъ восьми спуль-евъ соспавиль себѣ кровашь, послалъ шинель и крѣпко заснулъ; поварищъ успѣлъ прежде меня бросишь на диванъ. Въ десятъ часовъ упра ходилъ по городу; хуже многихъ деревень, отъ частыхъ пожаровъ. Двѣ церкви и пѣ вѣшки; однако много народу въ оныхъ; Воскресенье было, а пошому и я выслушалъ обѣдню. Казенныя спроенiя каменныя Арсеналь хорошь. Съспиные припасы привозяшь два раза въ недѣлю; фрукшовъ много, бергамоты велики, но не имѣюшь нѣжнаго вкусу. Управляющій губернією живешъ въ хижинѣ, домъ его до шла сторѣлъ, и прелестные пополи, бывшіе предъ домомъ; кое-какъ нажилъ, прослужа болѣе 40 лѣтъ во флотѣ, шеперь въ жалкомъ положеніи; жена его, Гречанка съ шремя дочерьми, раздѣляетъ съ нимъ бѣдность. Не жалѣя денегъ, обѣдали хорошо; въ десятомъ часу, на купленномъ дорого сѣнѣ, успокоились.

2-го Августа. Оспавя коляску въ Гергіевскѣ, для нѣкошорыхъ поправокъ,

принуждены были ѡхашь въ двухъ кибиткахъ; эшо для меня не по сердцу было въ первыя, но — нужда къ чему не приучишь! Въ пятомъ часу проснулись, выпили кофею, взяли кое-чего съ собою, съ егеремъ и поваромъ опправились изъ обгорѣлаго Георгіевска къ водамъ Кавказскимъ, 35 вершъ. Я все сидѣлъ на облучку, и не шакъ-шо дурно, когда кибитка шуго набиша съномъ. Пріѣхали къ водамъ въ девять часовъ утра; погода чудесная, и небо безоблачно; первой разъ видѣлъ во всей красъ цѣпь Кавказскихъ горъ; на лѣвой сторонѣ ошъ Георгіевска въ 17-ши верскахъ по лучшей дорогѣ извивается чистенькая рѣчка Подкумокъ, а верскахъ не болѣе спа, по своимъ глазамъ, или по своей опшикъ, въ прямой линіи шянешся цѣпь Кавказскихъ горъ. Здѣсь, у Подкумка, мы завпракали; здѣсь я обозрѣлъ вокругъ себя, и — стоя на колѣняхъ, написалъ слѣдующее: Цѣпь Кавказскихъ горъ можно раздѣлить на чешыре разряда. Первыя горы покрышы зеленью и украшены древами разнородными огромной величины. Вшорыя каменные, съ шорчащими по бокамъ большими деревьями, усшанныя по мѣстамъ обгорѣлою ошъ жаровъ шравою и сѣдымъ мхомъ. Трешы, подъ коими нео-

быкновенныя красивыя облака плавають, снѣжныя, взору пріятны; и четверныя, ледяныя, душу возвышающія. Всѣ, при яркомъ свѣтѣ живошворнаго свѣтила, обращаютъ на себя вниманіе мыслящаго шворенія и почто прелестны; но, кажешся, всѣ онѣ, съ какимъ-то восторгомъ благоговѣя созерцаютъ царицу горъ, Эльборусь (*), покрытую вѣчными льдами и снѣгомъ; слезы умиленія сердечнаго іпекутъ изъ очей просвѣщеннаго пушешественника, и онъ углубляется въ размышленія о величій Творца, всё создавшаго и всѣмъ управляющаго; шакъ бываешь съ людьми, еще съ праваго пуши несоврашившимися! Но что рѣчешь безбожникъ? Онъ преклонишь колѣна и воскликнешъ: есть Богъ и се чудеса его! Назовише мнѣ живописца, кто бы могъ срисовашъ цѣпь горъ Кавказскихъ? Назовише Поэта, кто бы могъ дерзнуть огненнымъ перомъ написатъ похвальную пѣснь симъ горамъ? Назовише Испоріографа, копорый бы осмѣлился взяшься за перо? Всѣ безмолвспвуютъ и съ Апостолами рекутъ: Великъ Богъ и непосшижimy дѣла его! А пошому, смершныя, смирайшесь; ошбросьше гордыню свою, мол-

(*) Сію гору называли мѣъ и Шашъ-горою.

чите, и проливайте слезы, удивляйтесь!
 Однако я бы сказала нашим писателям,
 особенно стихопворцамъ съ дарованіями:

Сюда спекайтесь, сонмъ Поэтовъ!
 Сюда, вамъ спыдно вздоръ пишашъ,
 Бросайте перья вы извъшовъ,
 Старайтесь Бога прославлять.
 Сюда злодѣевъ привезите,
 Во агнцевъ превращаясь всѣ;
 Сюда вы злапо приносите,
 Нѣтъ нужды больше въ немъ нигдѣ.
 Одни изранены — большие
 Лишь въ злашѣ могутъ пользу зрѣть.

Обращаюсь къ Эльборусу: когда всѣ
 горы преклонили *верхи* свои, когда чело-
 вѣкъ, шочно челоуѣкъ, въ изумленіи опъ
 красопъ ея; шогда она, видимо съ какою-
 шю величавою; благосклонною, крошкою
 улыбною; благодаритъ все и всѣхъ, за
 признаніе истинное къ ея лѣпостѣ, и бо-
 лѣе опъ шого; чшо она заставляешъ по-
 знавать Создателя и укрощашъ буйность
 смертныхъ предъ Несозданнымъ.

О водахъ Кавказскихъ ешъ книги, а
 я скажу нѣскольго словъ. Первыя — горя-
 чія, въ 38 градусовъ; вторыя — кислосѣр-
 ныя, здоровы для всѣхъ, въ 25 градусовъ;
 шрешьи, Варвація, горячія въ 32 градуса;

четвертая, въ двѣнадцати версхахъ ошь сихъ водъ, на Желѣзной горѣ, желѣзныя горячія, 52 градуса; пятыя, въ сорока версхахъ, кисло - холодныя, и шестыя ошь сихъ въ двѣнадцати версхахъ, кисло - желѣзныя.

Не доѣзжая водъ, на правой споронѣ, живушь аулами мирныя Черкесы; попадись къ нимъ въ руки, тогда узнаешь ихъ кропость; они шолько и бояшся одного Ермолова! Съ присоединенія Грузіи къ Россіи, изъ Тифлиса выѣзжали Главкомандующіе, несчастный неустрашимый Князь Циціановъ и нынѣ Ермоловъ; сей послѣдній прославляемъ ошь малаго до большаго, всѣхъ сословій; Чеченцы, Черкесы и всѣ нагорныя обитатели не любяшь безспрашнаго, благоразумнаго Начальника, шакъ какъ и взяточники въ губерніяхъ, ввѣренныхъ ему. Есль по дорогѣ селенія, Шотландское и Нѣмецкоѣ: они шно снѣбжаюшь пріѣзжающихъ къ водамъ ошлично - хорошцмъ, бѣлымъ и сипнымъ хлѣбомъ, масломъ, молокомъ и разными съеспными припасами. Спранно, что иноземцы ошсавляюшь шакъ называемыя свои благословенныя земли и приходяшь живъ даже въ дикихъ мѣсцахъ Россіи! Пуспъ ихъ селяшся, да пуспъ не браняшь Русскихъ! Ошсавидились ль чисномъ домѣ

съ мебелими, прямо противъ горячихъ водъ, — десясть рублей въ сущки. Въ чужихъ краяхъ гораздо болѣе плашяшь; здѣсь сколько хочешь сиди въ ваннахъ, ничего не плашишь, а шамъ за все плаши: Въ одиннадцатомъ часу утра вышли походить; первая встрѣча — Полковникъ Аполлонъ Маринъ, бывший мой ученикъ, хороший молодой человекъ; мы одинъ другому очень обрадовались; зашли къ нему; и у него выпили кислой воды по спакану: 35 копѣекъ споншь бупылка; по его совѣшу, пошли на гору, и сѣли въ ванну кислосѣрную 25 градусовъ; приятно въ ней сидѣшь, не хочешя разспашьяся; ванна большая, можно шеспи человекамъ покойно вмѣстѣ сидѣшь и лежашъ, въ горѣ высѣчена. Полчаса и — кажешя, здоровѣ спашъ, и аппешиншь сильный родился. Тупшь увидѣлъ Пуш — на молодого, кошорый гомовъ съ похвальной спороны обратипшь на себя вниманіе общее; точно онъ можешъ; при дарованіяхъ своихъ; я ему ошъ души желаю всякаго блага; онъ слушашъ и колкую правду, но смирялся; и эша перемѣна дѣлаешъ ему чешъ. Въ горячихъ водахъ сдѣланы для нѣжнаго пола особенныя ванны, выпроены и убранъ на горѣ домъ, и по горѣ масшѣрски сдѣланъ

*

въздъ, и пѣшкомъ неупоминательно: лѣсница, имѣющая сто спупеней, и дурна и слишкомъ дорого спала; она построена прежде Ермолова. — До ужина опять обнимали насъ кисло-сѣрныя воды; часъ времени съ Маринымъ и Пушкинымъ языкомъ поступали и разошлись; здѣсь на водахъ, чего хочешь, все доспать можно, и нахожу, что не дорого. Маленькой дождь.

3-го Августа. Въ шесть часовъ, не смотря на дождь, мы пошли на гору, Машукъ называемую, и будучи здоровы, пили кисло-сѣрную воду, два раза въ ваннѣ; за то обѣдали и ужинали съ величайшимъ желаніемъ; я читалъ о водахъ, сочиненіе Доктора Зей: надупо написано, впрочемъ, какъ говорятъ, справедливо; мнѣ принесъ сію книгу Полковникъ Преображенскаго полка, Деменковъ, которъй получилъ облегченіе отъ ранъ своихъ; а Маринъ, невладевшій рукою съ Бородинскаго дѣла, чувствуетъ себя здоровымъ, поднимаетъ оную свободно; спрадалъ глазомъ отъ конпузіи, и большое почувствовалъ облегченіе; мы поздно пріѣхали, ужъ время прошло; всѣ разъѣхались. Ермоловъ разводитъ садъ, и ежели нѣсколько лѣтъ пройдетъ съ такимъ попеченіемъ отъ начальства, то увѣренъ, что вся Европа осмат-

вишь свои воды, и будешь приѣзжать за здравіемъ на Кавказъ.

4-го Августа. Погода весьма хороша; послѣ ванны ходилъ и на базарь: не дурень, много домиковъ выспроено; теперь не нужны палашки, ешь гдѣ помѣсшишься; хотя любители чужихъ краевъ не хощають хвалишь все шо, что Русское. Покаяюся, да не будешь ли поздно? Колонисты богашьютъ, имъ хорошо; нынѣ набѣговъ мало ошь нагорныхъ жипелей; у нихъ посшавлены солдапы съ пушками. Бѣлой хлѣбъ въ Шошландской колоніи, гдѣ много переселилось изъ Сарепты, ошлично хорошъ; послѣ С. Пешербурга, я шакого не ѣлъ. Супки протекли быдстро.

5-го Августа. Послѣ двухъ ваннь, обѣдали; въ два часа выѣхали. Въ шесть приѣхали въ Георгіевскъ; переодѣвшись, посѣщили Анастопуло: человекъ шихой; супруга его благоразумна и хороша собою; я до-сыша наговорился по-Гречески, былъ въ церкви; дома гошповился къ дальнему пушешествію. Въ Георгіевскѣ Коменданшь — Генераль-Маіоръ Сшаль; всѣ его хваляють.

6-го Августа, просшясь съ нашимъ хозяиномъ, пожелавъ ему здравія, выѣхали изъ жалкаго города въ шри часа по полудни.

7-го Августа. Можно сказать, что отъ Георгіевска, дорога — въ началѣ степь, съ нѣскольکو-посохшею правою, потомъ сѣнокосы, хлѣбъ до самаго Спаврополя, который гораздо и гораздо лучше Георгіевска: чистѣе; однако мало нашли съѣстного; шупъ двѣ церкви, одна каменная, другая деревянная. Отъ Спаврополя верстѣ семь гора, зелень веселая, рогашаго скоша множество, вдали горы зеленныя и лѣсистыя. Утромъ было холодно, потомъ жарко — до Богоявленской деревни, богашой, но не въ устройствѣ; и до Прочнаго окопа дорога отлочно хороша, козакки вездѣ молодцы; отъ Спаврополя до Богоявленска многочисленныя спада быковъ. Въ часъ по полуночи, пріѣхали въ Прочной окопъ, одѣшые легли спать; здѣсь Комендантъ Маіоръ Широкой, человекъ учтивый. Небо двое супокъ безоблачно и жаръ несносный; но до восхода солнечнаго, родъ морозу, или холодъ чувствительный, рѣзкій, а воздухъ чистѣе.

8-го Августа. — Воскресенье; распросиясь съ учтивыми офицерами, выѣхали рано съ Хоперскими Козаками: душа веселишся, смотря на нихъ: одинъ другаго молодцовашѣ; Кубань въ лѣво, а въ право глазомъ не обкинешь равнину; за

Кубанью Черкесы, Кабардинцы, — мало показывающся. Прочный окоп чистъ, и казармы хороши; при великомъ Суворовъ выспроенъ. Сказывали, что Нижегородской Полковникъ Тупольминъ, изъ полковой суммы выстроилъ казармы. Вездѣ военные, и учпивы и опрятны. Кубанская линія въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ Кавказская, сколько я могъ замѣпить. Въ Темизбекѣ встрѣщидись съ Генераломъ ошъ Кавалеріи Н. Н. Раевскимъ: всегда со мною хорошъ, дочери благовоспитаны, слѣдственнo любезны, — сынъ меньшей привѣщливъ. Во вшоромъ часу по полудни вѣхали въ Кавказскую крѣпосшь, гдѣ Комendanшъ и Командиръ Навагинскаго полка — Подполковникъ Александръ Федоров. Урнежевскій, крошкій и скромный, добрый и препорядочный 35-пи-лѣпній человекъ. У него мы обѣдали, ужинали, въ банѣ были; въ особой казармѣ писалъ, чисталь, и сушки миновали. Жарь для меня былъ несшерпимъ. Не довзжая двѣнадцати верспъ до сей крѣпосщи, дорога гладкая; Кубань съ лѣсомъ по берегамъ, справа высокая, но ошъ еолнца обожжена. Проѣхали ошъ С. Пешербурга болѣе 4,500 верспъ.

9-го Августа. Вспали, не выспавшись и опъ жару и опъ насѣкомыхъ. Комендантъ съ офицерами заходилъ къ намъ, и наспоэль, чшобъ у него завпракашь; выполнили желаніе Урнежевскаго, и у него же съ Генераломъ Н. Н. Раевскимъ и его фамилією обѣдали. Чисали спарыя газеты у себя, вечеръ провели въ разговорахъ и въ чпеніи приказовъ Ермолова; всѣ почти имѣюшь оппечашокъ опличнаго челоувка; между пѣмъ опдавали справедливосшь и покойному Главнокомандовавшему въ Грузіи, Князю Циціанову.

10-го Августа, не доспавъ, проснулись рано, въ шесшь часовъ; при сопрожденіи гостепрїимнаго Коменданша, выѣхали изъ Кавказской крѣпости; погода прекрасная; проѣхавъ всѣ Хоперскія спаницы, нашель одну другой лучше; и церкви каменныя; дорога гладкая сто семь верспъ; и оставя за собою Кавказскую губернію, вступили въ чешверпомъ часу по полудни въ землю Черноморскихъ Козаковъ (прежде Запорожцевъ) и прямо въ Караншинный редушь, называемый *изрядный истогникъ*. Тушь нашли Ашамана Черноморцевъ, Полковника, сѣдаго, крошкаго, съ добрѣйшимъ лицемъ челоувка, Григорія Кондрашьевича Машвѣва. Ка-

раншинной домъ, передъ Моздокскимъ, показался дворцемъ, и подлинно — числь, въ чешырехъ покояхъ по двѣ кровати, въ каждомъ споль и шуля; скоро окурили всѣхъ насъ.

По тихой рѣкѣ Кубани всѣ спаницы опимѣнно хороши; поля и нынѣ зеленѣюшь, скоша много, и хлѣбъ не совсѣмъ дурень; однако давно не запомняшь шаковой засухи, права всегда въ росль человѣческой, какъ всѣ ушверждали.

Екатеринодаръ есть споица Черноморскихъ козаковъ, гдѣ и Войсковая Канцелярія; городъ обширный, но худо выспроенъ, и въ немъ не болѣе 3,000 обоего пола жипелей. Войсковой Канцеляріи члены сказывали мнѣ, что всего на все съ женскимъ поломъ въ Черноморіи 70 тысячъ, болѣе мужескаго пола; что у нихъ 21 полкъ, въ каждомъ 550 чедовѣкъ, одѣшы въ синемъ, рукава за плечами, выбришы, у нѣкопорыхъ Козаковъ есть еще *гуприньы*. Во время нужды могушь сверхъ сказанныхъ полковъ съссть на коней тысячъ десяшь; спарики, дѣши и козачки всѣ въ работѣ. Единообразіе одежды не шакъ-по красиво; прочіе козаки одѣшы какъ хошяшь, и ошь шого кажущся молодцовашѣ и красивѣе, и борода придаешъ

мужество. Я не видѣлъ Уральцовъ и Донцовъ въ ихъ спаницахъ; но смѣло можно сказашь о казакъ:

Идѣшъ, и врагъ стояшь не смѣешь —
Бѣжишь, его и шши онъ робѣешь.

Докшоръ. Караншинный съ излишесшвомъ учдивъ; мы хотѣли покупанься въ Кубани и бросились въ ея тихія спруи; я держался берега, шоварищъ мой поплылъ далѣе, и вдругъ при Черкеса, съ прошиво-лежащаго берега, кинулись въ воду: мы вздрогнули, однако ничего не приключилось. Въ шесть часовъ по полудни обѣдали и ужинали съ Урнежевскимъ; часа чрезъ два онъ поѣхалъ въ обратный пушь со слезами на глазахъ, и мы, прощаясь, взаимно чувствовали печаль; шрехъ-дневное пребываніе вмѣстѣ сблизило насъ; въ пушешествіи своемъ, я на опытъ узналъ, что есть лица *привлекательныя*, не знаещъ за что полюбишь человекъ; напрошивъ, есть фигуры *оттолкательныя*, увидишь, и — хочъ бы ввѣкъ не видишь.

Въ десятомъ часу вечера, при полномъ жаркомъ мѣсяцѣ, при звѣздномъ небѣ, на берегу тихой Кубани, въ десяти саженьяхъ или не много далѣе, ошъ воров-

скаго - Черкескаго пикеша, сидя на спульяхъ, съ прубками, глошали шеплый воздухъ. Могъ ли я предвидѣшь, за годъ, что буду такъ далеко отъ родныхъ и друзей? На свѣтѣ живучи, все можешь слушьяся.

Ермоловъ и Черкесовъ привель въ спрахъ; однако жъ они зимою воровски переходяшь покрывшую льдомъ Кубань, и ошгоняющъ скошь; здѣсь какъ и на Терекѣ не надобно дремашъ, и всякой ложился спать съ оружіемъ у изголовья; непріянная жизнь! Наши солдашы окликаются: „кто идешь? кто идешь? кто идешь? говори! убью!“ Попробуй не отвѣчать, такъ и будешь въ Елисейскихъ цоляхъ! Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, Полковникъ хошѣлъ испытать своего солдаша, на часахъ спящаго, прошелъ — не отвѣчая: солдащъ приложился, и — Полковника не спало; кто правъ? кто виновашъ?

Возблагодаря Творца за благополучное путешествованіе, столь дальное и многотрудное, мы легли успокоився на свѣжее сѣно; я часно пресыпался отъ опкликовъ нашихъ Русскихъ и Черкесовъ; шупъ мудрено бышь соннымъ, каждой сдѣлаешся и смѣшнымъ и ошоружнымъ.

11-го Августа. Въ седьмомъ часу утра, поблагодаря Апамана Машвѣва, пустились въ путь, сопровождаемые сошнею козаковъ, и благополучно очутились въ Екатеринодаръ; дорога безподобная, слѣва скромно шечеть Кубань, за нею виденъ лѣсъ, а вправо простирается зеленая равнина. Въ Екатеринодаръ, по благосклонности начальниковъ казацкихъ, приготовлена была для насъ чистая, хорошо-убранная кваршира Майора Барабаша, который и въ опсуществіи своемъ не шокмо угоспиль насъ, но и въ дорогу снабдилъ, виномъ и съѣсными припасами. По сему я долгомъ поспавиль себѣ, письменнѣ изъявишъ ему мою и шоварища моего благодарносшь — за угощеніе.

За нужное поспавляю сказашъ, что въ Войсковой Черноморской Канцеляри, вычисля опъ Екатеринодара до Тамана, впередъ берущъ деньги за почшовыхъ лошадей.

Сверхъ сошни Козаковъ съ офицеромъ, данъ намъ Полковой Есауль Никиша Яковлевичъ Долинскій, чшобъ нигдѣ не было оспановки: молодець, добръ и услужливъ; — мы не ѣхали, а лешѣли.

Въ восьмомъ часу вечера, въ Ивановской спаницѣ, мы оспановились у одной

козачки, и на дворѣ, при двухъ мужес-
ственныхъ часовыхъ, освѣщаемые печаль-
ною луною, безъ свѣчъ, почши какъ днемъ,
обѣдали и ужинали въ одно время; около
насъ, на обширномъ дворѣ, быки съ важно-
стію прохаживались, коровы прогулива-
лись, шеляпа прыгали, ягняша щипали
шравку, курицы клокопали, цыплята
подъ крылышки ихъ прыпались, свиньи съ
поросятами хрюкали, лошади ржали; ше-
плоша нѣжная увивалась вокругъ насъ,
хозяйка спарая, но добрая, хлопотала,
угождая намъ, и помогая повару; въ
это время вспомнилъ я нѣкоторыхъ на-
шихъ путешественниковъ; сколько пищи
для *сентиментальнаго* сердца! сколько
воздуховъ *ароматическихъ*, *цѣлебныхъ* и
бальзамическихъ, какъ не выронишь слезу
изъ праваго глаза! Оставя прогашельныя
каршины, я вспунилъ въ разговоръ съ
козаками, и узналъ, что козаки сохра-
няютъ все посты; что въ постные дни
вина не пьютъ; что свято чтятъ своихъ
родителей, слѣпо повинуются приказані-
ямъ начальниковъ, вѣрны женамъ своимъ,
и передаютъ все, что знаютъ, своимъ дѣ-
тямъ. Молодые козаки, дѣши, наизустъ
знаютъ все походы опцевъ и дѣдовъ сво-
ихъ! Вошь прямо природное восписаніе,

получаемое отъ родителей своихъ, а не отъ прищельцевъ, коими съ давнихъ лѣтъ наводняется любезное наше опечесиво. Строгое повиновеніе наблюдается всегда и вездѣ, ибо начальники, бывъ прежде сами просрыми козаками, на опытъ дознали, какъ должно управлять подчиненными; добродѣтели души сіяетъ на лицахъ козацкихъ, и всѣ вообще умны, кропки, и привѣтливы; рассказы ихъ весьма пріятны; не лѣзя не любишь ихъ!

12-го Августа. Вчера прилегли, но пыма насѣкомыхъ не допустила сомкнуть глазъ; въ три часа, на самомъ разсвѣтѣ, уже были готовы къ отъѣзду; въ пятомъ выѣхали изъ Ивановской станицы. Упробило свѣжее. Насѣ сопровождали 150 козаковъ; первыя двѣнадцать верстъ мы проѣхали съ быспрошою молніею, меньше нежели въ полчаса, и 28 другихъ въ часъ, до Копыла, лежащаго при рѣчкѣ Прошокѣ. Здѣсь опасность заспавляетъ такъ скоро ѣздитъ. Тутъ на паромѣ живо переездили наши экипажи, и насѣ еще живѣе на лодкѣ; съ такою жъ скоростію доѣхали мы до Пешровскаго кордона на рѣчкѣ Калаусѣ — 25 верстъ; до Андреевскаго кордона на рѣчкѣ Куркѣ 25 верстъ; до Темрюка 25 верстъ, козаки перемѣнялись на

каждомъ кордонѣ. Дорога очень хороша; мосты гораздо лучше, чѣмъ внутри Россіи; камыши во всю почти дорогу, высокою и густоюю удивляютъ, имѣя три и болѣе сажени.

Черноморцы весьма ловки, молодцы, какъ и прочіе козаки, и офицеровъ имѣютъ опличныхъ. Темрюкъ спаница, заключаетъ въ себѣ девяносто домовъ, или мазанокъ, однако есть и хорошіе домики; церковь одна каменная изрядной Архипештуры; большаго богатства внутри нѣтъ, но вездѣ хорошо и чисто; здѣсь въ Темрюкъ мы остановились у Есаула: жена его въ пласточкѣ, масперски повязанномъ, въ козацкихъ сапожкахъ, весьма и даже *занимательно* мила; вездѣ мы испытывали угощеніе древнихъ Папріархальныхъ временъ, подчуютъ и упрашиваютъ взять въ дорогу хлѣба, вина, плодовъ; словомъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады; насильно даже кладутъ въ экипажи, и — *денегъ не берутъ!* Жарко, и немудрено — въхавъ съ шакою быспрошою, мы въ двѣнадцать часовъ времени, проѣхали 185 верстъ. Въ девятомъ часу вечера въѣхали въ Тамань; чрезъ крѣпость не хотѣли насъ пустишь; но, видя чешыре экипажа на мосту, кошорыхъ нельзя было поворотишь, доло-

жили Коменданшу Каламаръ, и онъ позволилъ. Мѣсяць уже, плѣняя — свѣпиль, мы оспановились на лучшей улицѣ въ пригоповленной кварширѣ козацкаго офицера. Насъ посѣвили любопытные и учпивые чиновники. Ужинъ и обѣдъ нашъ былъ въ одиннадцатомъ часу; послѣ чего принеся опъ души благодарность Богу за благополучное окончаніе пушешествія по Кавказской и Кубанской линіямъ, упомянные возлегли на сѣно, и предались сладкому сну. Нынѣ дорога вездѣ широкая, ибо Ермоловъ велѣлъ сжечь камышь по обѣимъ споронамъ, чшобъ шѣмъ безопаснѣе было для проѣзжающихъ. Въ камышахъ козаки поймали нѣсколько молодыхъ лебедей и намъ подарили; мы приказали чешырехъ жарить; ночью Таманскія собаки вошли въ печку и похипили наше жаркое, которое мы гоповились въ первый разъ въ жизни опвѣдать.

13-го Августа; едва мы проснулись, былъ у насъ Коменданшъ, Полковникъ Каламара, родомъ Грекъ; всѣ объ немъ хорошо опзываются; онъ давно служилъ; я поговорилъ съ нимъ по - Гречески. Полковникъ гарнизона Бобоѣдовъ, добрый спарикъ, а Есауль Маршынъ Степановичъ смышленный Городничій. Мы осмошрѣли

крѣпость, копорѣ при безсмертномъ Суворовѣ была въ лучшемъ видѣ, по словамъ здѣшнихъ жителей; шуть и шеперь находилса девяносто орудій. — Туть повѣрилъ свои часы по солнечнымъ. Всего лучше, во всемъ Таманѣ, супруга Коменданша Каламары, прекраснѣйшая изъ брюнетокъ, Гречанка съ огненно-шомными глазами, умна и мила, и говоритъ прекрасно по-Гречески! Заходили къ Бобоедову и Есаулу; потомъ пошли къ проливу Киммерійскому. Подъ нашими ногами разбивались пѣнистыя волны, несомыя проливнымъ вѣтромъ къ берегу; взорамъ нашимъ представлялись Ениколь и Керчь; мы должны оставаться, ибо часъ ошъ часу буря сильнѣе поднималась. Стоя на берегу волнующагося моря, думалъ я: шолько передъ спихіями гордость, сила и богатство смиряются. — Утромъ былъ порядочный дождь, послѣ двухъ мѣсяцевъ засухи. Жителей въ Таманѣ не болѣе двухъ сотъ, и весьма мало съвѣстныхъ припасовъ. Босфорскій проливъ съ берега прекрасенъ особенно при непогодѣ. Послѣ обѣда, по благосклонности Бобоедова, ѣздили мы на его дрожкахъ вершины при ошъ Тамана на гору, копорая 1818 года съ 15-го Августа до 15-го Сентября, при пламени и гус-

помь дымь выбрасывала грязь и каменя. Я собралъ нѣсколько камешковъ и окаменѣлой грязи разнаго цвѣща, для химическаго раздробленія, по прїѣздѣ въ С. Пешербургъ. По словамъ жителей, сіе явленіе случилось до восхода солнечнаго, съ ужаснымъ ударомъ; въ тоже почти время въ проливъ Киммерійскомъ и въ Азовскомъ морѣ слышны были удары, и два раза появлялись острова, по которымъ могли ходить люди, и смѣлые ходили; вскорѣ въпрямь снесены были, или волнами смыты — исчезли. Тушь на горахъ и подъ горами роспешъ множество илиошпроу, хопя оный и не шакъ высокъ, какъ у насъ въ горшкахъ, но благовоннѣ нашего. Мы ходили опяшь къ берегу: волны шумяшь и въпрѣ противный; тепло, воздухъ чистъ и здоровъ; въ ожиданіи благопріятнаго времени къ ошѣзду нашему, мы купались въ соленой водѣ, ужинали, разсуждали и сожалѣли, что многіе города не похожи на города.

14-го Августа. Рано вставъ, вышелъ подышать, Тмушараканскимъ воздухомъ насладишься; прошивъ нашего домика жидовской пищевой домъ, гдѣ во всю ночь шумѣли и не успокоились; они мѣшали и думаешь; однако много пробѣжало въ голо-

въ моей историческихъ испишь и басней; писалъ часа шри; въ одиннадцать часовъ осмаприваль церкви Покрова Пресв. Богоматери (*), гдѣ видѣль извѣспный камень, о копоромъ многіе писали и многіе на умшвованіяхъ основывали свои заключенія; но надо опдашь справедливосшь покойнымъ: Мишпрополишу Гавріилу, Болшину и Графу Алексью Ивановичу Мусину - Пушкину; сіи мужи соединенными силами вскрыли завѣсу, покрывающую Тмушараканское Княженіе, и всѣ переспали сомнѣвашься о мѣспѣ онаго; нѣсколькѣ лѣшь пому назадъ, любипшель древносши и знашпокъ опечеспивенной Испоріи Алексій Николаевичъ Оленинь, своими изысканіями еще болѣе удовлетшворяешь любопытшство о семь же Княженіи.

Не сполькѣ вѣсель бшвается избалованный ребенокъ, получа желаемыя игрушки, сколько я былъ радъ — увидя камень, копорый въ юносши моей, лѣшь шридцать пому назадъ, сильно занималь меня, когда ѱ

(*) Тотъ ли самый храмъ спощь и по нмѣ, копорый выспроенъ Мшиславомъ, послѣ побѣды надъ Касогскимъ Княземъ Редедю 1022 года, не могу ушвердитъ. Касоги не иные были, какъ вышшніе Черкесы; это не моя догада.

я, будучи еще военнымъ, писалъ рѣчь о Тмушараканѣ и Мспиславѣ Владимировичѣ, которую лучшей изъ кадепей бывшего Греческаго Корпуса, Скіеда, говорилъ, предъ всею знашью С. Пешербурга и предъ учеными людьми, и которая удостоена была благосклоннаго вниманія и одобренія. Подошедъ къ сему камню, я обнималъ оный какъ спараго, но невидѣннаго мною знакома. Оный не болѣе пяти пяденей моихъ, гдѣ чипашь надпись: „въ лѣпо 6576 (1065), индикша 6, Глѣбъ Князь, мѣрилъ море по лѣду, оипъ Тмушаракани до Керчи 30,054 сажени. Другая половина сего камня шестъ съ лишкомъ моихъ пяденей, полщина болѣе пядени. Надъ симъ камнемъ лежишь нынѣ другой камень съ надписью Греческою; но я не могъ болѣе разобрать какъ слово *воспоръ*. Съ обѣихъ сторонъ въ барельефѣ изображены фигуры человѣческія въ шуникахъ, въ три чешверши аршина высоты, съ подняшыми руками, держащими вѣнки. Свяшосшь ли изображаешъ сей камень, или просто надгробіе надъ какимъ нибудь воинномъ? Не знаю. Пущь Ученые о семъ рассуждають и пишущь. Довольный своимъ упромъ, обѣдалъ хорошо, и чшобъ избавишься жару, заснулъ. Въ пятомъ часу посѣпиль насъ Ашаманъ

Машвѣевъ и по видимому недовольный своею судьбою, что долженъ одинъ жить въ Екашеринодарѣ, а жена живетъ съ пястью дочерьми и двумя сынами въ Тамань. Жаль мнѣ шарика! Черезъ часъ пошли мы къ нему, не заспали дома, только съ двумя дочерьми кланялись; въ это время Генераль Н. Н. Раевскій былъ у насъ; мы, взявъ дрожки, повхали въ крѣпость Фанаторію, (шакъ называется крѣпость Таманская) и привѣтствовали приѣзжаго почтеннаго Генерала, пили чай съ его дочерьми и Англичанкою, доброю Машень. Туть всѣ военные были, и всѣ препорядочные люди. Выѣхавъ изъ крѣпости, въ виду Керчи и Эникаля мы купались. Соленая вода здорова и шепла, но прошивна если въ ротъ попадешь. Почти 5,000 вершъ отъ С. Петербурга по сдѣланнымъ нами кругамъ. Въ 10 часовъ Кикимора, Славянскій богъ сна, покрылъ насъ своимъ крыломъ.

15-го Августа, Успеніе Богоматери; не удалось бытъ у обѣдни, ибо въ 8 часовъ утра погода спихла, и мы перебрались съ экипажами на канонерскую лодку, по здѣшнему Лансонъ, одно мачшовое судно; въ девять часовъ, снявшись съ якоря и поднявъ парусы, при самомалѣйшемъ

въпрѣ, пустились по страшной жидкости. Мнѣ два раза было дурно, хотя я и служилъ въ юныхъ лѣпахъ въ Балшійскомъ флотѣ; кусокъ хлѣба съ солью облегчилъ боль въ желудкѣ; писалъ на палубѣ; въпру попушнаго не было, и несносный шпиль досаждалъ. Съ нами переѣзжалъ одинъ Грекъ Плакидасъ, торгующій виномъ, человекъ умный и благочеспивый. Еще въ Таманѣ пронули меня слова Апамана Черноморіи Машвѣва; прощаясь, упирая слезы, онъ сказалъ: „не забудьте добрымъ словомъ;“ здѣсь на лансонѣ, вспомнилъ я оныя, и долго думалъ о немъ.

Въ девять часовъ упра оставили за собою *Азію*, а въ пять по полудни бросили якорь въ *Европѣ* — у Керчи. Сей путь, при благопріятномъ вѣтрѣ, совершающъ въ два часа съ половиною, а мы ѣхали 8. Насъ привѣтствовали морскіе офицеры, но мнѣ и шоварницѣ моему болѣе всѣхъ понравился Капишанъ — Лейшенантъ Пашиніюши, Грекъ, начальникъ флотиліи, съдовласый сорока-лѣтній молодець; умѣнь, скромень и всѣми любимъ; съ брашомъ его я воспитывался въ бывшемъ Греческомъ Корпусѣ; а потому и съ нимъ вступилъ въ опкровенный разговоръ, на Греческомъ языкѣ. Пашиніюши водилъ насъ въ дре-

внѣшнюю Греческую церковь, которая воздвигнута, по многимъ замѣчаніямъ, болѣе 1,500 лѣтъ тому назадъ; четыре колонны изъ Паросскаго мрамора поддерживаютъ куполь и всю церковь, легкой и пріятной Архитектуры. Присройка недавно сдѣланная для помѣщенія большаго числа христіанъ, также весьма красива. Здѣсь видѣлъ Евангеліе и Апостоль, писанныя по-Гречески на пергаментѣ, чешко и чисто, не менѣе 500 лѣтъ тому назадъ. Мы всходили на гору и видѣли то мѣсто, гдѣ, какъ говорятъ, Мишридашъ, Понсійскій Государь сиживалъ. Я сѣлъ на сія большія кресла, красиво изсѣченныя изъ дикаго камня въ скалѣ и окинулъ взоромъ вокругъ себя. Прелестная и величественная картина! Но какой ученый и преученый увѣришь меня, что это былъ почто зпронъ Мишридаша? Чѣмъ докажешь, что сей Царь, на чистомъ воздухѣ возсѣдая подь облаками, давалъ расправу, и гофовилъ на брань? — Однако и мнѣ кажешся, что по горамъ существовала спѣна, сдѣланная отъ набѣговъ хищныхъ народовъ. Но — полно; кажешся, я не за свое берусь; есть схоластики, имъ предоспавлено пишеть диссертаціи, или подробныя изысканія. — Были у Н. Н. Раевского, ко-

порый послѣ насъ пріѣхаль: въ безпокойствіи почтенный; сынъ меньшей очень боленъ; жаль молодца! Въ 8 часовъ у Эмануила Теофиловича Кордію, у коего при-спали; богашый человекъ и деньгами и дѣшми: семь дочерей и пять сыновей — всѣ живы; я ихъ не видѣль, къ празднику поѣхали въ Ениколь. Въ Керчи счищается около четырехъ тысячъ жителей обоюга пола; Греческій языкъ вездѣ слышенъ; я говорилъ со многими Гречанками: они весьма пріятливы и хороши собою. По древнему обычаю, сидятъ поджавши ноги, передъ своими домиками, на коврикахъ; въ будніе дни въ трудахъ; сего дня, въ праздникъ, проводятъ въ разговорахъ. Какая разница бытъ Грекомъ подъ законами Россіи и — Турціи!

16-го Августа, упрямъ, приглашенные Папиніоніемъ, смотрѣли, какъ починаютъ на водѣ шрехъ - мачшовое огромное транспортное военное судно, поворачивая съ боку на бокъ, шакъ что киль виденъ; спрашно! и шѣмъ болѣе спрашнѣ, что оный моютъ швабрами пылающими, попомъ конопаша и дегшемъ мажутъ; все сіе производится со скоростью, смѣлостью и ловкостью. Въ 10 часовъ возблагодаря всѣхъ за учивость ихъ, и бо-

лѣ Папиніюши, простясь съ хозяиномъ и со многими Греками, повѣхали въ Кефу или Θεодосію, куда пріѣхали въ 8 часовъ по полудни, и приспали въ Греческомъ шракширѣ — пречистомъ; дорога хороша, мѣстоположеніе — зеленая степь; весною справа прекрасная, и шеперь на деревьяхъ вшорые листьа. Обѣдали и ужинали въ десяшь часовъ вечера, и улеглись.

17-го Августа, мы шолько чшо хопѣли выпши, явился Коменданшъ, меньшей Сиріюши, израненый Майоръ, бывшій кадешомъ въ Греческомъ Корпусъ — съ нѣкопшорыми свѣдѣніями и оспрѣ; онъ повель насъ осмошрѣшь караншинъ: оплично чисшъ и хорошъ! много спѣнь древнихъ, и новое спроеніе прекрасно. 25 Іюля нынѣшняго года, скопвшаяся на горахъ опъ дождей вода, шакъ бышпро пощекла чрезъ караншинъ, чшо въ спѣнахъ Генуэзскихъ прорвалась, и наводнила караншинъ выше двухъ аршинъ; много поврежденнаго, и прехъ человѣкъ спящихъ снасла вода въ Черное море; на другой день нашли ихъ бездыханными; помощникъ Инспекшора караншина, Гирсъ, благороднаго обращенія, и прочіе чиновники учшвыи и порядочны. Ходили по булевару безъ деревьевъ, по берегу Чернаго моря; на семь

мѣспѣ, говорили мнѣ, были древнія спѣны; начальникъ бывшій въ Кефѣ, Г. Ф. сломаль, и сдѣлалъ гулянье, по копорому гладко ходишь, но шакъ жарко, что ни кого не вспрѣшишь; когда посадишь деревья, чтобы шѣнь была, тогда будешь хорошо. Жипелей счищается болѣе чешырехъ тысячъ. Жаръ сего дня былъ нестерпимъ, и пошому мы бросились въ Черное море и — нѣсколько прохладились; думали объѣдаться дома, но — по сильнымъ убѣжденіямъ, согласились раздѣлать пранезу новаго Градоначальника Г. П — го, который при раза пріѣзжалъ къ намъ; — послѣ объѣда, на шлюбкѣ Градоначальника ѣздили къ Броневскому, бывшему Градоначальнику здѣсь. Онъ живетъ какъ пустынный, и — руками своими воздѣлывая садъ свой — кормится; отличный человекъ! я его давно знаю: преисполненный познаній, и великій знапокъ на многихъ языкахъ писать; нынѣ нашель его огорченнымъ; не вѣдаю причины; но жаль человека съ дарованіями, съ обширными свѣдѣніями по всѣмъ часпямъ. Садъ его, имъ разведенный, имѣеть болѣе десяти тысячъ фруктовыхъ деревьевъ; миндалю продаетъ пудовъ двадцать, и вошь *погтеннаго* доходъ; въ саду, можно сказашъ, много есть милаго,

еемо и овамо, въ пріятномъ безпорядкѣ: по ошпашки колоннъ Паросскаго мрамора, по камни съ надписями, — памятникъ, воздвигнушій племянницѣ его, храмики, горки и проч. У Броневскаго заспали Н. Н. Раевскаго съ дочерьюми и съ больнымъ сыномъ. Распроспясь съ философомъ-хозяиномъ, поѣхали къ П — му; — купались, чинали газешы, писали, ужинали, и проспидились; дома у себя приготоувились къ завпрашнему опѣвду.

18-Августа. Вчера убѣдили меня ѣхать верхомъ по южному берегу Крыма, и я было согласился, хопя опѣ жаровъ не шакъ - по здоровъ; долженъ признашья, что для меня жестокой морозъ пріятнѣе, нежели зной; опѣ холоду можно избавишья, а опѣ жару некуда дѣвашья, и позыву къ ѣдѣ нѣшъ, сонъ бѣжипъ, человекъ весь не свой; а зимою каждый скоръ, румянь, молодъ, бодръ! — Въ семь часовъ утра выѣхали изъ Феодосіи съ даннымъ намъ провожатымъ, Тапариномъ; располагаясь до Судака въ коляскѣ, а шакъ зерьхомъ. Прѣхавъ 24 версшы до Кринички, я взглянулъ на маршрутъ, началъ счишашъ версшы, и — сочшя, что 300 версшъ должно ѣхашъ верхомъ и по 50 версшъ въ сушки, съ признапельноспію нашель себя не въ

соспояніи исполнишь сію шрудную для
 меня дорогу: я *сытъ и Кавказскою ляннею!*
 Пусшь называюшь меня шрусомъ; нѣшь,
 — эшо не шрусосшь, а даже, если смѣю ска-
 зашь — доспоянштво: ибо *когда бы людм*
брались за шо шолько, чшо могушь вы-
 полнишь, гораздо бы все лучше шло въ
 мірѣ: анъ посмошришь большая часшь не
 по смѣ шягосшь несець, вопшь и бѣда;
 не хорошо, *когда человекъ мѣтаетъ бо-*
лье о себѣ, нежели онъ есть. Мало ли мы
 чипали, чипаемъ, видѣли, и видимъ, чшо
самонадеянность часшо и очень часшо ко
 вреду служила и *хвастуну и блжнимъ!*
 Могъ бы множесшво примѣровъ предспа-
 вишь, но — боясь упомишь чипашелей, кои
 удоспояшь своимъ вниманіемъ мои пуше-
 выя записки, молчу. И такъ доѣхавъ въ
 несносный жаръ по горисшой дорогѣ до
 Шахъ-Мурзы, (имѣніе принадлежашее Год-
 левскому), раздѣлились; шоварищъ мой по-
 ѣхаль верхомъ на Судакъ, а я въ Бурун-
 дукъ; прощаніе было слезное, мнѣ душев-
 но горько! — Въ восемь часовъ вечера доѣхавъ
 до Бурундука, ночеваль у ямщика Ивана
 Максимова, одинъ одицешенекъ; два чело-
 вѣка бывшіе сомною и больны и хмѣльны;
 не на кого надѣяшься; хозяйка съ двумя до-
 черьми, видя мое положеніе, упростили пре-

дашься покойному сну, и что онъ будущъ караулишь при экипажа; упомненіе за-спавило приняшь съ благодарностью пред-ложеніе; вокругъ избы пусто и безлюдно, вдали почповый худой дворъ, вдали же изъ шестипи человекъ казачій карауль; луна взглядывала въ малое окно, а въ другое смошрѣли на меня по воль, по коро-ва; дума занимала голову мою, началъ забывашься, какъ вдругъ вбѣгнешъ какой-то молодець съ обнаженною шпагою, гро-зно крича: гдѣ хозяинъ? Я проснулся, и опкуда взялась смѣлосць? кричу грознѣе: *вонъ!* — Въ это время собачка Англійская, бывшая со мною, бросилась съ лаемъ на дерзкаго, и онъ — какъ привидѣніе — исчезъ; не знаю — кого испугался, меня или собаки?

19-го Августа. Въ пятомъ часу ушра, былъ уже готовъ къ ошѣзду; хозяйка съ дочерьми не хопѣла взять плашы; но — по просьбѣ моей, для памяти, рѣшились бездѣлицу оставишь у себя: наспояція хри-стіанки! Дорога къ Симферополю или Ах-мечешу, большею частію гориста, и не всегда хороша; мосты всѣ хороши; мѣспо-положеніе красиво, лѣсу много, и на деревь-яхъ новые листья. Въ десяти часовъ ушра проѣхалъ *Карасубазаръ*, и — не выходя изъ коляски, распросилъ почшаря, опрашнаго

жида; онъ говорилъ: что лавокъ болѣе Эю, что одна каменная Греческая церковь, одна Грекороссійская, одна Каполическая, одна Армянская, множество мечешей, и нѣсколько синагогъ, что жишелей около 15-ти тысячъ; за вѣрность не ручаюсь. При вѣздѣ въ Карасубазаръ плѣняющъ взоры, прямые, высокіе, горделивые пополи и фруктовые деревья; сколько могъ замѣшшь, одни Русскіе дома, окнами на узкія улицы, а прочіе дома всѣ обращены окнами на дворъ; скучно видѣшь, Гостинный дворъ обведенъ высокою стѣною; вороша запирающа по закашъ солнца, и шоргъ оканчивается.

Изъ *Эюской* станціи, послалъ передоваго къ Таврическому Губернатору Александру Николаевичу Баранову, прося его, чтобы приказалъ опвеспи мнѣ квартиру: какъ человекъ, коропко съ нимъ знакомому по С. Пешербургу. За передовымъ черезъ часъ поѣхалъ и самъ; почти въ при часа вѣхалъ въ Симферополь, и — прямо къ Губернатору, который на крыльцѣ встрѣшилъ меня, какъ друга, какъ любезнаго брата; слезы препешали у обоихъ на глазахъ; душа его благородная, выказалась въ сіе время во всей красѣ своей; разумѣется, что бывшіе у него

госпи подражали своему хозяину, и мнѣ было такъ весело, что нѣшь словъ пере-скажашь; давно сказано: *кто гувствуетъ много, тотъ мало говоритъ*. — Обѣдъ и хорошь и приправленъ дружескою бесѣдою. Послѣ обѣда явился Докшоръ, и занялся хмѣльными еще людьми, со мною прѣхавшими; самое лучшее лекаршво, что и всѣ придумали — опшравишь въ больницу, до ошѣзда нашего изъ Симферополя.

Любезный Губернашоръ приготоовилъ для меня при комнашы, назнача и прислу-гу. До 12 часовъ мы сидѣли, и я съ удо-вольшпвемъ внималъ о предпріятіяхъ на-чашыхъ, хопя молодымъ, но преисполнен-нымъ дарованій Губернашоромъ; все, что Александръ Николаевичъ предполагалъ со-вершишь въ Таврической губерніи, кло-нилось ко благу общему. Дай Богъ поль-ко ему сполько силъ и швердоспи, чтообъ кончишь многотрудныя свои желанія. Ужинъ прекрашилъ нашъ разговоръ, мы разошлись, и я посшавляю долгомъ ска-зашь, что весело бышь хопя бѣднымъ, но чеспнымъ челоукомъ: вездѣ находишь дружбу, всюду встрѣчаешь любовь и до-вольшво, шогда, когда *гордецъ богатый и несправедливо нажившій сокровища, пре-зираемъ, и ни кшо не хочешъ не шокмо*

угодить, но даже вспрѣчьаться съ сими людьми.

20-Августа. Въ шестомъ часу упря проснувшись, и возблагодаря Бога за милоспи, спаль чипать иноспранныя газетсы; удивленіе мое усугубилось, — чипая о Неаполиспанскомъ переворотѣ, и о процессѣ Англійской Королевы; свидѣлся съ хозяиномъ, который совѣшоваль мнѣ — посмопрѣшь базарь: только въ пяшницу каждую недѣлю, со всѣхъ окреспностей, прівзжають порговцы; каждый, чѣмъ богашь, шѣ и предлагаешь на продажу. Чрезвычайно жарко, даже душно! не смопря, что восемь часовъ упра; однако я пошелъ: взоры не плѣняются базаромъ; весьма нечиспо! шолько и слышишь Ташарской языкь! Фрукшовъ множество и разнаго незначущаго шовару. Заходилъ къ Князю Балапуку, бывшему моему кадешу, подыменемъ Кая-Бею: нынѣ Генераль-Маіоръ; не заспаль дома; къ женѣ не заходилъ, ибо не водипся у Магомешанъ; написалъ записку къ нему, прося переслать въ его деревню. — Городъ Симферополь — чиспенькій, но неправильно выспроенъ; большею часпію каменныя штроенія, церквей христіанскихъ мало, мечетей за шо много; соборная церковь Св. Александра Невскаго,

на шомъ мѣстѣ, гдѣ великій Суворовъ редушъ выспроилъ при покореніи сего города, не кончена; но сумма опущена, и честный Тубернапоръ Барановъ уже съ душевнымъ удовольствіемъ спремился все то совершить, что его предмѣстниками начато. Онъ конечно оставитъ свое имя въ семъ необразованномъ краю, и губернія процвѣтаетъ. Въ два часа съли объѣздъ; и бесѣда пріятная; Александра Николаевича Секретарь, Фабръ, съ просвѣщеніемъ и кротостію молодой челоувѣкъ, своими заключеніями о многихъ предметахъ обратилъ мое вниманіе, какъ и Офрейнъ — опсставный Шпабъ-Офидеръ, помѣщикъ въ семъ краю, почно съ правилами и благороднаго духа челоувѣкъ; Виллисъ, Англичанинъ, нашъ подданный, съ образованіемъ, при наружности привлекательной. Въ шесть часовъ Барановъ представилъ меня дивизионному Генералу Удому; и онъ, жена и дѣти весьма учтивы и любезны. Отсюда пошли къ Офрейну; шуть часа два провель; какъ будто съ родными, всѣ приняли мяъ по сердцу. Хозяйка Екашерина Осиповна, не смошря, что Французенка, съ большимъ образованіемъ, съ умомъ любезнымъ и обращенія самага пріятнаго; мужъ ея — просвѣщенный съ кротостію че-

ловѣкъ; старшая шестнадцатилѣтняя дочь Леонисъ, при привлекательной наружности преисполнена дарованій и познаній; меньшая Земида шеперь оспрошюю обращаетъ вниманіе: года чрезъ три, воспитанная родителями, будешь украшеніемъ Крыма, по крайней мѣрѣ я шакъ думаю и напередъ радуюсь. Тутъ же была гостыя, госпожа Лангъ, супруга Докшора, дѣшь за двадцать, прекрасная женщина, съ крошосію, и у насъ въ Пешербургѣ ошановила бы каждого, и нѣжный полъ, разумѣшся *независтливый*, ошдалъ бы ей справедливосшь: и спанъ и взглядъ, и все мило въ ней; мужъ ея, пріѣхавшій послѣ, челоѣкъ шепенный и молчаливый. Въ семь общесшвѣ казалосъ мнѣ, чшо я дома, со всѣми родными или коронко знакомыми; опкровенносшь переходила изъ усш въ усша, и бесѣда сшановилась живѣе и любезнѣе, не взирая; чшо много говорено и объ ученосши; се признакъ истинной образованносши, безъ педаншсшва или напшжкн нынѣшняго просвѣщенія. Насышвшисъ разговорами, лестными для меня ошзываами, раскланялся и пошелъ съ любезнымъ Губернашоромъ къ нему, гдѣ ошждалъ насъ Аѣинскій ужинъ, — не Арисшппа, а Сокрапшческій, послѣ кошораго каждый занялъ

свои комнаты; я помолился Богу, и заснул крепким сномъ.

21-го Августа. Въ шесть часовъ упражнялся уже газетны и писалъ; нѣсколько Гречанокъ присылали просить къ себѣ, общалъ завтра бытъ. Въ 12 часовъ съ Губернаторомъ и Офрейномъ ѣздилъ вдоль по Салгиру десять верстъ къ Ш..... К.... П....: очень привѣплива и довольна была — увидя меня; дѣпи ея миленькія. Мѣстоположеніе помѣстья не такъ-то очаровательно, какъ мнѣ рассказывали; есть горы, да гдѣ ихъ въ Крыму нѣтъ! Обѣдъ хорошъ, приправленный любезностію хозяйки. Салгиръ (рѣка), прославленная плаксивыми путешественниками, романтическими писателями, Салгиръ въ сіе время ручей, менѣе ручья, ибо и ушки ходять поперегъ онаго, а плавать не могутъ; говорятъ, что при дождяхъ, съ горъ лиющая вода наполняетъ сію рѣку, и тогда Салгиръ до полушора аршина подымается, и будто сердитъ, и ѣзда въ экипажахъ прекращается. Въ семь часовъ были въ Симферополь; пошли было къ прекрасной Лангъ; не заспавъ дома, провели вечеръ въ пріянныхъ разговорахъ у Офрейна. Сего дня замѣнилъ, что и здѣсь есть *педанты*, и дуящая какъ Индѣй-

скіе пѣшухи, и я принужденъ былъ употребить Апшическую соль; смѣху было довольно; въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ безразсуднѣе, какъ предсавлять наружноспію своею и ученаго и глубокомысленнаго, не имѣя ни шого ни другаго! Худо спадъ, любезный шовариць мой предсавлялся во снѣ — и больнымъ, и желшымъ, и худымъ.

22-го Августа. Въ Симферополь, — Воскресный день, былъ у обѣдни; церковь бѣдна; жалко, что пѣвчіе обыкновеннаго напѣва не сохраняютъ, а пускаются пѣть сочиненія Боршнянскаго; и во всѣхъ случаехъ люди бывають смѣшны, когда — родясь лягушками, хопятъ бышь волами; прихожане довольно чинно спѣли, исключая одного сѣдовласаго, и еще со звѣздою; мнѣ больно было и за него и за пѣхъ, коимъ онъ нѣшалъ молишься. Послѣ обѣдни зашелъ къ одной Гречанкѣ, копорая встрѣшила меня со слезами, рассказывала свое дѣло: я обѣщала просить Губернатора; добрый и справедливый Александръ Николаевичъ, въ угожденіе мнѣ, обѣщала еще разъ выслушашъ несправедливое дѣло; выслушала и отказала. Меня однако благодарали. Смѣшны люди! Ѣздила черезъ Сагирь къ Мильгаузену, ошачному чело-

вѣку, превосходному Докшору и крошкочному опцу семейсва; Санкшпешербургъ опъѣздомъ его лишился знаменишаго медика, по многимъ опношеніямъ, — а бѣдные одного изъ благодѣшелей. Мильгаузенъ навсегда здѣсь поселился, выпраиваетъ домъ, разсаживаетъ садъ, лечитъ безъ денегъ, и успѣлъ въ короткое время приобрести любовь и почтеніе всѣхъ. — Заѣзжалъ къ Кузовлеву, женатому на Каховской, коихъ дочь почно образована, и въ краю, гдѣ еще мало учители, образуетъ во многихъ часняхъ своихъ сестрицъ; похвально родителямъ, давшимъ такое воспитаніе, а не поверхностное, какъ мы видимъ: болтаешь, — болтаютъ многія на многихъ языкахъ, а просвѣщенія не бывало! За обѣдомъ была одна фигура, видъ человѣческой, а многословіе доказало, что чуждъ и просвѣщенія и доброты сердца. Въ седьмомъ часу по полудни, видимъ изъ балкона, чепырехъ верховыхъ лошадей и двѣ вьючныя, у меня сердце забилось; но когда сей коршежъ приблизился, и я узналъ своего товарища, блѣднаго, желшнаго, одержимаго лихорадкою, невольно слезы покашились; мудрено безъ привычки въ несносной жаръ, бытъ все верхомъ и по горамъ; пригласили Докшора Мильгау-

зена, кошормй. опасности не нашедъ, однако прописавъ лекарство, ведѣль лечь въ постель, и чшобъ больнаго оставишь въ пишинѣ. Видя присущствіе мое ненужнымъ, и когда Губернашоръ занялся бумагами о улучшеніи ввѣренной ему губерніи, я — будучи приглашень, повѣхаль чрезъ *глубоко - донный* Салгирь, къ Кузовлеву, гдѣ часъ любовался танцами дввиць Крымскихъ: не хуже лучшихъ благородныхъ шанцорокъ С. Пешербурга, нервыхъ обществъ! Къ несчастію моему, всѣ почти хорошо говорятъ по - Французски; куда эша зараза не проникла! Почему не знашь иноземные языки, но — до шого доходишь, чшобъ ошказывашъ хорошимъ женихамъ для шого шолько, чшо не говоряшь по - Французски, сшядно и грѣшно! — А эшо случалось и не одинъ разъ въ шшодицахъ. Съ восьми часовъ вечера до полуночи сидѣль шо у Губернашора, шо у больнаго нашего; между шѣмъ Александръ Николаевичъ чшпалъ мнѣ свои обдуманые планы, цѣлью имѣющіе благоденствіе Тавриды; ошрадно родишелямъ имѣшь шакого сына, и весело спранѣ имѣшь подобныхъ согражданъ, посвящающихъ юныя лѣта свои для счасшія ближнихъ.

23 Августа. Симферополь. — Товарищу моему нѣсколько лучше; это меня радуешь, тѣмъ болѣе, что на чужбинѣ нашелся лучший Докторъ, и что попеченіе Баранова о больномъ, о мнѣ и нашихъ прислужникахъ, золотого вѣка; гостепріимство не хвастливое, не гремящее, а прямо опъ души. Посидѣвъ нѣсколько разъ у больного, и насытивъ обѣдомъ и чтеніемъ до Тавриды касающимся, — въ седьмомъ часу пошли къ Ношаръ; онъ молодой Гусаръ, скромный и любезный; Елисавета Ивановна, супруга его, 17-ти лѣшня, лѣпообразная, мать уже; хопя мало было словъ однако видна остроша, и въ привлекапельныхъ глазахъ живость съ помноспію; — ее вообще Симферопольскія дамы называютъ живою душенькою Богдановича. Опкланявшись, Губернаторъ предспавиль меня къ Елис. Яковл. Шоспакъ, урожденной Рудзевичевой, которую болѣе 25 лѣтъ не видѣль, и мы какъ знакомые; но чрезъ полчаса вспомнили юность нашу; у ней много дѣпей, и старшая дочь Александра Андреевна, прекрасная дѣвица, и сполько скромна, сколько благовоспитанная должна бытъ. Здѣсь бывши, вспомнилъ сестру Шоспакъ, Екашерину Яковлевну Ладыгину, ангела — а не женщину; но она давно пе-

реселилась, шуда, гдѣ — по достоинствамъ своимъ душевнымъ, ликуешь съ Несозданнымъ. Вечеръ провелъ въ чщеніи.

24 Августа. Симферополь. Не смотря на жары, я пользуюсь совершеннымъ здоровьемъ, за что несуся опъ души мольбы къ Всевышнему. Товарищу моему легче. Почти часа чепыре, Губернаторъ чпшалъ мнѣ предположенія свои, какимъ образомъ привеши въ порядокъ Магометанскую вѣру во вѣренной ему губерніи, и о выморочномъ ихъ, имѣніи: благоразумно написано, и я благодарилъ за довѣренность, шѣмъ болѣе, что онъ принималъ замѣчанія мои, съ благородствомъ душевнымъ. Послѣ обѣда ходилъ по городу, сучка и поска сопуществовали мнѣ; гдѣ, гдѣ встрѣпишь мушину, а женщины съ покрывалами. Улицы большею частію шакъ узки, что двѣ шельги разѣхашься не могушь, и окнами на дворъ. Заходилъ къ прекрасной Д. и внушилъ довѣренность къ себѣ; она пѣла очень мило, съ застѣнчивостію, украшающею нѣжной полъ. Часа два сидѣлъ у Оф — ь, гдѣ бесѣда пріятна, и гдѣ Леонисъ пѣла хорошо, сопровождая свой голосъ гитарою. Зенеида, сестра ея, своими умными вопросами о Пешербургѣ, своими оспрыми опвѣтами о Крымѣ, занима-

да также меня. У прекрасной Л — ь при малолѣтнія дочери, будущь со временемъ украшашь Тавриду, — бабушка ихъ, изъ Малороссіи, умна, не дурна и кропкая. Посидѣвъ съ больнымъ шоварищемъ, удаллся къ себѣ за полночь.

25 Августа. Симферополь. Упро проведъ въ чтеніи иностранныхъ газетъ; духъ времени мнѣ не нравился и беспокоишь меня, воспитаннаго въ правилахъ должныхъ; беспокойство сіе побочное увеличилось, когда вошелъ къ любезному моему поваричу, нашель его въ объятіяхъ разлившейся у него желчи и въ сильной лихорадкѣ. Въ сіе время прислала мнѣ Г. Лангъ двадцать лимоновъ; знаишь, что и здѣсь не изобиліе въ оныхъ, ибо у нее одной и было въ семь мѣсяцъ; Губернашоръ же послалъ въ Севастополь; чрезъ два дни привезушь; я письменно благодариль; больному нужны были, и сей подарокъ доказалъ, что приславшая, къ наружной красотѣ присоединяешь красоту душевную.

Оставя больного на рукахъ Баранова и Мильгаузена, по совѣшу перваго поѣхалъ на его прекрасивомъ экипажѣ къ тѣмъ дамамъ, кои съ пріятною любезностію принимали меня по вечерамъ. Всѣхъ нашель въ занятіяхъ: или ошцы учили дѣшей сво-

ихъ, или маперн, или старшія сестрица меньшихъ; не шакъ какъ бoльшею частію у насъ — въ С, Пешербургъ и Москвѣ. — Наспало ушро, и мапушки съ тономъ вплошь до обѣда изъ магазина въ магазинъ, опъ модницы къ модницѣ, или пуспые ни къ чему неведуціе визиты занимающъ ихъ, а дѣши подъ руководствомъ наемниковъ и наемницъ, разумѣется иностранцовъ и иностранокъ, приучаются меньше всего, знашь свое опечесство. За обѣдомъ у Губернашора былъ Броневскій, человекъ съ обширными свѣденіями, и масперски излагающій мысли свои. Послѣ обѣда заходилъ къ почтенному Мильгаузену: онъ училъ дочь свою; я, чшобъ не опвлечъ его опъ лучшаго занятія, скоро опкланялся, и пошелъ ка дивизионному Генералу Удому, и онъ и жена его люди учшивые, хорошіе; дочери премиленькія. Вечерь наспаль, и я рѣшился въ первой разъ бышь въ Турецкой банѣ. Для всякаго случая взявъ человекъ съ собою, велѣлъ ему мышься, какъ ему угодно, а самъ опдался въ руки Ташарину. Баня не что иное, какъ чешвероугольное каменное спроеіе, освѣщенное сверху, по шремъ споронамъ каменныя лавки, вдѣланныя къ полу; въ одной споронѣ краны, изъ кошорыхъ по

желанію испекаеть горячая и холодная вода; полъ каменный, посреди коего каменное возвышеніе не болѣе поларшина, въ длину сажень, шириною не много менѣе; баня попишся съ низу, а попому полъ горячъ, и входящъ въ деревянныхъ башмакахъ, кои имѣють особенное названіе. У насъ паръ сверху внизъ спускается; здѣсь — съ низу вверхъ, и чшобъ нагрѣшь баню, обливають или брызжутъ полъ. Вошедшему мнѣ, банщикъ съ уклонкою головы просилъ прежде по-Турецки, а попомъ по-Гречески, лечь на возвышеніе, сдѣланное въ срединѣ, подложилъ подъ голову мою свернутое полотенце, и принялся за работу: сухими своими руками шеръ все тѣло мое довольно крѣпко, но съ искусствомъ, не больно; каждый сущавъ вышягиваль, направляль, переворачиваль меня какъ дишя; я молчалъ, а сидящій мой служилель удивлялся моему шерпѣнію, и ни какъ бы не дался на шакое, какъ казалось ему, мученіе. Треніе продолжалось по крайней мѣрѣ полчаса. Послѣ чего просилъ лежать, а самъ обрызгиваль полъ, паръ обнималь меня; погода не много, онъ взялъ сухой шерспляной, довольно жесткой мѣшечекъ, надѣль на руку, и ну шереть меня; кончилось

сіе; шущь вздѣль на руку другой мягкой мѣшечекъ, снупри наполненный ароматическимъ мыломъ, и началъ оняшь водить по шѣлу моему; потомъ просилъ вспашь и сѣспь на каменную лавку, и принялся за годову: ужь онъ ее мыль, мыль, ни какъ не слушаля словъ моихъ: довольно, довольно! — Наконецъ спалъ обливашь по пендою, по холодною водою, и — выпустилъ. Два часа и болѣе продолжалось пребываніе мое въ банѣ, и я съ чувствительною благодарностью долженъ признашья, что сія баня сколько же полезна, сколько и наша Русская; ибо человекъ выходитъ молодець молодцомъ; что же производяшь заморскія ванны? Слабость и дряхлость! Послѣ Русской и Турецкой бани, особенно послѣ первой, куда хочешь поди, и въ жарѣ и въ прескучіе морозы, а послѣ ванны ложись въ постель! Что лучше? Любители иноземнаго, не сердитесь: — а! вы молчите — на правду словъ мало. Такъ какъ баня близко отъ дому Оч — ь, то я приглашенный пиль у нихъ чай, — и довольный ворошился домой, гдѣ посидѣвъ у больного, съ Александромъ Николаевичемъ, занялся чтеніемъ, и время быстро и пріятно протекло.

26 - го Августа. Симферополь. Едва проснулся, вспомнилъ, что восемь лѣтъ минуло Бородинскому дѣлу, гдѣ всколебалась вражья Галловъ рапъ и съ ними двадцать лѣтъ. Вспомнивъ же сію кровопролитную битву, какъ забылъ вчерашаго Ки: Пожарскаго, Князя Смоленскаго, М. Л. Голъ Кушурова; вѣки протекутъ; но во всѣхъ концахъ вселенныя сіи мужи великіе будутъ живы. Больному товарищу моему не много лучше, однако насилу могъ написать письмо къ родившей его, и я благодарилъ припискою, за хорошіе опшывы обо мнѣ. Въ четвертомъ часу больному спало очень дурно, все въ какомъ - то усыпленіи, глаза мушныя, шо открышы, шо закрышы, ни единого слова, и слезы кашапся. Видя любезнаго друга спраданія, я и Барановъ спрадали, одинъ Мильгаузенъ молчалъ, надежды не теряя на выздоровленіе. Эшошь день посвященъ былъ дружбѣ и слезамъ. Молишвы чистыя возсылаемы были ко Всевышнему о выздоровленіи молодого, хорошаго человека.

27 - го Августа. Симферополь. Товарищу моему со вчерашняго дня часъ опъ часу хуже; восемь дней ни зерна во ршу, кромѣ лекаршва. Душа моя очень больна,

и чтобы не впасть и янѣ въ болѣзнь, велѣли гудянь; — я пошелъ на базаръ, ни единого прилпмаго предмета не встрѣпилось взорамъ моимъ; заходянъ къ милымъ, и всѣхъ засталъ въ полезныхъ занятіяхъ; нѣкоторыя мои замѣчанія на счетъ чпенія принимаются съ благодарностию, и вмѣстѣ со мною, ипокрита, Жанъ - Жака Руесса и дерзкаго Вольшера, здѣсь не уважающъ: это доказываетъ чиспошу душевную. Опадаваемая миѣ ободрительная справедливоспъ отъ невинности содѣлываетъ счастье мое и на чужбинѣ. За обѣдомъ сколько хозяинъ Барановъ и Броневскій занимали благоразумнымъ разговоромъ, сполько какой-то пріѣзжій выказывалъ во всемъ блескъ глупоспъ свою и даже низоспъ чувспнвъ. Посидѣвши у больного до девяти часовъ, пошелъ съ Губернашоромъ къ О — ѣ, гдѣ засталъ пріѣзжавшаго Сенашора Анд. Мих. Бор.; онъ удивлялся — увидя меня; учспивоспями закидалъ и просилъ къ себѣ; благодарилъ и за шо и за другое. Первой разъ съ пріѣзда моего въ Симферополь, часу въ пятомъ по полудни заблпспали молніа, загремѣлъ громъ и пошелъ маленькой дождь, послѣ кошораго сильной вѣспрь. Какъ не благодарилъ Бога! Чтобы со мною было въ

ополь прескучномъ городѣ, безъ Баранова и безъ любезныхъ особъ; единая тѣснота была бы мнѣ подруга: куда хорошая собесѣдница!

28-го Августа. Симферополь. Ясно вижу, что путешесствіе для челоѣка начипаннаго полезно, особенно если и душа образована; такой путешесственикъ ни чему не удивляется, ничто не можешь совратить его съ пути должнаго, смотришь и — что заслуживаетъ вниманія, восхищается; но — безъ ахъ! и увы! величественныя красы природы вдыхающъ въ него еще болѣе благоговѣнія къ Создателю всяческихъ. Красота нѣжнаго пола влечетъ чувствительное его сердце, и ежели соединена съ умомъ, слѣдственно съ добродѣтелию, болѣе и болѣе укрѣпляешь въ правилахъ истинныхъ; но красота безъ должнаго восмишанія, не шрогаетъ благо-разумнаго путешесственика; онъ льетъ слезы, разсуждая: что хорошее образование могло бы увеличить красоту наружную, и тогда безъ ужаса можно встрѣлишь спарость. Красавица, лишающаяся оль времени наружной прелести, но приобрьшшая красоты душевныя, всегда прекрасна въ глазахъ мудросни, честносни. Души крошкія приходятъ въ умиленіе,

когда видяшь преспарѣлую особу, окруженную дѣшми своими и чадами чадъ своихъ, и слыша глаголь сей почтенной особы, всегда поучительный, не на мечтахъ основанный, а на опытѣ дознанный. Обращаешь шею взоры наши: на старость, которая не готовилась къ оной. Нынѣ — я не могу предсказать сполнѣ горестную картину, хотя въ жизни своей и имѣлъ несчастіе встрѣчаться съ сими жалкими пшварями; но старость, желающая молодиться, заслуживаетъ общее презрѣніе.

Признаюсь, въ каждой губерніи находилъ я пріятности, добрыхъ нравственныхъ людей, и сердился въ шоже время, видя людей съ нѣкоторыми дарованіями, невыполняющими долгъ свой; есть и шаки, кои ушѣкою считаютъ угнѣшать ближняго: — горе имъ! за окаменѣлость ихъ, они живы оземлены; что ожидать сихъ немезявивыхъ? Въ настоящей жизни презрѣніе а въ будущей, — конечно наказаніе.

Товарищу моему лучше. Барановъ любезный человекъ; но я сего дня со слезами вспоминалъ С. Петербургъ, и если бы можно было, подобно Икару, придѣлать бы крылья и полетѣлъ бы въ столицу. Ходилъ по городу нѣсколько часовъ, два

раза промоченъ дождемъ, прошелъ 39 улицъ и переулковъ; шоска такъ и ходила по пятамъ моимъ, вершлась передъ глазами и не давала мнѣ покою. День не въ день, съ уняра почти не жиль.

29-го Августа. Симферополь. Большому поварищу гораздо лучше, и пошому въ двѣнадцатомъ часу ушра побжали Барановъ, Мильгаузенъ, Офрейнъ и я въ *Саб-ли*, помѣстье, принадлежащее А. М. Бороздину, яко званые. — 15 вершъ дорога дурна, иногда виды изрядные; но виды не пайняють, когда все въ сирахъ, что будешь на боку; прѣехали и — угощены. Саб-ли вообще хорошо; но много еще денегъ надо, чтобы остановишь путешественника; однако школа (пепенъеры) фруктовыхъ деревъ заслуживаетъ особенное вниманіе, — штысячъ прирцасть, можешь бышь и болѣе, прекрасно, прекрасно; но что всего привлекаетельнѣе и достойно вниманія благоразумнаго челоука: эшо дочь Бороз., Мар. Андр., лѣтъ 18: — и крошость, и хорошее воспитаніе, и наружность привлекаетельная, и въ большихъ голубыхъ глазахъ видна добрая душа и чувствительное сердце. — Возблагодаря госпенрѣимнаго хозяина, въ семь часовъ по полудни были уже въ Симферополь; по шой жѣ

дурной дорогѣ вѣхали. Удаляясь къ себѣ, единственно думалъ о счастіи земномъ, и рѣшилъ шѣмъ, что всѣ блага земнаго шара не могушь сосщавишь счастіи человѣку, коль счастья въ сердцѣ нѣтъ, и покоѣ душевный осщавиль. Миръ съ совѣстью ешь частъ счастія, ибо можно ли вполнѣ бышь довольнымъ, когда ближній и дошпойнѣ меня, сщраждешь, и когда радость едва досшигла шебя, горесшь догоняешь! Кладу перо. — Пришелъ ко мнѣ Губернашоръ и до полуночи чипалъ мнѣ свое сочиненіе о образованіи Ташаръ Таврической губерніи; похвально написано.

30-го Августа. Симферополь. Тезокменишсшво Государя Императора; по долгу вѣрноподданнаго и прямо ошъ души, въ мундирѣ, вмѣстѣ съ Губернашоромъ вѣдиль къ обѣдни, гдѣ были всѣ чиновники, и военный шпашъ; по малоспи церкви, солдашы спояли около церкви; погода прекрасная — лѣшняя. Сего дня мнѣ весело, и я былъ у многихъ дамъ до обѣда — и до обѣда даже вальсировалъ у Л., съ Леонисъ. Ошъ шого, что много было у Губернашора за обѣдомъ, и всѣ лица незнакомыя, молчаніе почши не прерывалось, — шоварищу моему больному легче. До десяти часовъ ходиль; иллюминація въ казенныхъ домахъ;

но людей избыть; спало грустно: видя скоро-богатыизъ въ шолъ, въ изобиліи живущихъ и ненаказанныхъ, слыша кривые шолки о честности; — пера во свояси; почти со слезами молился и крѣпко заснулъ.

31 - го Августа. Симферополь. Съ поскою проснулся, плакалъ много, и эшо можешъ расшпрощъ здоревье; человекъ рѣдко доволенъ бываешъ своимъ сосноядіемъ; но во всемъ нужно держашься средины; эшо мудрено; нужно смиряшья предъ обшпояшельшвами, особенно когда нельзя помочь себѣ. У меня нервы очень расшпроены! За объдомъ у Куз., когда заговорили о моихъ родныхъ, слезы градомъ покапились, и почти весь споль былъ расшпроганъ, — двѣ дѣвицы, милыя, не могли удержашъ своихъ слезъ; честъ ихъ чувствительности! Видно, что хорошія дочери и вѣрно будущъ хорошія машери. Вечеръ просидѣлъ у любезной Л.; она была обворожительна, окруженная шрема малолѣшними дѣшьями; бѣда сердцу! скорѣе; скорѣе ошъ очаровательныхъ мѣспъ, гдѣ крошкно умшшвующъ и скромно говоряшъ:

1 - го Сеншября. Довольный вчерашнимъ вечеромъ, спалъ сладко; но — вспомнил, что сего-дня старшаго брашна моего има-

нины, вспомя, что мать и вся родня обо мнѣ говорятъ и ео слезами, залился и я; вотъ каково въ первой разѣ разлучаніе, и въ дѣла немолодыя! Привычка — вторая мать природа. — Пиваль много, посидѣль у поварища, былъ у прекрасныхъ, а ихъ мужья упрямъ посяпали меня и нѣмногорые офицеры, благовоспитанные; воспитанные же по нынѣшнему духу времени, не любящъ меня, за неопровергаемыя истины, мною часто поворяемыя. Песля обѣда вмѣстѣ съ Обр., перешагнувъ Салтиръ, былъ уже у Профессора Химіи Дессера, эмигранта, друга и поварища славнаго Химика Лавуазье, который кончалъ дни свои подъ гильотиною, обезомершивъ себя системою своею по Химіи, и опвергнувъ систему Вѣргава; по системѣ сего послѣдняго учился, но бывъ уже офицеромъ, слушалъ въ Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ Профессоровъ Соколова и Захарова, которые приняли систему Лавуазье. Мы не засинали господина Дессера дома; жена его рассыпала учтивости на Французскомъ языкѣ: я долженъ былъ опвѣчать, краснѣль, — ибо и не люблю говорить на семъ языкѣ и худо говорю; обрадовался, когда двѣ дочери ея, слыша меня, что я не возлюбляю Французскій діалектъ,

еполокко были учинивы, ящо начали гово-
ришь по-Русски, и хорошо, особенно
Эшель; послѣ нѣкошорыхъ приличныхъ
словъ, обѣ вскочили, побѣжали и вскорѣ
принесли изъ своего сада сливъ, виногра-
ду и другикъ плодовъ; опскланялся, давъ
слово бышь у нихъ и видѣшься съ помѣ-
щикомъ Симѣронола, ихъ опцемъ. Опящъ
перешедъ Саагирь, зашелъ къ Генералу
Удому; какъ онъ, щакъ супруга и двѣ ми-
ленькія дочери осынали меня ушнivosпша-
ми; сидѣлъ у шеварища выддоравливающа-
го, и вощомъ, магнишною сидюю влечен-
ный, пошелъ къ Оф. —, гдѣ сердце шочно
опдыхаешъ опъ любезности всего семей-
ства; опкровенность — великое дѣло!

2-го Сеншября. Симѣрополь. Упрѣ
провелъ въ чшеніи, гулялъ по скучному и
безлюдному городу; званый, обѣдалъ у
пощеннаго Оф., — и душа наслаждалась
счастіемъ семейшвеннымъ; шесшери дѣ-
щей опкровенностию дышашъ и здоровь-
емъ пользауюшя; редищеи занимающя
ими, какъ занимались въ первыхъ вѣкахъ,
и вѣчно вмѣшъ. А что мы видимъ въ
большихъ городахъ? Наемники и наемницы
приведунъ *дѣтей къ родителямъ, при-
ложатся къ руцъ, да и сонъ!* Чашно и по
недѣлямъ не видяшъ опцы и мащери сво-

ихъ дѣшей, ибо прѣзжающъ поздно, всташъ поздно, и опяшь шоже, да шоже! Увы! — Вечерь сидѣлъ съ шоварищемъ и хозиномъ; — грустно, шолько что мо- дншвы унѣшающъ меня, сердце носеть, душа плачеть.

3-го Сентября. Симферополь. Въ вось- момъ часу ушра пошелъ на базаръ; смѣш- но видѣшь вмѣстѣ — Русскихъ, Армянъ, Жидовъ, Грековъ, Ташаръ, Нѣмцевъ, Фран- цузовъ и много разныхъ Азіатцевъ; всѣ по своему кричашъ, желая продать свой шоваръ. Хорошенькихъ покунницъ было мало; всѣ жишели запасаютъ ся съѣсшными припасами на недѣлю, однако можно до- сшашъ и въ другіе дни. Одна дама обра- щила мое вниманіе: очень не дурна; не смотря на мою шеску, я для нее часъ и болѣ гулялъ по небольшому базару: — какъ слабъ человекъ! Но кто поспорить со мною и не скажешь, что весело смо- трѣшь на картину изящной работы, коль- ми паче на швореніе Вожіе, дѣлообразное? Я успѣлъ познакомиться, однако не уда- лось бытъ у сей любезной дамы. — Вечерь у Куз., — вальсировалъ съ шесью дѣви- цамъ; — упомянный спалъ хорошо.

4-го Сентября. Симферополь. Чиналъ много, съ 12-го до 2-хъ часовъ сидѣлъ у

прекрасной Л. — Откровенность, любезность, крохосность, скромность сидѣли съ нами; мнѣ весело и сердцемъ и душою; но, признаюсь, должно вѣхаться, а что прощаніе съ милыми будетъ слезное; оспашокъ дня дома въ чтеніи и пріятныхъ разговорахъ.

5-го Сентября. Симферополь. Послѣ холоду и дождей, погода прояснивается; но очень грязно, ибо городъ не мощенъ. Тезоименинство Императрицы Елисаветы Алексѣевны, и именины родившей меня; надѣвъ мундиръ, поѣхалъ къ обѣдин; гдѣ вспомня, что въ щеченіе почти тридцати лѣтъ, первой разъ въ разлукъ съ рѣдкою, почтенною матерью, и что я не могу поздравить лично, — слезы невольно въ изобиліи потекли; не понимаю, какъ дѣти могутъ не любить родителей своихъ; къ несчастію, есть и такія; уже ли высреннее воспитаніе причиною? Не вѣрю; ибо чѣмъ лучше воспитанъ человекъ, тѣмъ болѣе чтитъ даровавшихъ жизнь ему. Въ сіе время вспомнилъ Эпиктета, Фивянина, идолопоклонника, который говорилъ: „Природа даровала дѣтямъ родинителей, но не обязалась дать добрыхъ или злыхъ: каковы случатся, и ежели они не выполняютъ долгу своего, дѣти должны выполнять съ крохосностію и

„ смиреніемъ долгъ свой и не смѣнь роп-
 „ шашъ.“ Ежели шакъ писалъ и делопро-
 клонникъ, что жъ осталось намъ Христі-
 анамъ? — Безмодвоцривашъ.

Не смолря на щеску свою, послѣ объ-
 дни былъ у имяниницъ Симферопольскихъ,
 а оспальные часы — дома, въ любезной
 бесѣдѣ съ Барановымъ и шоварищемъ сво-
 имъ. За обѣдомъ былъ Князь Балапукъ;
 богаче всѣхъ считался по Крыму; Гене-
 раль — Маіоръ; но — я въ немъ нашелъ при-
 знательнаго, учливаго и даже слишкомъ
 любящаго меня; честь ему.

6-го Септября. Симферополь. Погода
 опять совершенно лѣшняя, и воздухъ бла-
 гошворный; первой разъ — послѣ жестокой
 болѣзни, позжалъ шрокашашъ шоварища
 моего, — ему стало вдругъ лучше; до
 обѣда посѣщалъ любезныхъ: *это потреб-*
ность души моей, какъ говорятъ одниъ
нашъ трогательный путешественникъ. До-
 ма обѣдалъ, гдѣ былъ Графъ Носпицъ, на-
 шей службы Полковникъ, съ опличнымъ
 просвѣщеніемъ человекъ; бесѣда его очень
 занимала меня. Вечерь сидѣлъ у Оф. —,
 гдѣ много смѣядся и припомъ далъ замѣ-
 шившъ, что и въ Крыму знающъ науку,
 не слишкомъ хорошую, пересказывашъ
 сказанное, — иначе, и шѣмъ посѣвашъ раз-

дерь между семействами; люди — вездѣ люди. Тутъ былъ Губернскій Предводитель Филащевъ, коего по Пешербургу знаю, и Графъ Мезонъ, начальникъ Ногайцевъ; болѣе 40 шлюхъ обою пола въ его подчиненности; двадцать сего Француза. — У Татаръ начался Байрамъ или первые годовые праздники; но обычаю, введенному съ давнихъ лѣтъ, все должны закалать агненка, а шакуру Мулла, духовному, коихъ считаешься при ста-десяти тысячахъ Татаръ, шесть тысячъ.

7-го Сентября. Симферополь. Погода какъ въ Юль; ищешь тѣни отъ жару, и ирива претвѣй разъ выказывается! — Послѣ Турецкой бани, гулялъ, и хоща былъ званъ въ Сабли обѣдать къ А. М. Б., но — не любя общество мушкетеровъ, осмался въ Симферополь, и провелъ время счастливо, *роскошь гувствуя въ душѣ своей*: среди любезнаго семейства Оф. все прекрасно, и обѣдъ хорошъ, приправленный Афинскою солью; шупъ была госпожа Палласъ, супруга покойнаго, славнаго нашего Природы испытателя, женщина учившая, владѣтельница прекраснаго сада и масленики умбющая хвалишь, и шѣмъ заспавившая поцѣловать свою руку. Здѣсь же познакомился съ госпожею Бухольцъ, Еж. Мих.,

родомъ изъ Книженъ Черкесскихъ: особа, каковыхъ мало встрѣпишь; кто правды не любишь, не приближайся къ ней: съ умомъ и разсудкомъ, каждому выскажешь въ глаза, кто чего споить; женщина приятная и по ея собственнымъ словамъ 42-хъ лѣтъ; но сохранившая по сіе время красоту привлекательную; всякой, увидя свѣжесть лица ея, убавишь болѣе десяти лѣтъ; все въ ней прелестно, и глаза точно побѣдительнымъ; при солнечномъ сіяніи и при свѣчахъ одинаково хороша; верхомъ же и въ Черкескомъ платьѣ точно баснословная богиня! Къ вѣнчимъ красотамъ присоединяешь доброту души, гошовую послужишь каждому, и подѣлишься послѣднимъ. Послѣ обѣда, пошелъ къ Л....., благодарилъ прекрасную за присланный милый подарокъ, — чшобъ не забышь ее въ столицѣ. Можно ли съ удовольствіемъ не вспоминать? Мужъ ея боленъ, и бесѣда, часа два продолжавшаяся съ Докшоромъ симъ, показала мнѣ его просвѣщеніе и доброту сердца. Вечеръ дома въ чтеніи.

8-го Сентября. Симферополь. Рожд. Богоматери, и въ 1380 году въ сей день побѣда Димитрія Ивановича Донскаго, надъ Мамаемъ, на Куликовомъ полѣ — въ Тульской губерніи: начало избавленія Рос-

сіа изъ подъ ига Ташарскаго. Сего дня сильно почувствовали превосходство богатаго надъ бѣднымъ, хопя и честнымъ и просвѣщеннымъ челоувкомъ. Бѣднякъ, *свѣтскою челоувкъ* идешь по спезѣ усипанной цвѣшами къ счастью; сей изгибшій хамелеонъ не покажешь *безобразному* зеркала; *безумца* ушверждаешъ въ мнѣніи, что ничего мнѣше нуше — ума; *растопителя* увѣряешъ, что онъ шолько щедръ, а *скупаго*, что онъ экономъ; *безобразной* женщины доказываешъ шлѣнное красоты; *богату* швердишь, что онъ бы могъ съ пользою быти дѣловцемъ государшвеннымъ, ученымъ мужемъ, героемъ, что онъ покровишель Музъ, любимъ красавицами; хвалишь гордое *невъжество*, и съ восторгомъ превозносишь подвиги полководца, *бѣжавшаго* съ поля сраженія; *музыканту* говоришь, что такой-то Генераль былъ бы конечно великій челоувкъ, если бы умѣлъ играшь на инструменшѣ; *живописцу* поешъ, что Апеллесъ, Зевксисъ, гораздо превосходише умомъ Омира, Сократа. *Истинною руководимый* бѣднякъ, можетъ ли готовить себя счастью такимъ постыднымъ образомъ? Распространить сію спашью не шрудно, но и сего довольно. До сего написаннаго

мною разсужденія; былъ у обѣдни; былъ у прѣзжихъ Генераловъ Н. Н. Раевскаго и Графа Ланжерона: учтивостями обрѣкъ доволенъ, привѣчалъ съ супруги послѣдняго шже; чшобъ разбишь носку свою, былъ у любезныхъ особъ; выходя же изъ церкви, нельзя было не замѣтить одну прелестную дѣвицу: по чертамъ лица и по значительнымъ взорамъ, заключилъ, что она должна быть Гречанка; съ нею было нѣсколько дамъ; кого ни спрашивалъ о ней, отвѣчали незнаемъ. — Спранно покажется чшашедямъ, чшо въ мои немолодые лѣта, пускакъ меня занимающъ; но —

Я люблю въ природѣ милое,
Восхищаюсь взоромъ крошесни,
И теряюсь въ удовольствіи —
Счастье чувствуя въ душѣ своей.

Послѣ обѣда, пошелъ чрезъ Садгирь, прямо къ Химику Дессеру; нашелъ въ немъ челоѡка почно добраго и просвѣщеннаго; дочери любезны и хорошо воспитаны; Н. Н. Раевскій, приславши въ семь домъ, своимъ умнымъ разговоромъ разсѣялъ мрачныя мои мысли, и дославмъ, не думая, покой душѣ моеи.

9-го Сентября. Симферополь. — При
 всёх колотрашноспяхъ жизни, гдѣ бы че-
 ловѣкъ ни случился, ежели оңь находитъ
 удовольствіе въ чтеніи, полезныхъ книгъ,
 скука не посѣтитъ его; но — не надо ча-
 тать какъ *святскіе люди*: они пробѣга-
 ютъ книгу, какъ многіе путешественни-
 ки, безъ размысленія, ширько чинюбъ *по-
 смотреть меидалъцины*, и все, что они
 видятъ, исчезаетъ въ воздухъ. Чтеніе съ
 размысленіемъ, подобно рѣкѣ Нилу: гдѣ
 прошекаетъ, гдѣ разливается, тамъ изоби-
 ліе процвѣщаетъ. Какъ горько смотрѣшь
 на нѣкошорыхъ, кои всцавъ садяся за шу-
 алешъ; не могушь дождашься конца обѣда,
 чтобы сѣсть опять за шуалешъ; къ вечеру
 еще, между шѣмъ жалующся, что скука
 не оставялетъ ихъ. Бѣдненькіе! А какъ
 скажешь — занимаешь чтеніемъ, думайше,
 что прочитали, займишь рукодѣліемъ —
 вдругъ свѣшскіе люди кричатъ: ахъ, суда-
 рыня! не слушайше, вы богашы, молоды,
 хороши, оставьше среднему сословію —
 занимаешь симъ вздоромъ; и въ самомъ
 дѣлѣ говорилъ нѣжнымъ голосомъ молодая
 барыня: какая шоска — книги, рукодѣлія;
 и шы, сказавъ правду, осмѣянь! Эши мысли
 бродили въ моей головѣ со вчерашняго дня;
 опъ чего родились? умолчу.

Жарко, однако гулялъ. За обѣдомъ у Губернатора были Н. Н. Раевскій, Графъ Ланжеронъ, А. М. Бородинъ съ голубою достойною почтенія дочерью своею, Фамилія Офрейнь и другіе; — я сидѣлъ между Леон. . . . и М. А. Бор. . . . — обѣ умны; мнѣ было весело, нѣмъ болѣе, чѣмъ любезныя дѣвицы заставляли меня говорить языкомъ ученаго, но не педагогически; ибо я у *Русскихъ только учился, и сей науки не знаю*; дѣвицы жалѣли, что обѣдъ кончился, и я поже; довольный, пошелъ ходишь; погода прекрасная; пошедъ у двухъ умненькихъ дамъ, повадировалъ у Офр., ужиналъ у себя; читалъ и писалъ долго. Опять, усмѣхнувшись, враги счастья ближняго скажутъ: ошъ чего я люблю молодость, будучи самъ немолодъ? Ошвѣчаю:

Люблю пріятную я младость
 Съ душою Ангельской — простою;
 Вкушаю я тогда лишь радость —
 Коль зрю невинность съ красошою;

Доволенъ, коль встрѣчаю взгляды —
 Веселья полны и ушѣхъ;
 Не нужно больше мнѣ ошрады,
 Блаженіе Царей я всѣхъ.

Люблю въ бесѣдѣ съ красошамъ
 Дѣлать и время и покой,
 Когда прекрасныя и сами
 Открываютъ мнѣ своей душой;

Тогда и я судьбѣ послушенъ,
 Не лью и я горячихъ слезъ,
 Къ чинамъ, къ богатству равнодушенъ,
 Влущаю радости Небесъ.

10-го Сентября. Симферополь. — Дума
 мѣшала мнѣ спать; душою желаю бытъ
 въ С. Пешербургъ; но обязанъ повиновашь-
 ся своей участи: *давши слово держись,*
 говорящъ Русскіе, *а не давши крѣпясь;*
 шерпѣніе все преодолюваешь, но — шерпѣшь
 должно, на равнодушіе упираясь, и гово-
 ришь чаще себѣ самому: *въ міръ все при-*
ятно, и нѣго нѣтъ невозможнаго, осо-
 бенно для сердца; *только стремись къ*
одной цѣли, и вѣрно достигнешь; волна
 прокладываетъ себѣ дорогу, стараясь
 оную найти; вода, капля за каплею па-
 дающая, пробиваетъ твердѣйшій камень,
 и теловѣкъ, ведя себя кротко, дѣйствиуя
 смиренно, рано ли, поздно ли, нехотя за-
 ставляетъ молчать коварство; добродѣтель
 же вездѣ встрѣчаетъ и провожаетъ его.

Приглашенный ѣздилъ въ Сабли, вмѣстѣ съ хозяиномъ своимъ и поварихою; жарко, даже въ горахъ. Много было за обѣдомъ, и высокопарныя разговоры о разныхъ предметахъ, заспавши меня не внимашь онымъ; *ахъ ось совершился, тутъ угнѣтся негѣму;* я, сидя между дѣвицъ, учился бышь крошкѣмъ: недорочная любовь мало по-малу вѣрадывалась въ сердце мое; какъ весело! И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ умнымъ и любезнымъ сосѣдкамъ своимъ:

Любишь для жизни, для блаженства,
 Къ богатству не искашь путей,
 Лишь въ дружбѣ видишь совершенства,
 Сосѣды не ковати съней —
 Вотъ жизнь прѣмая, жизнь святая,
 Жизнь, въ которой жить хочу.

Юныя дѣвицы согласны были со мною; много пріятнослней услышала ошъ нихъ. Похвала ошъ невинности превосходитъ похвальныя слова всѣхъ Академій; по крайней мѣрѣ, въ энихъ чувствахъ и смерпшъ меня застанеть.

Послѣ обѣда гуляли въ саду, попомъ танцовали; не могу сказать, чшобъ мнѣ весело было, хопя дѣвицамъ, хозяиномъ и

Еж. О. О. — очень доволенъ; но вынужденъ былъ двумъ дамамъ, не смотря на красоту ихъ, сказать *колкія истины*: объ покраснѣли и сдѣлались прелюбезными. Дай Богъ, чѣнобъ мой урокъ послужилъ и впредь имъ въ пользу. При прощаніи, гостепріимнѣй А. М. и хорошо образованная дочь, благодарили *прямо*, за посѣщеніе — и за живосіпъ моего нрава. — Въ 10 часовъ вечера пріѣхали домой; Барановъ, приглася меня въ свой кабинетъ, куда вскорѣ явился и поварищъ мой, чипаль намъ Броневскаго мысли о южноиъ *берегахъ Крыма*; оиплично написано, краснорѣчиво, догически; умно, дѣльно; мало у насъ шаковыхъ писателей! — Въ концѣ сихъ мыслей Броневскаго сказано почти такъ: когда все выполнися по его обдуманному предположенію, *тогда лвится фруктовый садъ на 250 верстахъ, достопный великія и славы Россіи*. Сіе чпеніе усладило меня; но едва вошелъ къ себѣ; думая предаться безмятежному сну, мечты являлись мнѣ; я вскочилъ, попросилъ огня и вопъ что написалъ:

На прошедшихъ дняхъ не токмо я разсердился на невѣжу, но даже онъ успѣлъ огорчить меня; шеперь ясно вижу, что мудрый Сократъ справедливо ска-

заль: *это лучше быть мертвымъ, нежели невѣжою*, лучше бышь проснымъ незначи- щимъ человекомъ, нежели получишь глупое, по еспь: модное воспишаніе, бол- шашь на многихъ языкахъ, и ни на одномъ не умъшь мыслишь. Злодѣй менѣе можешь сдѣлать зла, нежели невѣжа или худо воспишанный; пропивъ злодѣя поставишь себя въ оборонительное положеніе, а про- нивъ глупца, невѣжи, невоспишаннаго, чѣмъ прикажете оборонишься? — Ничто меня такъ не безпаконшь, какъ молодой человекъ со способностями, Богомъ дан- ными; проводишь время въ праздности и, кажешся, съ удовольствіемъ обнимаешся съ невѣжесловомъ, не предвидя, что самъ себя готовишь несносную старость; не знаешь и того, что *невѣжа не можетъ быть добрымъ человекомъ*; ибо невѣже- ство воспрещаетъ ему понимашь, что другіе дѣлають и что онъ самъ дѣлаешь. Невѣжа не можешь бышь ни хорошимъ на- чальникомъ, ни хорошимъ подчиненнымъ. Воже упаси! ежели невѣжа богатъ — всѣ должны шерпъшь отъ него, хотя всѣ пре- зирають его; однако ешь невѣжи хищные, уклончивые, кои выигрываютъ въ боль- шомъ свѣтѣ, *низостию, лестию, подло- стию*; эти люди опаснѣе самыхъ хищныхъ

лютыхъ звѣрей. Бѣдный невѣжа только вреденъ самому себѣ и малому кругу своихъ ближнихъ; сего можно и унять; съ богатымъ невѣжею кто сладить? Невѣжа щедръ до распочисельности, скупъ до гнусности, и веѣ его дѣянiя безчестяшъ человеческое достоинство. Сiе краткое описанiе невѣжи да послужитъ урокомъ, и да юношество прильпится къ ученiю, къ истинному образованiю себя. —

Давно уже за полночь, а мнѣ пришла мысль объ одной молодой особѣ, которой спавши сѣни, и она — по невинности своей, можешь попастьъ въ оныя, и какъ ошеречь, мало знакомую! Богъ да поможетъ ей; она несчастная доведена до пропасти; единъ шагъ немѣрный, мигъ, и низринется; поздно уже расканитъ. Горѣ! горе тебѣ, младость неопытная; естли любовныя прелести соблазнили твою невинность; скоро изобразится въ разсѣянныхъ взорахъ, что душа твоя лишена пищи, свойственной дѣшамъ твоимъ; веселость невозвратно пошеряна, спокойствiе исчезло; посреди смѣховъ, умнiе слѣдитъ тебѣ; все, повшоряю, веселишся вокругъ тебѣ, ты одна не чувствуешь радости; улыбка оплетѣла ошь тебѣ; померкли розы на щекахъ твоихъ, блескъ

красоты примѣнно исчезаетъ; печальная блѣдность замѣняетъ ее; снѣдаемая влупленно, представляешь изъ себя образъ полухающаго свѣпильника, минушній умирающій свѣпъ испустившаго и исчезаго въ вѣчной мрачности. Спрашно дойти до такого положенія! Но что скажешь объ оболъстителей, о водворителей несчастія досель счастливаго семейства? Есть совѣсть и у него, она не даетъ ему покою ни днемъ ни ночью; Фурии безпрещанно окружають его, онъ мукащся до скончанія жизни своей, и прокладшія несущся и за гробомъ его.

11-го Сеншября. Симферополь — После безпокойнаго сна, сидѣлъ у себя и читалъ газетны, душою сирадалъ, размышляя, что всѣ говорятъ о просвѣщеніи, особенно Англии и Франціи, а гдѣ болѣе несчастныхъ жертвъ! Боже спаси Россію отъ подобнаго просвѣщенія; въ сіе время вошелъ ко мнѣ Графъ Ланжеронъ: я покрасилъ отъ неожиданнаго посѣщенія, — но Графъ всегда былъ учивъ, и пѣмъ конечно приобрѣшаетъ общее къ себѣ уваженіе честныхъ людей. Поговоря о многомъ, опікланялся; благодарностию моею провожала Его Сіашельство. Званый, обѣдалъ у Князя Балабука; приглашенныхъ не болѣе

20-иш; три дамы были за обѣдомъ: Графиня Ланжеронъ, супруга Дивизионнаго Генерала Удома и Ек. Ос. Офрейнъ. Князь Баланчукъ угощаль прежде Тангарекими жирными блюдами и своимъ Крымскимъ виномъ, попомъ уже пошли блюда обыкновенныя и вино Французское; довольно весело было. — Пока еще солнце не закатилось, поѣхалъ я Ген. М. Турчанинова: его дома не засталъ, за що супруга его, своимъ милымъ, умнымъ разговоромъ утѣшила меня; все въ ней хорошо, двадцать вѣпорой годъ, манъ проихъ дѣшей, сама кормить, и — тѣмъ болѣе заслуживаешь вниманіе. Отсюда пошелъ къ ея мапушкѣ Г. Шос.; почтенная женщина съ многочисленнымъ семействомъ; дочь ея Алек. Андр. съ крошесцію умна, наружностию привлекательна, глаза значительны, близна необыкновенна, можно сказать:

Вокругъ ея прекрасной щей

Любовь рассыпала ливей.

Вечеръ сидѣлъ въ счастливейшемъ семействѣ Оф., гдѣ разговоръ всегда живой, и часто пріятно-поучительный; зашла рѣчь о счастьи. Сколько вѣковъ спорить, ишнуть, доказывающъ, и ничто

опредѣлительно не сказала, въ чемъ можно находить истинное счастье. Одни говорили, что счастье счастливы, кто меньше имѣетъ желаній. Другіе: когда все желанія выполняются. Иные: не имѣть никакихъ желаній, и быть довольнымъ во всемъ слугаясь во всемъ колесничкомъ міру. Нѣкоторые: въ уменьшеніи нашихъ желаній. Софисты швердили и швердали: въ распространеніи нашихъ способностей, и въ познаніи всего, это извѣстно! Мудрые мужи находили счастье въ томъ, чтобы быть здоровымъ — душою и теломъ, — и такъ далѣе; кажется мнѣ, и душа даже моя согласна, что мудрый Сократъ поднималъ покровъ, заставляющій истинное счастье; онъ говорилъ: тотъ самый изъ смертныхъ, кто радуется счастью, блаженнее ближнего. Христіанинъ же находить счастье въ томъ, чтобы не только прощать обидѣшаго его, врага его, но и дѣлать добро, кто содѣлалъ ему зло. О, если бы мы слѣдовали сей послѣдней истинѣ! Сколько бы дѣлъ безмятежныхъ прибавилъ къ жизни своей.

12-го Сентября, Симферополь. — Воскресенье, была у обѣдни; служба продолжалась болѣе двухъ часовъ; приходило

чисто принимали слову Божию; полководцы пь-
 чие морально пьли; но — оныя желанія пре-
 возмочь себя, часно ошибались, или де-
 монировали; во всьхъ случаяхъ, человекъ,
 свлщійся казашься шьмъ, чьмъ оны не
 есны, сцановишся смьшнымъ. Во время
 служенія, видьль Лео..... съ слезящими
 глазами, съ умилениемъ молилась по-Ка-
 толически; сеспра ея Зен..... съ бла-
 гововьниемъ вперидя въ алтарь глаза свои;
 какъ примьшно восципаніе, данное роди-
 шельми; рьдко и лучшіе гувернеры и гу-
 вернаншми занимающся Закономъ Божиимъ.
 До шрехъ часовъ посьщаль многихъ, осо-
 бенно дамь; обьдалъ у Оф. — какъ всегда,
 доводень, казалось и — мною довольныи;
 даже одна сеоба, которой я говорилъ пол-
 новьсную правду, призналась въ неоспо-
 рожности своей, и дала слово впредь вос-
 пользовашься моими доказательствами;
 кто поспоришь, что дружба взыскашель-
 нье любви, а пошому дружбою шушишь
 не должно, шьмъ болше, что нынъ ошь
 накъ называемаго *утонченнаго воспита-*
нія, дружба спановишся рьже и рьже, —
 сльдсшвенно все приказываешь оную *цль-*
нитъ и оною *дорожитъ*. Заходилъ къ Дес-
 серь; любезныи, а Эсцель зашарила меня
 много смьшсься, сказавъ какъ бы съ ош-

кровою и покраснѣвъ, что въ меня
можно и влюбиться; хотя это и шушка
была, но мнѣ весело спало; пришедъ до-
мой, грусть предстала глазамъ моимъ; я,
отвратясь отъ нее, молился Богу; про-
ся — скорѣ перенѣши меня въ С. Пе-
тербургъ.

До двухъ часовъ ночи читалъ, мыс-
лилъ, писалъ; разныя чувства лишили ме-
ня покоя; отъ С. Петербурга начиная,
биспиро переходилъ изъ губерніи въ губер-
нію, изъ города въ городъ; горько вздо-
хнулъ, обращаясь къ себѣ самому и къ
ближнимъ; въ такомъ расположеніи духа,
вещь что излилось изъ пера моего:

Саду одинъ, въ печаль глубокую погруженный,

Саду одинъ, въ мертвой тишинѣ,

На сапшу вкругъ себя

Ни гласа, ни движенья,

Молчанье только прерываешь

Стоишь сердца моего.

Сердце больно уязвлено

Ядовитою стрѣлой,

Ужъ исчезъ покой душевный,

Жаръ погасъ въ крови моей,

Одна недвижность плачевна

Продолжаешь для меня.

Не любовь одна причиной
 Чуть утѣхъ не пахожу
 Въ шумныхъ играхъ и бесѣдахъ,
 Въ кругу многихъ милыхъ мнѣ,
 Гдѣ я прежде веселился
 И въ восторгѣ хохоталъ.
 Едва другія огорчеши,
 Раздирають больно душу;
 Какъ не плакать, не терзаться,
 Видя злость какъ торжествуешь,
 Честность спонетъ — умираешь,
 Оставляешь голодь дѣшамъ.

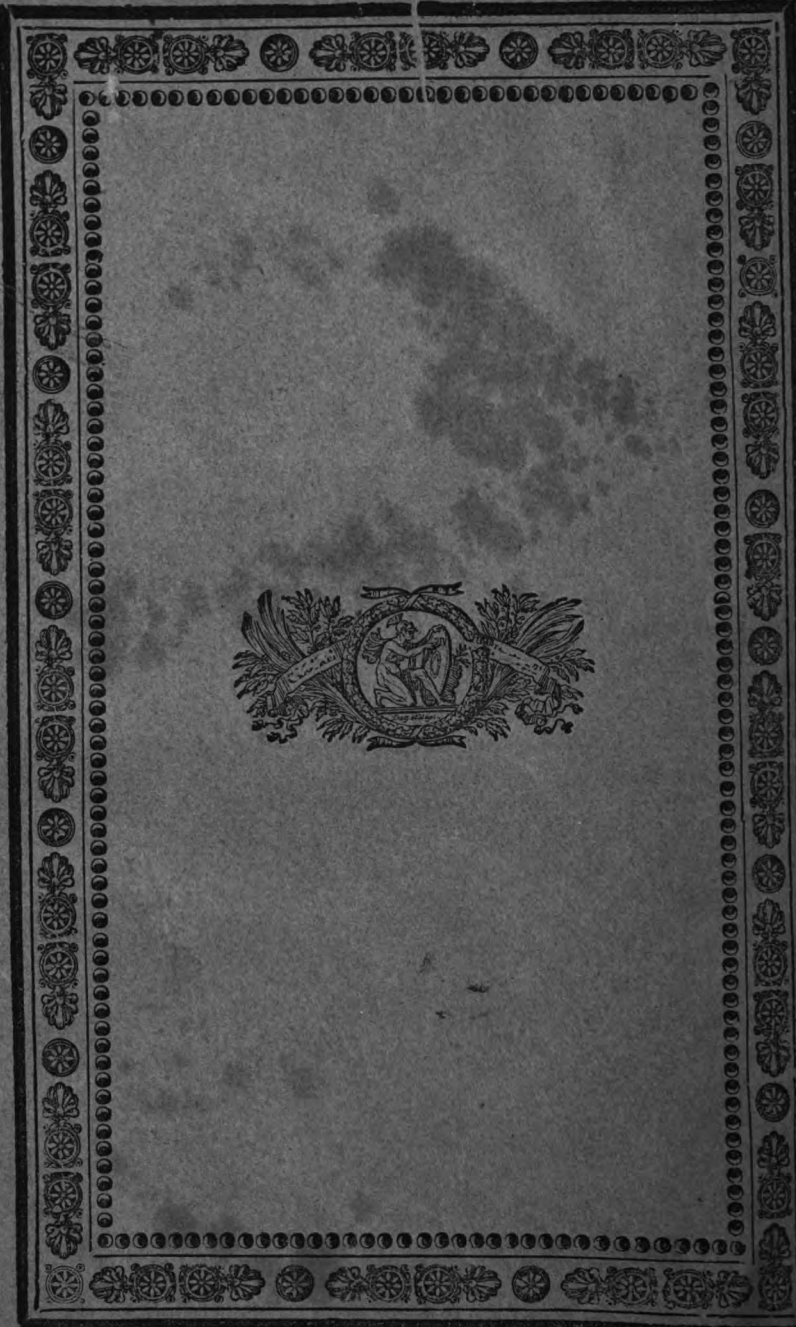
Мнѣ говоряшь, и часно, если пла-
 кашь о бѣдствіяхъ рода человѣческаго,
 то лучше не жить, безъ того де жизнь
 крашка, и пошому надо наслаждашься,
 оставишь людей, а думаешь шолько о се-
 бѣ самомъ. Эти слова эгоистовъ или се-
 бя-любцевъ, еще болѣе пираняшь меня.
Эгоистъ или *Есмій*, по мнѣнію общему,
 не что иное, какъ *животное*, имѣющее
 видъ человѣческой — и болѣе ничего; онъ
 злѣе любящихъ звѣрей, ибо холодное
 равнодушіе его къ бѣдствіямъ себѣ по-
 добныхъ, превышаетъ самую злость. *Эго-*
исты *экибисты*, *подлы*, когда идешь
 дѣло до ихъ лица; *горды* и *несносны*, ко-

гда счастье имъ везеть; чинюбъ не превоз-
жишь себя, оставляю перо и съ моли-
вою предаюсь ему.

13-го Сентября. Симферополь. — Рано
всталъ и занялся чтеніемъ чужихъ дѣло-
выхъ бумагъ; вездѣ того желаютъ, что
пропивно законамъ и здравый разсудокъ
не принимаетъ; *софизмажи* и *двоесмы-
слиемъ* ополчающся пропивъ *истины*; горь-
ко читаешь! но образованный Русскими,
безъ всякихъ риторическихъ фигуръ ска-
залъ, что просишело просятъ того, чего
нельзя выдѣлать; поплакали и пошли
ошь меня; ежели же есть у нихъ капля
справедливости, они должны меня благо-
дарить, что вывелъ ихъ изъ заблужде-
нія... Сего-дня былъ прощень въ ханъ въ
Бакчисарай; я не повѣхалъ, чинюбъ дока-
зашь молодымъ людямъ, чинюбъ харак-
теръ, чинюбъ *чувствую* себя. Обѣдалъ у О.,
всегда счастливъ и доволенъ: шущь была
прекрасная старуха 17-ши лѣтъ Е. И.
Но. — Чинюбъ за любезность, чинюбъ за оспро-
на съ крепостію! ханъ кому можешь
вскружинъ голову своимъ невиннымъ об-
ращеніемъ. — Вечерь; на дворѣ луна покло-
освѣщала; я взялъ шоску съ собою, по-
шелъ ходишь по нешумному городу, вспрѣ-
щивъ Е. М. Б. гуляющую неже, и позвди

ея Арапъ; замѣтивъ по разговорамъ моимъ,
 что я не въ шарелкѣ своей, предложила
 свою руку, водила до устали, и со-
 пушпвующую прежде шоску заставила
 скрыться; благодарилъ душевно. Доволь-
 ный, пришелъ къ себѣ; послѣ Аминскаго
 ужина, чиналъ и вспомни преняго дня
 разговоръ, пишу оный. Начали даже упре-
 ки мнѣ дѣлать, для чего я предпочитаю
 общества нѣжнаго пола, передъ мущина-
 ми? Почему, ошвѣчалъ я, что женскій
 полъ, особенно нынѣ, просвѣщеннѣе му-
 щинъ, слѣдственнно любезнѣе, и пошому,
 что съ дѣшпшва по сіе время кромѣ доб-
 ра, во всѣхъ родахъ, ничего другаго ошъ
 нихъ не видѣлъ; ежели иногда и огорчали
 меня, я шѣхъ включалъ въ число мущинъ
 и успокоивался. Чшобъ не любилъ и не
 почиталъ нѣжный полъ, надобно имѣшъ
 причины, — напрымѣръ; Исторія намъ ос-
 тавила о Шведскомъ Королѣ Карлѣ XII,
 слѣдующее: съ дѣшпшва сей Король лю-
 билъ заниматья огнеспрѣльнымъ оружі-
 емъ; будучи лѣтъ шринадцати, Генераль
 Шпейнбокъ и его училъ по военнымъ
 часнямъ, подарилъ ему однимъ вечеромъ
 24 пушечки. Карлъ XII шакъ былъ симъ
 доволенъ, что нешерпѣливо ждалъ ушра,
 чшобъ возблагодарилъ Генерала. До свѣшу

побѣжалъ къ нему; долго стучался у дверей; наконецъ дѣвка отворила, и Король принесъ свою благодарность, лежавшему въ постель Шпейнбоку. При выходѣ, также дѣвка провожала со свѣчою Карла, который замѣня прекрасную Далекарлку, вздумалъ пошутить, и — какъ удивился, получа сильную пощечину! Вотъ причина, что Карлъ возненавидѣлъ ибжннй полъ, и даже не любилъ и встрѣчаться съ онымъ. Сей отъвѣтъ мой засмѣялъ молчанъ господъ нападащелей.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
MAY 10 1992
~~APR 27 1992~~

